

В. С. КРИВЕНКО

ВЪ ДОРОГЪ

И НА МѢСТѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1899

Дозволено цензурою 4-го февраля 1899 г. С.-Петербургъ.

Въ этой книгѣ собраны мои путевые очерки и замѣтки, помѣщенные въ 1897 и 1898 годахъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» «Новомъ Времени», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Василій Кривенко.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Франко-русская недѣля.

Осенью 1896 года многихъ русскихъ и иностранцевъ потянуло во Францію, гдѣ должно было свершиться историческое событіе — скрѣпленіе франко-русскихъ узъ. Что за дивное путешествіе въ Nord-Express! Въ двое сутокъ быстрый поѣздъ домчалъ насъ отъ Петербурга до Парижа.

Пассажировъ было мало: всего, кажется, двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ одна дама. Представительница прекраснаго пола или совсѣмъ не интересовалась нашимъ исключительно мужскимъ обществомъ, или обидѣлась на нѣкоторую съ нашей стороны холодность; она послѣ перваго же обѣда заперлась въ своемъ купе и не выходила вплоть до Парижа. Мы, кавалеры, оставались полными господами и столовой, и салона. Послѣднія два помѣщенія способствовали тому, что всѣ скоро перезнакомились, точно на волжскомъ пароходѣ. Серьезные разговоры перемѣни-

вались съ веселыми анекдотами и время летѣло незамѣтно.

Всѣ мы ѣхали съ одной цѣлью: быть свидѣтелями историческаго событія, — посѣщенія Царственной Четой Франціи.

Поѣздъ останавливается лишь на большихъ узловыхъ станціяхъ и то на самое короткое время. Самая длинная остановка въ Вержболовѣ и единственная пересадка въ Эйдкуненѣ. Проносясь молніей по чужимъ краямъ, съ своимъ служебнымъ персоналомъ, съ своей кухней и столовой, съ одними и тѣми же пассажирами, нашъ поѣздъ представлялъ собою дѣйствительно нѣчто «международное», совершенно обособленное отъ мѣстныхъ интересовъ. Быстро мелькаютъ передъ нами образцово, не по-русски воздѣланныя германскія поля, уходятъ вдаль прекрасныя шоссированныя, обсаженныя деревьями дороги. Вотъ слышится пронзительный свистокъ, громадный локомотивъ пришпориваетъ себя, усиливаетъ ходъ и мы вихремъ проносимся мимо не то крохотнаго городка, не то деревни съ трехъэтажными домами, вплотную прижавшимися къ полотну дороги.

Иной встрѣчный путникъ съ интересомъ вглядывается въ приближающіеся къ нему вагоны, но невозможно различить, что дѣлается внутри этихъ отполированныхъ клѣтокъ, двигающихся съ неимовѣрною быстротой. Блеснули на солнцѣ зеркальныя окна, поѣздъ уже прогромыхалъ и

вытянулся въ скоро скрывающуюся на горизонтѣ полосу. А въ этой безжизненной извнѣ коробкѣ слышатся остроты и раскатывается веселый смѣхъ за роскошно накрытыми обѣденными столиками.

Машинистъ, точно русскій ямщикъ, припускающій тройку по деревнѣ, съ особенною лихостью летитъ мимо чистенькихъ желѣзнодорожныхъ станцій, увитыхъ виноградомъ. На платформахъ маленькія Анхенъ и Гретхенъ съ ужасомъ сторонятся отъ страшнаго чудовища, съ трескомъ и громомъ проносящагося мимо нихъ.

Верхомъ «интернаціональнаго» пренебреженія къ Германіи была остановка поѣзда въ Берлинѣ въ теченіе лишь пяти минутъ. И опять раздались возгласы кофейнаго цвѣта кондукторовъ «en voiture!», захлопнулись дверцы, и мы надъ головами берлинцевъ понесли въ дальній путь, черезъ страну черепичныхъ крышъ, дымящихся повсюду фабричныхъ трубъ, горъ каменнаго угля и милліонной массы молчаливыхъ рабочихъ блузниковъ съ фарфоровыми трубками или невыносимыми грошовыми сигарами...

Вотъ наконецъ и великая западная рѣка, а тамъ и Wacht am Rhein—мостовыя укрѣпленія, казармы. Оттуда несется стройное пѣніе сотни солдатскихъ голосовъ; они восхваляютъ Вседержителя и просятъ отъ Всеблагого милости по-сильнѣе побить непріятеля... Передъ нами выступаетъ чудный обликъ Кельнскаго собора. Фа-

брики, заводы, броненосцы, 12-ти-дюймовыя орудія, поѣзда-express'ы, эйфелевы башни тучей заволокли то время, когда малонаселенная по современному счисленію Западная Европа удивляла міръ своимъ грандіознымъ церковнымъ зодчествомъ, въ родѣ этого замѣчательнаго храма...

Привѣтливо глядитъ веселая, во все лицо улыбающаяся дорога по Бельгiи. Холмистая мѣстность, прорѣзанная серебристой, капризно извивающейся рѣкой, осыпана безчисленными привѣтливymi домами. Горы, солнце, обиліе зелени и оживленіе на улицахъ скрадываютъ даже фабричную скуку. Но при видѣ Бельгiи въ сердце постепенно закрадывается ноющее чувство...

Отсюда, изъ этой маленькой страны золотымъ потокомъ льются капиталы въ бѣдную предпримчивостью и деньгами Россію. Хорошо ли это для насъ? Одни говорятъ, что да, другіе нѣтъ... Мнѣ лично не по душѣ это господство иностранца надъ русскимъ, не по душѣ это положеніе некультурной страны, какой-то Аргентины или Конго... а сами бельгійцы, со всѣми своими милліонами, техническими конторами, фабриками и заводами, счастливы ли они? Не думаю. Тамъ, гдѣ люди довольны и благоденствуютъ, тамъ не происходитъ той ожесточенной соціальной борьбы, которая за послѣднее время охватила Бельгію. Извнѣ она ограждена нейтралитетомъ, но отъ домашняго врага, отъ междоусобицы, нельзя за-

страховать себя, несмотря ни на какіе капиталы; наоборотъ, они-то именно и составляютъ камень раздора...

Вотъ и милая Франція! Поѣздъ несется съ духъ захватывающей быстротой, вагоны такъ и бросаетъ изъ стороны въ сторону, и нѣкоторые непривычные пассажиры съ тревожно вопросительнымъ взглядомъ обращаются въ сторону болѣе опытныхъ.

— Не безпокойтесь, ничего не случилось. Качаетъ? У нѣкоторыхъ до морской болѣзни доходитъ.

Ровно черезъ 48 часовъ послѣ отъѣзда изъ Петербурга мы уже на Парижской станціи Gare du Nord. Жаль покидать вагонъ, въ которомъ такъ далеки были всѣ мірскія заботы и безпокойства. Надо въ сутолкѣ искать носильщиковъ, экипажъ, думать о квартирѣ. Нѣтъ, лучше бы еще покачаться въ экспрессѣ...

Хотя до пріѣзда Государя въ Парижъ оставалось только нѣсколько дней, но декоративныхъ приготовленій еще виднѣлось немного. Французы образцовые декораторы и стараются не расхолаживать публику длинными сборами и предварительными работами по устройству внѣшнихъ украшеній.

Близость пріѣзда Русскаго Царя выражалась значительнымъ увеличеніемъ населенія всемірной столицы. Гостиницы и меблированныя комнаты

переполнены, въ ресторанахъ не добиться свободнаго столика, по бульварамъ народъ валить валомъ.

Весело становится при видѣ этой человѣческой разноцвѣтной волны. Можно ли сравнить съ парижскими бульварами наше тротуарное движеніе въ часы оживленія по Морской, гдѣ пѣшеходы двигаются такимъ шагомъ, точно направляются къ театральной кассѣ за билетами. Въ Парижѣ улицы запружены экипажами, но ловкіе кучера удачно протискиваются черезъ живую массу. Какъ бѣдно и непрезентабельно громадное большинство нашихъ упряжекъ по сравненію съ парижскими!

Хлопаніе бичей, на подобіе ружейныхъ выстрѣловъ, рожки кондукторовъ, громыханіе огромнѣйшихъ омнибусовъ, — все это сливается въ одинъ общій шумъ, къ которому, впрочемъ, скоро привыкаешь. На стѣнахъ расклеены окружныя воззванія радикальнаго муниципалитета, приглашающія жителей принять Русскаго Царя съ подобающимъ торжествомъ. Въ витринахъ магазиновъ виднѣются портреты и бюсты Ихъ Величествъ. Повсюду на бульварахъ газетчики громко предлагаютъ царскія фотографическія карточки, программы празднествъ и различныя *articles franco-russes*.

Погода не особенно благопріятная. Осень даетъ уже о себѣ знать холодными пронизывающими

брызгами съ неба. Листья у каштановъ почти осыпались и отняли у бульваровъ значительную долю украшенія; но французская любовь къ изяществу не можетъ мириться съ лысѣющими деревьями и въ знаменитомъ кругѣ, Rond Point, Елисейскихъ полей на нашихъ глазахъ устраиваютъ весну, одѣвая вѣтви каштановъ искусственными цвѣтами. Остроумная выдумка занимаетъ гуляющихъ, и они съ любопытствомъ и большимъ участіемъ относятся къ этой работѣ, помогая своими совѣтами декораторамъ.

Парижскія общественныя зданія, за исключеніемъ Лувра, l'Arc de triomphe и ратуши, не производятъ на меня впечатлѣнія грандіозности. Происходитъ это, вѣроятно, отъ обилія громадныхъ частныхъ зданій и отъ однообразнаго мундирнаго темно-сѣраго цвѣта каменной облицовки. Для спѣшнаго наблюдателя это отсутствіе хотя нѣкоторой яркости не даетъ возможности разобратся въ красотѣ архитектурныхъ линій, сливающихся на мутномъ сѣромъ фонѣ непрерывной цѣпи каменныхъ одноцвѣтныхъ, похожихъ одна на другую громадъ. Что украшаетъ здѣшнія улицы,—это чудные бульвары и аллеи. Парижане должны съ благодарностью вспоминать о своемъ префектѣ временъ Наполеона III, Гаусманѣ, не остановившемся ни передъ какими трудностями и затратами для переустройства и украшенія города. Найдется ли

когда-нибудь въ Петербургѣ свой Hausmann, который бы сумѣлъ превратить широкія улицы и узкіе грязные Екатерининскій, Крюковъ, Лебяжій и Введенскій каналы въ бульвары? Найдется ли человѣкъ, который въ людныхъ частяхъ города современные дровяные дворы, эти склады гниющаго дерева и питомники всякихъ грибовъ, обратитъ въ скверы, гдѣ хотя бы дѣти могли набраться недостающаго имъ чистаго воздуха?

По дорогѣ въ Парижъ, при видѣ Кельнскаго собора у меня зародились мысли объ упадкѣ современнаго церковнаго строительства, но эта величественная католическая церковь достроена на нашихъ глазахъ, а парижскій кафедральный храмъ, стоящій сотни лѣтъ въ теперешнемъ видѣ, вѣроятно никогда не дождется увѣнчанія башнями, задуманными архитекторомъ...

Въ Notre Dame еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ 2 часа служитъ *grande messe*. Въ ожиданіи стеченія народа, я поторопился заранѣе занять себѣ мѣсто и отправился спозаранку. Моросилъ дождь. Асфальтовая площадь передъ храмомъ издали казалась гигантскимъ зеркаломъ, въ которое глядѣлся древній соборъ. По преданіямъ, въ далекіе старые годы въ церковь надо было подниматься по ступенькамъ, но въ послѣдствіи, при нивелировкѣ улицъ и площадей, окружающая мѣстность выросла и сравнялась съ поро-

гомъ Notre Dame. Горы мусора дали возможность улицѣ приподняться, но не облегчили дороги къ молитвенному дому...

У церковныхъ дверей маячитъ молодцоватый городской, и пять-шесть нищихъ приютились въ нишахъ стѣны, значительно углубленныхъ спинами богомольцевъ. За массивною дверью, у самаго входа въ храмъ, сидитъ слѣпой съ тарелочкой, на груди у него прикрѣплена дощечка, съ надписью: «*père de cinq enfants*»; здѣсь же терпѣливо ждетъ подавнїя въ пользу убѣжища симпатичная *religieuse*, во всемъ черномъ съ бѣлыми плерезами. Къ моему удивленію, въ громадномъ храмѣ не было почти еще никого.

Дневной свѣтъ, слабо пробиваясь черезъ цвѣтныя окна, освѣщаетъ громадный сводчатый соборъ. Длинный, сжатый колоннами, какъ во всѣхъ романскихъ и готическихъ постройкахъ, полутемный нефъ кажется какимъ-то искусственнымъ ущельемъ, черезъ которое вѣрующіе стремятся приблизиться къ виднѣющемуся вдали святому алтарю. Проникаясь уваженіемъ къ древнему христіанскому храму, невольно понижаешь голосъ и шопотомъ обращаешься къ старому сторожу; но онъ, звеня на ходу огромными ключами, громко, хотя неохотно, отвѣчаетъ на надобившіе ему, вѣроятно, вопросы. Гулко раздаются его шаги по церкви, и слышится рѣзкій возгласъ: «*à deux heures, messieurs, à deux heures*».

Ждать пришлось недолго. Многочисленное духовенство уже было въ сборѣ, и слышалось непріятное чтеніе, удивительно напоминавшее манеру нашихъ старыхъ псаломщиковъ. Не успѣвалъ замолкнуть одинъ голосъ, какъ раздавался выкрикивающій носовой возгласъ другого чтеца. Вскорѣ загудѣлъ малый органъ, и къ нестройному пѣнію духовныхъ особъ присоединился довольно большой дѣтскій хоръ. Въ то время, какъ у алтаря шла месса съ полнымъ благочиніемъ и пышностью, присущими кафедральному храму французской столицы, въ громадномъ пространствѣ, отведенномъ для богомольцевъ, собралось всего лишь нѣсколько человѣкъ, уплатившихъ по 10 сантимовъ за право сидѣть на соломенныхъ стульяхъ, такъ не гармонирующихъ съ суровою величественностью внутренней собора. При видѣ этого малолюдного собранія вѣрующихъ у меня сжалось болѣзненно сердце. Было время, когда при звукѣ *bourdon de Notre Dame* народъ неудержимою волной катился въ церковныя двери, сплошною массой заполняя всѣ уголки храма и благоговѣнно слушалъ святое богослуженіе. А теперь!.. Двѣ старушки мирно спали, да развалились въ непринужденныхъ позахъ англичанинъ съ англичанкой, въ небрежныхъ дорожныхъ костюмахъ и съ красными «бедекерами» въ рукахъ вмѣсто молитвенниковъ.

Вотъ отъ алтаря—въ предшествіи мальчиковъ-служекъ, двинулась къ намъ процессія прелатовъ, одѣтыхъ въ шелка и кружева. Человѣкъ десять молящихся, черными точками разбросанныхъ по храму, встали, одна изъ старушекъ продолжала мирно спать, англичане нисколько не беспокоили себя и лишь съ любопытствомъ разглядывали процессію. Что творилось въ душѣ старшаго прелата, взоръ котораго уходилъ куда-то вдаль, поверхъ суетной праздности любопытныхъ!?. Вдругъ, точно мощный голосъ разгнѣваннаго библейскаго пророка, неожиданно раздались сзади насъ громовые перебаты громаднаго соборнаго органа. Всѣ встрепенулись. Кто сидѣлъ за гигантскимъ инструментомъ, не знаю. Быть можетъ, то было слабое изможденное созданіе, но, несомнѣнно, его нервы, возбужденные безразличіемъ зрителей, а не молящихся, требовали выхода въ музыкальномъ ропотѣ на человѣческое невѣжество и одеревенѣлость...

Это отсутствіе молящихся, конечно, лишь временное, преходящее и, можетъ быть, даже случайное явленіе, такъ какъ, несомнѣнно, въ Парижѣ живетъ масса истинно вѣрующихъ христіанъ.

Стоящія болѣе семисотъ лѣтъ стѣны собора видѣли не мало ужасовъ торжества той кровавой свободы, того равенства, той вѣротерпимости, которыя приносили человѣчеству проповѣдники-на-

лачи, нагло поширавшіе сами всѣ основы чело-
вѣколюбія. Сто лѣтъ тому назадъ храмъ, мозо-
лившій глаза новымъ гонителямъ христіанскаго
ученія, отданъ былъ дикимъ санкюлотамъ на
разграбленіе и разрушеніе; но не подъ силу бы-
ло вандаламъ разбить христіанскую работу. Вско-
рѣ революціонеры, жаждавшіе какого-нибудь куль-
та и поклоненія высшему, устроили въ Notre Dame
de Paris храмъ Разума. Тогда въ соборѣ запы-
лалъ «огонь Истины», и появилась танцовщица
въ роли «богини Правды». Все это прошло, про-
шли и черные дни послѣдней коммуны, о ко-
торой въ соборѣ напоминаютъ имена погибшихъ
христіанскихъ жертвъ, занесенныя на черную
доску надъ южными дверями, да статуя умерщ-
вленного парижскаго архіепископа Darbois.

Гигантскій органъ, послѣ грома и рыданій,
зазвучалъ радостною мелодіей любви и всепро-
щенія.

Дождь пересталъ. На улицѣ чистота, безупреч-
ный порядокъ. Лица встрѣчаются улыбающіяся,
добродушныя. Магазины переполнены народомъ.
Неужели этотъ же милый и тихій людъ спосо-
бенъ къ неистовству, къ грабежу, къ насилію
и поруганію завѣтовъ истинной цивилизаціи!..

Какъ ни тѣсно на тротуарахъ, но въ извѣст-
ныхъ магазинахъ «Bon-Marché» еще тѣснѣе, точно
въ Петербургѣ «на вербахъ» у Гостиного двора.
Буквально цѣлый мобилизованный полкъ, въ

3 тыс. человекъ продавцовъ и продавщицъ рассыпанъ по чудовищному магазину, чтобы удовлетворить желающихъ, прибывающихъ вереницами черезъ нѣсколько подъѣздовъ. При входѣ происходитъ регистрація, записываютъ адресъ и вручаютъ талонъ съ марками для отмѣтки купленныхъ вещей. Будьте увѣрены, съ пустыми руками отсюда не уйдете. Громадный базаръ устроенъ такъ умѣло, что посѣтитель, зашедшій поглазѣть, если и не думаетъ о серьезной покупкѣ, то въ концѣ концовъ не удержится отъ пріобрѣтенія или какого-нибудь новаго фасона галстука, или блестящей мыльницы, или обрывка старинныхъ кожаныхъ обоевъ. Цѣны *prix-fixe*, торговаться не надо; вы указываете на вещь, ее упаковываютъ, наклеиваютъ одну изъ марокъ отъ вашего талона и передаютъ приказчику слѣдующаго отдѣла, и такъ незамѣтно накапливается гора совершенно ненужныхъ вещей; это васъ, однако, не смущаетъ, вы знаете, что ихъ вамъ не только доставятъ на домъ, но и любую возьмутъ назадъ, буде пожелаете. Перспектива возврата нисколько не пугаетъ и администраціи магазина: купцы знаютъ психологію покупателя, — не вернетъ всего. И они правы. Оборотъ «*Von-Marché*», говорятъ, достигаетъ 150 милліоновъ франковъ.

Энциклопедическіе магазины — враги среднихъ и мелкихъ лавочекъ, но имъ не удастся никогда

убить мастерскія истинныхъ талантливыхъ специалистовъ. Въ этомъ отношеніи организація нашихъ гостиныхъ дворовъ, думается, болѣе цѣлесообразная. Собирая въ одно мѣсто разнообразные товары по отдѣльнымъ магазинамъ, она гарантируетъ большее усовершенствованіе въ каждой отрасли мастерства.

Въ Парижѣ время бѣжитъ быстро. Незамѣтно два часа ушли на «Bon-Marché», а оттуда, пока пѣшкомъ подходилъ къ большимъ бульварамъ, стрѣлка на часахъ показывала 6¹/₂, т. е. время, условленное для обѣда нашей желѣзнодорожной компаніи.

На углу короткой, но широкой, обставленной громадными домами Rue Royale и Place de Madeleine движеніе необычайное. Здѣсь станція многочисленныхъ разноцвѣтныхъ омнибусовъ, которые съ бою набиваются публикой; здѣсь начало той цѣпи оживленнѣйшихъ въ мірѣ бульваровъ, которые, на протяженіи трехъ верстъ прорѣзывая центръ Парижа, связываютъ двѣ совершенно враждебныя по своимъ памятникамъ площади—Маделенъ и Республики. На первой во время реставраціи законченъ постройкой храмъ въ память несчастной королевской четы, геройски покончившей жизнь на гильотинѣ. На второй на высокомъ пьедесталѣ красуется бронзовая статуя, изображающая республику и воплощеніе въ бронзѣ Liberté, Égalité et Fraternité, а на барелье-

фахъ изображены важнѣйшіе моменты первой революціи. Отъ Madeleine «Королевская» улица ведетъ на площадь Согласія, гдѣ казнили Людовика XVI и Марію-Антуанету; а отъ памятника Республики просторная аллея прямо направляется на знаменитое кладбище Père Lachaise, гдѣ нашли покой и террористы, и роялисты, и республиканцы, и коммунары... Кладбище съ полнымъ правомъ можно назвать площадью Общаго Согласія, хотя и мертвого.

Снующему по тротуару народу мало дѣла до исторіи: онъ любитъ на зеркальныя окна чудныхъ магазиновъ, на нарядныхъ дамъ, на катящіяся по торцамъ изящныя экипажи; онъ живетъ настоящимъ, живетъ впечатлѣніями дня и газетными новостями.

— Voilà «Le Soleil»!

— Achetez «L'Éclair»!—

Раздаются зычные выкрики газетчиковъ. Бульвары освѣтились яркими электрическими огнями.

Передъ многочисленными кафе всѣ стулья заняты публикой, распивающею различныя *conso-mations*; рестораны полны народа. Въ болѣе шикарныхъ, напримѣръ у Railard, даже записываются впередъ на столы. Здѣсь обѣдаютъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, дамы въ бальныхъ костюмахъ. Столики, изъ экономіи къ пространству, поставлены такъ близко, что прикасаешься къ локтю совершенно незнакомаго со-

сѣда. Въ деньгахъ не стѣсняются. Богатая Западная Европа и Америка оставляютъ здѣсь много золота, а за ними и русскіе, размѣнявъ тощія кредитки, стараются не отставать отъ своихъ учителей.

Набѣгавшись за день и насмотрѣвшись вдоволь, пріятно въ доброй компаніи дорожныхъ спутниковъ провести часокъ-другой за хорошимъ обѣдомъ, въ веселой бесѣдѣ. Постепенно улица уступаетъ мѣсто желѣзнодорожнымъ воспоминаніямъ.

— А барыня-то обидѣлась; не выходила до самаго Парижа, — вспоминаетъ пассажирку express'a самый младшій изъ насъ.

— Ей-Богу, господа, это было къ лучшему, — вставляетъ свое замѣчаніе очень еще моложавый симпатичный генералъ. — Развѣмыбы всѣтакъ сошлись, если бы замѣшалась дама? Ни-и-когда! А теперь любо-дорого. Еще ни разу мнѣ не случалось встрѣчать заграницей русскихъ, не избѣгающихъ другъ друга. Это, впрочемъ, и знаменіе времени, стали себя цѣнить больше.

— Генералъ! Вѣдь вы, кажется, во время первыхъ франко-русскихъ торжествъ были во Франціи?

— Да, вѣрно, и могу сказать, имѣлъ успѣхъ. Былъ я съ сослуживцами на французскихъ водахъ. Узнали они, видите ли, что русскій я генералъ. Ну-съ, приглашаютъ насъ на большой обѣдъ, меня сажаютъ между префектомъ и диви-

зіоннымъ генераломъ. Ничего-съ, обѣдаемъ мы, все идетъ хорошо. Чувствую я, однако, что время какъ будто къ спичамъ подвигается, а, сказать вамъ правду, по-французски я больше чѣмъ слабъ; и что касается разговора, такъ больше храбростью беру. Вижу я, дѣло мое плохо. Обращаюсь къ сослуживцу, молодому офицеру, и прошу его говорить отъ моего имени. Плелъ онъ тамъ что-то длинное и, кажется, складно у него выходило, но, чувствую, публикѣ не понравилось, и всѣ ждуть, что скажу я. Подлили шампанскаго. Лица у всѣхъ разрумянились. Нечего дѣлать, всталъ я и говорю: *Mesdames et messieurs! Je suis russe, vous êtes français, mais ensemble nous sommes franco-russes!* Вижу, дѣйствуетъ, начали улыбаться, и съ другого конца стола загремѣло браво. Я и пошелъ, и пошелъ... Правда, больше по-русски, спрошу только сосѣда въ болѣе важномъ мѣстѣ, какъ это выходитъ по-французски, переведу и дальше. Какъ захватилъ *alliance franco-russe*, такъ отмѣтилъ его: залпомъ бокалъ выпилъ и разбилъ его вдребезги: крѣпче-де будетъ! И-и пошли виваты, виваты во всю. Дивизіонный генералъ на столъ всталъ и заявилъ: русскій царь—нашъ король! Сгоряча-то я наговорилъ всего, а что такое говорилъ, въ точности и не знаю, потому пойдѣ, разбери французскія слова, которыя я имъ выбросилъ. Струхнулъ я, цѣлую ночь не спалъ. Думаю, осмѣютъ

меня французы за мою застольную рѣчь, прославятъ на весь свѣтъ. Утромъ съ дрожью разворачиваю газету и глазамъ не вѣрю. Оказывается, я сказалъ прекраснѣйшій спичъ... Молодцы репортеры! Сами за меня потрудились. Народъ на улицѣ оваціи мнѣ дѣлалъ, ну-съ, видите ли,—а я раскланивался...

Къ концу нашего обѣда у Лаге обычный городской шумъ сталъ усиливаться; чувствовалось, что на улицѣ происходитъ что-то особенное, чрезвычайное. Долетаютъ звуки музыки, нестройное пѣніе и дружные возгласы: *Vive l'armée!*

Конечно всѣ присутствующіе въ ресторанѣ купно съ гарсонами и самимъ «патрономъ» вышли на тротуаръ.

У Маделенъ, на ступеняхъ храма, на тротуарахъ и въ экипажахъ тѣснилась жаждавшая зрѣлища публика, къ которой приближалась по Rue Royale цѣлая процессія. Впереди шла тысячная толпа, не щадя горла и легкихъ, подъ акомпаниментъ оркестра распѣвала марсельезу, за пѣвцами двигался баталіонъ зуавовъ, только что прибывшихъ въ Парижъ къ русско-французскимъ праздникамъ. Баталіонъ затерялся въ массѣ присоединившихся къ шествію добровольцевъ, шагавшихъ подлѣ самой колонны. Издали о присутствіи въ процессіи войскъ можно было догадаться лишь по виднѣвшейся надъ головами металлической полоскѣ ружей. Несмотря на массу

народа, процессія двигалась впередъ съ замѣчательною быстротою, совершенно несвойственной нашимъ русскимъ нравамъ. Красные зуавы въ фескахъ, курткахъ и шальварахъ шли такъ называемымъ гимнастическимъ шагомъ и, судя по торжественно настроеннымъ лицамъ, преисполнены были чувства гордости и самоупоенія. И нельзя было, дѣйствительно, оставаться равнодушнымъ къ тому сердечному порыву, съ которымъ парижская улица, любящая вообще армію, встрѣчала своихъ рѣдкихъ гостей, составившихъ себѣ всесвѣтную славу своей храбростью и выносливостью.

Vive l'armée! Bravo les zouaves! Vive la France! Vive l'Afrique! Эти клики вмѣстѣ съ громомъ аплодисментовъ вихремъ пронеслись по площади Мадленъ. Процессія быстро миновала насъ; горячія привѣтствія смолкли, и лишь долетали только все далѣе и далѣе уходившіе звуки побѣдной марсельезы.

Этотъ пятиминутный спектакль, яркостью красокъ и быстротою постановки, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и стоитъ только заговорить о зуавахъ, какъ передо мною раскрывается чудная панорама парижскаго оживленія и горячаго пріема войскъ.

Однако время было озаботиться полученіемъ различныхъ билетовъ и пропусковъ на предстоящія празднества. Прежде всего, конечно, обра-

тился въ наше посольство, гдѣ встрѣтили очень любезно, обѣщали записать въ списки, но посоветовали внести и личную энергію въ получение желаемого. И вотъ, снабженный нужными указаніями, я побывалъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, на знаменитомъ *Quai d'Orsay*, у *chef du protocole*, у, такъ сказать, французскаго оберъ-церемоніймейстера. Прекрасный домъ, занимаемый министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ извѣстно, предназначался французскимъ правительствомъ для помѣщенія Ихъ Величествъ; но Государь Императоръ не пожелалъ беспокоить живущихъ въ домѣ и удовольствовался сравнительно небольшимъ помѣщеніемъ русскаго посольства.

Monsieur Crozier, видный мужчина среднихъ лѣтъ, съ большими холеными усами и нѣсколько утомленнымъ голосомъ, принялъ меня, какъ, вѣроятно, и всѣхъ другихъ, въ высшей степени предупредительно и любезно. Обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее, но обратилъ мое вниманіе на цѣлую гору аналогичныхъ съ моими пожеланіями просительныхъ заявленій и посоветовалъ побывать также и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я исполнилъ и этотъ совѣтъ. Былъ съ визитомъ у министра внутреннихъ дѣлъ, былъ у *préfet de police*, былъ у *chef de la sûreté générale*.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣ-

ляется. Повсюду меня, какъ русскаго, принимали очень мило, были снисходительны къ моему плохому французскому языку и вездѣ обнадружили насчетъ билетовъ. Воображаю, какъ должны были надоѣсть французскимъ администраторамъ подобныя посягательства на ихъ спокойствіе. Однако, при отсутствіи какого нибудь учрежденія, объединяющаго билетное дѣло, что же и оставалось намъ дѣлать. Не уѣзжать же, не повидавъ ничего, обратно въ Россію...

Вскорѣ, благодаря любезности администраціи и стараніями моихъ парижскихъ знакомыхъ, я сдѣлался обладателемъ цѣлой горы билетовъ: 1) пропускъ въ посольство, 2) пропускъ въ русскую церковь, 3) пропускъ для безпрепятственнаго движенія по городу (*соре file*) за подписью префекта полиціи, 4) такой же пропускъ за подписью префекта и военнаго губернатора *Cosie*, 5) на трибуны при въѣздѣ Ихъ Величествъ въ Парижъ, 6) въ *Grand Opéra* на спектакль *gala*, 7) на закладку моста Александра III, 8) на спектакль *gala Comédie Française*, 9) на торжественный пріемъ въ ратушѣ, 10) на входъ въ зданіе министерства финансовъ, 11) на входъ на трибуны въ монетномъ дворѣ, 12) пропускъ (*соре file*) по Шербургу, 13) билетъ для входа въ Шербургскій арсеналъ на трибуны, 14) на входъ въ Версальскій дворецъ, на трибуны Шалонскаго военнаго смотра, 16) *соре file* по желѣзнодорож-

нымъ путямъ. Были и еще какіе-то билеты, такъ что одна только ихъ колекція давала уже довольно полное представленіе о наступившихъ празднествахъ.

Не всѣ мои спутники одинаково были счастливы въ странствованіяхъ за билетами. Нѣкоторые бросались въ различныя учрежденія, ничего не доставали, раздражались и, скрежеща зубами, грозили кулакомъ не то по адресу посольства, не то къ «Protocole».

Воспользовавшись гостепріимнымъ приглашеніемъ *chef de la surété générale*, я рѣшилъ поѣхать въ Шербургъ полюбоваться встрѣчей Царственной Четы. *Commissaire de police* вокзала *St.-Lazare* встрѣтилъ меня и проводилъ въ салонъ-вагонъ, гдѣ собралось оживленное общество.

Французскіе вагоны, какъ извѣстно, не отличаются особыми удобствами, и потому было очень пріятно помѣститься въ роскопномъ салонѣ. Эти удобства смутили, оказывается, и одного англичанина, который воспользовался отворенною наружною дверцей, не спросясь хозяевъ, и забрался съ своею зубастою подругой въ крайнее купе. Одинъ изъ агентовъ замѣтилъ маневръ и предложилъ британцу перейти въ другой вагонъ.

— *Nous sommes des jeunes mariés*, — слышалось великобританское объясненіе.

Кондукторъ хотѣлъ прибѣгнуть къ посредству *commissaire de police*, но мои спутники, по вро-

жденному галантному отношенію къ дамамъ, не позволили сдѣлать это, а только, слѣдуя остроумному предложенію одного изъ нихъ, забарикадировали вещами выходъ изъ купе въ корридоръ: *pour ne pas déranger le jeune couple*.

Эта выдумка показалась многимъ забавною.

Кондуктора покатывались со смѣху, изъ другихъ вагоновъ высовывались также веселыя головы. *Oh, que c'est drôle! Est-elle jolie? Mais non, mais non! Elle est dégoûtante. Les voilà bien pin-cés!* — раздавались восклицанія воспріимчивыхъ путешественниковъ.

Единственный комфортъ, который за плату, конечно, предлагаютъ на французскихъ дорогахъ, это небольшія подушки. Ихъ охотно разбираютъ на станціяхъ отправленія. Вообще французы привыкли къ нѣкоторымъ, по нашему мнѣнію, неудобствамъ и не тяготея этимъ. Напримѣръ, вполнѣ зажиточный французъ мерзнетъ въ своей, правда, красивой, но лишенной сколько-нибудь сносныхъ печей квартирѣ, въ которую, кромѣ того, врывается холодный вѣтеръ черезъ щели ординарныхъ оконныхъ рамъ. Малочисленность прислуги и экономія въ «переднихъ» пріучила многихъ французовъ входить въ комнаты въ пальто и даже шляпѣ, что могло бы повергнуть русскую провинціальную барыню въ безконечный ужасъ.

Кстати о костюмѣ. Столѣтняя мода на шляпы-

цилиндры до сихъ поръ еще стойко здѣсь держится, и истый парижанинъ другого головного убора не признаетъ, но иностранные элементы, въ особенности англичане, сильно пропагандируютъ свой «котелокъ». Французскій изящный вкусъ не можетъ помириться съ англійскою сухою опредѣленностью линій, и если отступаетъ отъ цилиндра, то замѣняетъ его мягкою болѣе художественною, чѣмъ котелокъ, шляпою. Копируя «заграницу», мы отказываемся отъ установившагося у насъ хорошаго обычая носить калоши, гарантію отъ простуды и занесенія грязи въ комнаты. Французы знакомы лишь съ резиновыми калошами, и не мудрено, что они ихъ не особенно долюбиваютъ. Наши кожаныя калоши пришли съ Востока отъ татаръ, а не съ Запада, и если бы тамъ были хорошо извѣстны, то, вѣроятно, получили бы право гражданства. Теперь, увы! мы снимаемъ на улицѣ калоши и въ душныхъ театральныхъ залахъ надѣваемъ перчатки...

Не смотря на высокое процвѣтаніе кулинарнаго дѣла во Франціи, желѣзнодорожные буфеты, въ виду короткости остановокъ поѣздовъ, мало содержательны, а потому опытные французскіе путешественники запасаются собственною провизіей, при чемъ, въ отличіе отъ русскихъ, берутъ меньше матеріала, но вполне приспособленный для дорожнаго обихода, а для вина достаточное количество стакановъ.

Скоро бокалы запѣнились шампанскимъ, и пошли разговоры. Одинъ изъ спутниковъ провелъ въ юности нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, учился тамъ даже въ пансіонѣ. Для меня это былъ очень пріятный сюрпризъ, такъ какъ съ помощью его я могъ выходить изъ непріятнаго положенія человѣка, который иногда, не находя точнаго выраженія, встрѣчалъ неодолимое препятствіе, нѣчто въ родѣ московскаго тупика.

Ночь глядѣла черными глазами въ окна нашего маленькаго, уносящагося впередъ, сильно раскачивающагося салона. Гдѣ-то на возвышенности мелькнуло большое освѣщенное зданіе.

— Это — замокъ банкира Х. Онъ пріѣзжаетъ сюда отдохнуть отъ биржевыхъ спекуляцій и насладиться ролью лэндъ-лорда.

— У него премиленькая дочка, — замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ спутниковъ.

— Вы бы, милый другъ, женились на ней и взяли бы себѣ и хорошенькую игрушку, и папашины милліоны.

— Нѣтъ, этотъ кусъ теперь не для насъ. Отецъ еврей и желаетъ сдѣлать для дочери блестящую, но еврейскую же партію.

— Да, теперь евреи гордо несутъ голову и не стѣсняются принадлежать къ отверженному племени.

— Хороши отверженные! Постепенно всѣ капиталы стекаются въ ихъ кассы, какъ дождевая

вода въ парижскіе égouts, и правительства должны принимать тѣ условія, которыя они продиктуютъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, откуда берутся деньги?—неожиданно заговорилъ благообразный старикъ, отставной офицеръ съ орденомъ Почетнаго Легіона.

— Какъ откуда? Ха! ха! Вотъ вопросъ.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь. Вы люди ученые, а я науку проходилъ въ военномъ строю, въ Алжирѣ, да въ Кохинхинѣ, вашихъ книжныхъ хитросплетеній я не понимаю, а часто раскидываю умомъ на эту тему. Я увѣренъ, придетъ время, и биржи не будетъ. Вѣдь деньги, какъ бы вамъ это объяснить, вѣдь деньги есть условный показатель народнаго богатства, условный. А изъ чего это богатство составляется? Изъ миллионовъ мыслящихъ головъ и работающихъ рукъ, и изъ родной нашей, дорогой кормилицы земли. Да! Да! Поймите, поймите. Чувствую, что это такъ, а вотъ не нахожу ученыхъ выраженій для доказательствъ. Какъ же это такъ, чтобы вся эта громадная сила, все государство плясало подъ дудку сотни банкировъ и другихъ ростовщиковъ? Какъ вся Франція можетъ быть закабалена капиталистами? Сколько бы французскій банкъ ни печаталъ бумагъ, сколько бы à la Monnaie ни чеканили золотыхъ, нѣтъ такихъ денегъ, за которыя можно было бы купить

страну... Понимаете? Нѣтъ, нѣтъ! И не можетъ быть. А если въ свѣтѣ что-то подобное происходитъ, то это ужасное недоразумѣніе, людское затменіе... Я понимаю и признаю владѣльца какого-нибудь громаднаго помѣстья, маркиза de... Понимаю, потому что въ оны времена онъ для государства мечомъ завоевалъ территорію.

— О, да вы не сдѣлались ли орлеанистомъ?

— Не мѣшайте, я вотъ дома объ этомъ думалъ и хочу выплескаться. Я понимаю различное обогащеніе, основанное на честномъ, безукоризненномъ заработкѣ.

— Такъ вѣдь и банкиры честно работаютъ.

— Ну, ужъ извините, мнѣ противны эти банкирскія махинаціи, гдѣ въ основаніи лежитъ не работа, а хитрые денежные обороты. И я увѣренъ, что рано или поздно скажутъ этимъ вампирамъ: «довольно, господа!»

— Да онъ социалистъ! Достоуважаемый полковникъ, вѣдь вы и не подозрѣвали до сихъ поръ, что вы—со-ці-а-листъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я добрый христіанинъ. Итакъ, скажутъ банкирамъ: «оставьте у себя эти золотые кружки и кредитную бумагу, а государство, Франція, постарается обойтись безъ вашихъ услугъ. Хитрите сами съ собой, а ужъ больше отъ кредитныхъ операцій не поживитесь».

— Браво, mon commandant! я васъ назначаю министромъ финансовъ.

— А вы думаете, я бы отказался отъ портфеля? Нисколько. Прежде всего, я порядочный человѣкъ и ни на какія бы сдѣлки съ совѣстью не пошелъ. А затѣмъ бы смотрѣлъ въ карманъ республики. Мало денегъ, говорилъ бы: «*mes-sieurs, il faut faire maigre*», а не жилъ бы на счетъ будущихъ поколѣній...

Да, думалось мнѣ, что-то непостижимое дѣлается на свѣтѣ. Съ одной стороны государственная мощь, десятки милліоновъ людей и столько же десятинъ богатѣйшей земли, и съ другой сотня евреевъ за письменными столами, конторскими книгами, благодаря многолѣтнимъ хитросплетеніямъ, держитъ въ рукахъ войну и миръ, честь и достоинство страны...

Симпатичный военный видимо хотѣлъ вылить въ одинъ присѣсть накопившіяся за долгое молчаніе мысли; но большинство слушателей мало расположены были къ назиданію политическою экономіей. Молодежь усѣлась за карточный столъ и повела игру на небольшія ставки, а болѣе солидные разбрелись по купе на ночлегъ.

На утро погода была пасмурная. Показались сады и луга Нормандіи «счастливой». Здѣсь выращиваются сильныя лошади и прекрасный скотъ, отсюда вывозятъ цѣлые поѣзда молочныхъ продуктовъ. Здѣсь же собираются обильные урожаи яблокъ и готовится изъ нихъ знамени-

тый сидръ. Но недолго пришлось наблюдать деревенскія картины. Вотъ и шербургскій вокзалъ.

— Какая незадача! Противный дождь испортилъ намъ праздникъ.

— Да развѣ мыслимо ждать хорошей погоды въ мокромъ Шербургѣ?! слышались голоса прїѣзжихъ парижанъ.

На долю Шербурга выпало счастье первому привѣтствовать нашего Монарха. Россія и Франція, географически отдѣленные другъ отъ друга среднею Европой, могутъ прикоснуться лишь съ помощью военныхъ судовъ, носящихъ съ собою не только доблестный отечественный экипажъ, но, по международному праву, представляющихъ собою частицу самой территоріи. Вотъ почему такое выдающееся положеніе въ франко-русскомъ соглашеніи играютъ флотъ и приморскіе города.

Старинный городъ съ своими грозными укрѣпленіями выдвинулся передовымъ часовымъ далеко въ Ламаншъ и стоитъ на стражѣ отъ вражескаго вторженія во Францію. Шербургъ испыталъ много бѣдъ отъ англичанъ, которые, какъ бы въ отместку за свою вынужденную покорность норманамъ, хотѣли отнять отъ Франціи побережье, колыбель своихъ завоевателей. Французы отстояли Нормандію, и въ рукахъ англичанъ остались лишь нормандскіе острова, не желающіе и понынѣ забывать свою старую метрополию.

Шербургъ празднично убранъ, и не мудрено: вниманіе всего свѣта обращено на этотъ военный портъ, въ которомъ должно совершиться завѣтное желаніе двухъ дружески настроенныхъ націй, свиданіе ихъ представителей. Республиканская Франція, устойчиво вторую четверть столѣтія охраняющая современный свой строй, признала, что Россія сильна и могущественна своимъ Самодержцемъ, отцомъ стомилліоннаго народа. Убѣдившись въ этомъ, она всѣ свои дружескія чувства къ Россіи полностью перенесла и на ея Державнаго Вождя.

На торжественное свиданіе Царя съ Франціею слѣшили со всѣхъ концовъ міра въ Парижъ, но многіе устремились и въ Шербургъ. Въ послѣднемъ насчитывали болѣе пятидесяти тысячъ пріѣзжихъ, что для города, не имѣющаго и сорока тысячъ жителей, порція громадная, не по желудку. Гостиницы и меблированныя комнаты буквально переполнены. Я видѣлъ одного корреспондента, платившаго за комнату 100 франковъ въ сутки. Нѣкоторые ухитрились помѣститься на судахъ, стоящихъ въ коммерческомъ портѣ; но и тутъ было недешево: запрашивали по 25 франковъ за койку въ каютѣ.

Благодаря участію м-р Вланс и любезности его сослуживцевъ, уступившихъ мнѣ одну изъ ранѣе ими удержанныхъ для себя комнатъ, я устроился отлично и недорого. Въ нашей гости-

ницѣ царствовало сильное оживленіе. Надо было дивиться интендантскимъ талантамъ французскихъ *hoteliers*. Они умудрялись кормить въ небольшой гостиницѣ сотни лицъ. Конечно, *à la carte* нельзя было уже спрашивать, и всѣмъ предлагалось довольствоваться общимъ столомъ, по пяти франковъ. Обѣдали въ нѣсколько смѣнъ. Столъ недурной, только я не могъ примириться съ мѣстнымъ національнымъ воскреснымъ блюдомъ, похожимъ на польскіе фляки. Сидръ также не особенно пришелся мнѣ по душѣ.

Въ одной со мной гостиницѣ стояли и офицеры резервисты. Въ часы завтрака и обѣда весело было проходить черезъ маленькую залу, занятую одними офицерами, кстати сказать, одѣтыми очень щеголевато. Истинное французское веселье и остроуміе одушевляло тогда эту молодую компанію, расправлявшую себѣ члены отъ нѣкоторой натянутости, которую они, вѣроятно, чувствовали въ офицерскомъ мундирѣ. На ученья они ѣздили въ громаднѣхъ военныхъ дилижансахъ,—роскошь, о которой наши офицеры и не помышляютъ.

А дождь все лилъ. Вѣтеръ продолжалъ бушевать въ Ламаншѣ и не обѣщалъ хорошаго морского перехода для нашей Царственной Четы.

Несмотря на ненастье, народъ въ праздничномъ настроеніи наполнялъ узкія, но хорошо вымощенныя улицы и тѣснился по набережнымъ.

Въ Шербургѣ очень замѣтенъ военный элементъ. Въ виду празднествъ, гарнизонъ пополненъ былъ новыми частями войскъ. То тамъ, то здѣсь слышались рѣзкіе рожки морской пѣхоты, звучала музыка сухопутныхъ баталіоновъ, и стройные ряды солдатъ быстрыми, мелкими шагами проходили мимо обступавшихъ ихъ зрителей.

На набережной среди двигавшейся массы народа высится конная статуя Наполеона I-го, повелительно указывающаго на военный портъ. «J'avais décidé de renouveler à Cherbourg les merveilles d'Egypte»,—говоритъ надпись на памятникѣ. И дѣйствительно, путемъ невѣроятныхъ усилій и цѣною десятковъ милліоновъ франковъ отвоевана отъ моря бухта, и выбиты въ гранитѣ глубокіе водоемы, гдѣ свободно могутъ помѣщаться десятки линейныхъ кораблей. Неблагодарное человѣчество! Оно не причисляетъ такія грандіозныя сооруженія къ всемірнымъ чудесамъ. Для него и до сихъ поръ исполинскія усыпальницы фараоновъ, высоко вздымающіяся въ пустынь, неизмѣримо чудеснѣе современныхъ портовъ, желѣзнодорожныхъ тоннелей и верстовыхъ мостовъ...

Все это въ Шербургѣ сдѣлано главнымъ образомъ не для торговыхъ выгодъ: коммерческій портъ очень небольшой. Здѣсь создавалась морская крѣпость для борьбы противъ страшныхъ въ былое

время англичанъ. Весь городъ окруженъ фортами, которые вѣнчаютъ обступившіе Шербургъ холмы. Стоятъ они и на оконечностяхъ мола, защищающаго рейдъ отъ Ламаншской волны. Самые бассейны военного порта обнесены блиндированными казармами и крѣпостной стѣной, опоясывающей всю территорію шербургской цитадели, носящей названіе просто Арсенала.

Въ этомъ-то военномъ портѣ, въ Арсеналѣ, и происходитъ торжественный пріемъ Царя.

Наканунѣ пріѣзда Его Величества въ Шербургъ ждали туда президента. Съ наступленіемъ сумерокъ начали зажигаться иллюминаціонные огоньки; войска выстроились отъ станціи до префектуры, а за ними сгустился народъ въ ожиданіи пріѣзда Феликса Фора. На узкихъ тротуарахъ было не совсѣмъ-таки удобно стоять, такъ какъ дюжія норманки, шербургскія служанки и окрестныя крестьянки толкались безцеремонно, протискиваясь поближе къ милой ихъ сердцу линіи солдатъ. Въ семь часовъ вечера на темномъ фонѣ горизонта показался огонекъ и бухнула вѣстовая пушка съ форта *du Roule*. Толпа грянула: «*Vive la France!*», «*Vive le Tzar!*», «*Vive le président!*» — и на набережной показался кортежъ. Впереди галопировалъ взводъ видныхъ жандармовъ, за ними молодцовато продефилировали голубые гусары, предшествовавшіе экипажу президента. Сидя въ открытомъ ландо,

чрезвычайно представительный и симпатичный Феликсъ Форъ любезно раскланивался съ милыми, вѣроятно, его морскому сердцу прибрежными жителями. За экипажемъ президента новая голубая полоса гусаръ, а затѣмъ цѣлая вереница экипажей со свитой и съ нашимъ посольствомъ. Каждую коляску конвоировали по два гусара.

Кажется, нигдѣ съ такой простотой, въ смыслѣ отсутствія эскорта, не выѣзжаетъ глава государства, какъ у насъ въ Россіи. Лишь разъ въ жизни наши цари, по древнему обычаю, совершаютъ торжественный въѣздъ при полномъ эскортѣ, — это передъ св. коронаваніемъ, въ древній Кремль, и зато память объ этомъ величій и неслыханной пышности остается навсегда...

Послѣ пріѣзда Феликса Фора я отправился на станцію послать телеграмму. Для прессы устроено было особое телеграфное отдѣленіе, съ особой комнатою и письменными принадлежностями, въ которой могли заниматься корреспонденты. Обстановка самая простая, но и за то слава Богу. Станція работала въ этотъ день не особенно бойко, рѣшительнаго сраженія ждали на завтра.

Вечеромъ зашелъ въ городской театръ. Очень хорошенькое зданіе, съ удобнымъ и красивымъ зрительнымъ заломъ, набитымъ вплотную зрителями. Давали «Mascotte». Спектакль долго не могъ начаться, такъ какъ не было музыкантовъ.

Сидѣлъ какой-то фэготистъ и скрипачъ, но, очевидно, они не могли замѣнить весь оркестръ.

Публика сначала добродушно подшучивала надъ малочисленностью инструментовъ, но, увидѣвъ, что часовая стрѣлка показала девять, начала въ тактъ топать ногами и требовать подъема завѣсы. Оказалось, что музыканты участвуютъ въ серенадѣ президенту. Наконецъ, отворилась маленькая дверца, и въ оркестръ юркнула, при общемъ привѣтствіи, флейта, а за ней, при немолкаемыхъ дружныхъ восклицаніяхъ, собрались и другіе музыканты.

Опереточный персоналъ былъ мало удовлетворительный, играли плохо, пѣли еще того хуже. Послѣ перваго дѣйствія я поторопился покинуть театръ и укрылся въ гостиницу. Въ номерѣ было холодно, вѣтеръ свободно гулялъ черезъ щели неплотно затворяющихся рамъ; но въ постели подъ роскошнымъ пуховикомъ было тепло.

На утро съ двухъ сторонъ Ламанша двинулись двѣ эскадры. Постороннему наблюдателю не удалось видѣть чудной картины встрѣчи передовыхъ гонцовъ Франціи съ Императорскою Четой. Говорятъ, эскортируя «Полярную Звѣзду», англійскіе моряки вызывали восторгъ у русскихъ офицеровъ неподражаемымъ управленіемъ судовъ. Сильное волненіе ни на минуту не разстраивало образцоваго равенія, маленькія мино-

носки, «точно злые бульдоги», по выраженію одного изъ русскихъ, свирѣпо боролись съ громадными волнами и замѣчательно точно держались назначеннаго имъ мѣста.

Съ утра 23 сентября погода продолжала неистовствовать, но къ полудню тучи разсѣялись и дождь пересталъ. Добрый Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ заѣхалъ за мной, и мы отправились въ двѣнадцать часовъ въ Арсеналь, куда входъ былъ разрѣшенъ лишь по билетамъ. Знаменитаго мариниста встрѣтилъ жандармъ и повелъ его вмѣстѣ съ другими двумя художниками на одинъ изъ фортвъ, откуда они могли сдѣлать набросокъ входа «Полярной Звѣзды» въ шербургскій портъ.

Я отправился въ арсенальный громадный залъ и помѣстился на трибунахъ для публики. Знакомый корреспондентъ, работающій для русскихъ изданій въ Парижѣ, представилъ меня французскому военному инженеру, приготавливавшему Арсеналь къ торжественному приему. Онъ любезно повелъ меня по роскошно и изящно декорированнымъ заламъ и гостинымъ. Два молодыхъ артиллерійскихъ офицера соблазнились и направились за нами также осматривать; но инженеръ, замѣтивъ это нарушеніе порядка, очень безцеремонно приказалъ имъ вернуться назадъ. Меня подивила строгость субординаціи.

Съ противоположной стороны передъ трибу-

нами, вытянулись въ двѣ шеренги сотни офицеровъ и шесть взводовъ различныхъ родовъ войскъ съ знаменами, штандартами и хорами музыки. Небольшой сѣденькій адмиралъ равнялъ офицеровъ самымъ педантичнымъ образомъ, напоминая нашихъ генераловъ николаевскихъ временъ. Онъ не стѣснялся публикой и довольно рѣзко покрикивалъ на офицеровъ, а человекъ двадцать, почему-то ему не понравившихся или лишннихъ, онъ повелительнымъ жестомъ направилъ на трибуны.

Въ то время, какъ строгій адмиралъ наблюдалъ за сохраненіемъ образцоваго порядка среди офицеровъ, на трибунахъ, заполненныхъ фраками и свѣтлыми дамскими костюмами, царило оживленіе и слышались громкія замѣчанія по адресу проходившихъ въ аванзалѣ официальныхъ лицъ. Толстый военный аташе въ иностранномъ мундирѣ привлекъ общее вниманіе.

Вотъ молодецъ, которому слѣдовало бы упражняться на велосипедѣ!—послышалось чье-то замѣчаніе и вызвало веселое настроеніе трибунъ.

Появленіе чиновъ русской главной квартиры произвело сенсацію.

— Какъ красивъ этотъ старый казакъ!—слышалось одобреніе молодцовато выступавшему впереди свитскихъ офицеровъ генералъ-адъютанту Рихтеру.

Послышалась пушечная пальба. Эскадра при-

ближалась и форты салютовали Императорской яхтѣ, шедшей отъ береговъ старой Англіи къ прекрасной Франціи подѣ дорогимъ челоуѣчеству флагомъ любви и общаго мира.

Церемоніальная часть (protocole) французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, видимо, принимала мѣры къ тому, чтобы пріемъ въ Шербургскомъ Арсеналѣ напоминалъ прежніе королевскіе выходы, и потому публику просили воздерживаться отъ привѣтственныхъ кликовъ.

Изъ залы не было видно, какъ яхта подошла къ пристани, на которой ждали Ихъ Величествъ президентъ со свитой. Орудійныя выстрѣлы смолкли, и мы ждали съ нетерпѣніемъ, что вотъ-вотъ покажется дорогой образъ Царя; но прошло еще около получаса, пока желанное свершилось. Во время причала сломался траппъ, и приходилось на скорую руку поправлять его.

Наконецъ, полились звуки нашего народнаго гимна, и Государь въ морской формѣ и лентѣ Почетнаго Легіона и Императрица въ свѣтломъ платьѣ подѣ руку съ президентомъ показали въ аванзалѣ. Послѣ представленія министровъ и другихъ высшихъ властей, высокіе гости обошли залы Арсенала. Офицеры, даже не находившіеся въ строю почетныхъ карауловъ, всѣ салютовали оружіемъ. Остальная публика привѣтствовала почтительнымъ поклономъ.

Предстоялъ морской смотръ. Арсенальный залъ

опустѣлъ. Всѣ стремились къ пристани и далѣе на бастіоны, откуда открывался видъ на Шербургскій рейдъ, на которомъ морскіе исполины сѣверной эскадры ждали могущественнаго друга Франціи. Городской берегъ усѣянъ былъ народомъ, которому, къ сожалѣнію, не удалось увидѣть вблизи своего высокаго гостя. Августѣйшіе Путешественники вновь перешли на «Полярную Звѣзду», а оттуда на небольшой президентскій авизо «Elan». Несмотря на порывистый вѣтеръ, Государь былъ въ мундирѣ безъ пальто, а президентъ во фракѣ. Быстро понесся «Порывъ» изъ бассейна на рейдъ. Длинные выющіяся полосы русскаго и французскаго флаговъ дружно обвивались одна около другой, и легкое судно, весело подпрыгивая по небольшимъ волнамъ, скоро приблизилось къ линіи разукрашенныхъ флагами броненосцевъ.

Ожидать окончанія смотра было рискованно, такъ какъ нужно было обезопасить себѣ путь отступленія къ Парижу, иначе можно было прѣхать туда послѣ Ихъ Величествъ, то есть пропустить самый интересный моментъ путешествія. Наскоро пообѣдавъ въ гостиницѣ и отправивъ телеграмму въ «Правительственный Вѣстникъ», я посѣщилъ на вокзалъ къ поѣзду, въ которомъ мнѣ обѣщали устроить купе. Здѣсь, однако, происходила неимоверная давка. Всѣмъ хотѣлось скорѣе попасть въ Парижъ и бѣдный, растеряв-

шійся начальникъ станціи скрылся, предоставивъ пассажирамъ разбираться самимъ, какъ они хотятъ. Большинство садилось безъ билетовъ. Не только отдѣльнаго купе, но и просто какого бы то ни было мѣста въ двухъ готовыхъ къ отправленію поѣздахъ не было возможности найти. Сложивъ на платформѣ свои пожитки, я грустно поглядывалъ на снующую подлѣ меня толпу, жаждущую выбраться изъ Шербурга. Тутъ я увидѣлъ и А. П. Боголюбова, которому тоже было обѣщано купе, занятое произвольно какой-то многочисленной семьей толстяковъ.

Ушли первые два поѣзда, подали другую пару. Публика на западныхъ путяхъ уже наполнила вагоны, и мнѣ съ трудомъ удалось найти мѣстечко. Когда я кое-какъ размѣстилъ свои вещи, послышался голосъ, выкрикивающій мою фамилію. Любезные мои спутники сдержали слово: распоряженіе объ отводѣ отдѣленія было сдѣлано, но меня въ толпѣ не нашли. Трое энергичныхъ молодыхъ юристовъ взялись меня отыскать и, наконецъ, съ торжествомъ извлекли съ вещами изъ вагона и помѣстили въ отдѣльное купе, причемъ, однако, попросили разрѣшенія сопровождать меня до Парижа. Конечно, я ихъ пригласилъ и... потому, по недостатку мѣста, принужденъ былъ просидѣть всю ночь, какъ и въ общемъ вагонѣ.

Разбитый и усталый, я пріѣхалъ въ Парижъ

около пяти часовъ утра. Несмотря на раннее время, жизнь уже кипѣла на улицахъ столицы и въ нѣкоторыхъ кафе. Всѣ готовились къ встрѣчѣ...

Кому посчастливилось быть 24-го сентября въ Парижѣ, тотъ присутствовалъ при историческомъ событіи высокой важности, на праздникѣ мира, на торжествѣ сердечнаго соглашенія двухъ великихъ народовъ.

Какъ похорошѣлъ за эти три послѣдніе дня Парижъ! Съ какимъ неподражаемымъ, истинно французскимъ изяществомъ украшены общественныя зданія, памятники и частные дома! Мнѣ вспомнился недавній московскій роскошный уборъ, который обиліемъ деревянныхъ сооружений зачастую совсѣмъ измѣнялъ характеръ зданій, улицъ и площадей; здѣсь же архитектурныя линіи не закрывались и не измѣнялись, а еще рельефнѣе выдавались, благодаря обилію флаговъ, драпировокъ и гирляндъ зелени и цвѣтовъ.

Весь городъ былъ на ногахъ и торопился навстрѣчу Царю. Въ девять часовъ утра я уже былъ у станціи Ranelagh и пробирался на трибуну conseil municipal. Всѣ скамейки, исключая первыхъ пяти, были уже заняты. Приходилось стоять. Сердитый квесторъ, контролировавшій билеты, весьма энергично отстранялъ передовыя незанятые мѣста, отведенныя для корреспонден-

товъ, которые, однако, не показывались, отыскавъ себѣ, вѣроятно, лучшую позицію. Заставивъ насъ простоять около получаса въ созерцаніи пустыхъ мѣстъ, онъ наконецъ позволилъ дамамъ занять одну скамейку, а потомъ постепенно переводилъ ихъ впередъ, предоставляя присѣсть и намъ. Пока мы съ трудомъ размѣщались на небольшой трибунѣ, поставленной рядомъ съ выходомъ со станціи, по ближайшимъ аллеямъ выстроился почетный эскортъ, представители арабскихъ алжирскихъ племенъ и строевые арабы-спаги. Характерныя красивыя бронзовыя лица, обрамленныя бѣлою чалмой, театральные бѣлые плащи и горячія кровныя лошади привлекали общее вниманіе.

— Сегодняшнее торжество понятно арабамъ. Они знаютъ, что встрѣчаютъ Царя, русскаго Падишаха, Императора. Это для нихъ вполне опредѣленно, не то, что республика. Увѣряю васъ, они о ней имѣютъ смутное понятіе, представляютъ ее въ видѣ женщины, портреты которой помѣщены на банковыхъ билетахъ — слышится подлѣ меня не республиканскій голосъ.

— Какъ же, какъ же! Арабы даже называютъ ее, эту невидимую правительницу, *madame République*, — отвѣчалъ одинъ небезызвѣстный путешественникъ, и страшно разсердился этой насмѣшкой архи-краснаго по политическимъ воззрѣніямъ квестора.

За конвоемъ по аллеѣ виднѣются шпалеры войскъ и громадныя трибуны, наполненныя публикой; на многихъ деревьяхъ цѣпляются любопытные зрители.

Въ прекрасно сшитыхъ мундирахъ съ блестящими аксельбантами и въ новенькихъ киверахъ-кени стройно прошелъ на вокзалъ почетный караулъ національной гвардіи съ громаднымъ оркестромъ. Рослые солдаты, закрутивъ побѣдно усы, мѣрно отбиваютъ ногами тактъ и постепенно скрываются подъ шатромъ станціонной палатки, украшенной гирляндами цвѣтовъ.

Часы показываютъ десять. Слышатся звуки музыки и черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показываются Царственная Чета и президентъ республики. Мгновенно трибуны оживились. Все поднялось, головы обнажились, слышались привѣтственные возгласы, которые, однако, требуя произнесенія нѣсколькихъ словъ, не могутъ сравниться съ грандіозностью нашего несложнаго, но несмолкаемаго перекатнаго «ура».

Громадные, темногнѣдые кони, запряженные à la Daumont въ роскошное ландо, нетерпѣливо перебираютъ ногами, торопясь показаться передъ всѣмъ Парижемъ съ желанными Гостями. Завѣдующій конюшней президента *richeur Monjaret*, сдѣлавшійся теперь сразу знаменитостью, сидя верхомъ, гордо оглядываетъ присутствующую

щихъ, приписывая, вѣроятно, успѣхъ торжества въ значительной мѣрѣ себѣ.

Любопытство, страшное женское любопытство охватываетъ нашу трибуну. Головы вытягиваются впередъ, и взоры жадно устремлены въ ландо, куда усаживаются Ихъ Величества, а передъ ними на переднемъ сидѣннѣ президентъ. Слышится быстрый, отрывистый обмѣнъ впечатлѣній.

— Какое хорошее у него лицо!

— Она просто прелесть! Какая красавица!

— Какъ они, должно быть, утомлены послѣ длиннаго путешествія.

— А! президентъ на переднемъ сидѣннѣ!

— Конечно! Какъ же иначе могло это быть?

На запяткахъ заняли мѣста видный лейбъ-казакъ Императрицы и брюнетъ - красавецъ, громадный кубанецъ, конвоецъ, съ улыбающимся добродушнымъ лицомъ. Казаки, видимо, понравились публикѣ.

Кортежъ, наконецъ, тронулся тихою рысью. Раздались пушечные выстрѣлы. Вновь слышались виваты, уже несмолкавшіе до самаго дома русскаго посольства.

Шествіе открывалъ взводъ республиканской гвардіи, за ними ѣхали сѣровато-голубые африканскіе конные егеря, спаги и драгуны, кромѣ того, длинная цѣпь драгуновъ галопировала по краямъ улицы, образуя движущуюся живую шпа-

леру. Передъ самымъ царскимъ ландо, передъ этою свѣтлою точкой, на которую устремлены были всѣ взгляды, картинно рисовались представители арабскихъ племенъ. Затѣмъ слѣдовали экипажи съ русскою свитой и съ французскими властями. Кортѣжъ замыкался кирасирами.

Стрѣляли пушки, громко раздавались звуки русскаго народнаго гимна и клики «Vive le Tzar!», «Vive la Russie!».

Сѣмена, посѣянные на благодарной почвѣ великимъ Царемъ Миротворцемъ, пышно взошли и дали обильные плоды. Преемникъ и продолжатель политики незабвеннаго императора, при восторженныхъ кликахъ трехмилліонной толпы, съ неслыханнымъ торжествомъ въѣзжалъ во французскую столицу. Ни одному завоевателю, ни одному полководцу не выпадало еще на долю столько искреннихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ царственныхъ овацій!.. Вся безконечная линія по Булонскому парку, Булонской аллеѣ, площади Звѣзды, Елисейскимъ полямъ, площади Согласія, бульвару Сентъ-Жерменъ, улицѣ Сентъ-Симонъ и, наконецъ, по улицѣ de Grenelle вплоть до русскаго посольства, по всей этой безконечной линіи слѣдованія кортежа народъ и войска стояли непрерывной стѣной. Всѣ безчисленные окна и балконы были унизаны парижанами и пріѣзжими, которые платили за нихъ баснословныя деньги.

Когда скрылся изъ глазъ послѣдній взводъ

конвойныхъ драгунъ, я поспѣшилъ къ своему экипажу и отъ вокзала кратчайшимъ путемъ направился къ посольству. Мнѣ пришлось проѣзжать по совершенно пустому городу. Буквально по дорогѣ не встрѣчалось ни экипажей, ни пѣшеходовъ,—весь Парижъ былъ на пути царскаго проѣзда. У палаты депутатовъ, близъ моста Согласія, мнѣ пришлось остановиться. Проѣзду здѣсь не было. Экипажи, народъ и войска загрозили дорогу. Ступени дорического зданія палаты сплошь покрыты были ожидающими Царя. Видно было, какъ на площади Согласія волновалось цѣлое море головъ, а надъ ними выдѣлялись уже всадники царскаго эскорта. На мостъ не пускали публику, и онъ среди общаго оживленія и тѣсноты сотенъ тысячъ народа, собравшагося въ этой части города по одну и другую сторону Сены, выглядывалъ какимъ-то забытымъ, всѣми оставленнымъ сооруженіемъ, построеннымъ точно не для соединенія, а для разъединенія людей. Но вотъ и ему пришлось сослужить службу, по немъ застучали копыта кавалерійскихъ лошадей, а затѣмъ показалось ландо съ Высокими Гостями и президентомъ. Во время всего переѣзда по мосту экипажъ рельефно выдѣлялся, оставаясь у всѣхъ на виду.

Кортежъ проѣхалъ, и я поторопился въ посольство. Узенькія улицы, примыкающія къ этому дому, были вплотную заполнены, въ экипажѣ

немыслимо было ѣхать—приходилось пробираться пѣшкомъ.

Здѣсь, среди толпы, я увидѣлъ небольшую энергичную фигуру *préfet de police*, который въ штатскомъ костюмѣ, безъ всякихъ видимыхъ знаковъ своего высокаго полицейскаго положенія, поспѣвалъ всюду передъ царскимъ кортежемъ. Зоркій, ключій взоръ г. Лепина напрасно искалъ признаковъ нарушенія порядка. Парижане держали себя безукоризненно,—всѣ, видимо, одушевлены были общимъ желаніемъ чествовать дорогихъ Гостей.

Въ кругломъ посольскомъ дворѣ, обведенномъ красивымъ бордюромъ роскошныхъ цвѣтовъ, царствовало оживленіе. Стояли экипажи, суетилась прислуга, проходили чины посольства и свиты, виднѣлись французскіе офицеры—ординарцы, нѣсколько корреспондентовъ. Почетный караулъ стоялъ въ лѣвомъ флигелѣ. Большія ворота посольства закрылись и отдѣлили шумную улицу отъ отеля, сзади котораго раскинулся чудесный садъ, гдѣ, вдали отъ людской сутолки, въ полной тиши, могла царствовать маленькая фея—великая княжна Ольга Николаевна.

Вскорѣ опять пришлось ѣхать на ту сторону въ улицу *Dauphine*, въ русскій храмъ, куда направился помолиться Богу Государь съ Императрицей. Узкія улицы, придвинувшіяся близко къ церкви, обставлены громадными многоэтажными домами, превратившимися въ зрительное зало для

многихъ тысячъ парижанъ и прїѣзжихъ. Цѣны на окна и балконы здѣсь достигали большой цифры. Указывали на небольшое кафе, которое уступило на этотъ день свое помѣщеніе за три тысячи франковъ.

И съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили и проводили здѣсь Царя! Виваты, ура, волнующіеся въ воздухѣ флаги, платки, шляпы, падающіе цвѣты—все это оживленіе по мѣрѣ приближенія кортежа нарастало и, наконецъ, разразилось громовыми аплодисментами десятковъ тысячъ рукъ.

Трехмилліонный городъ высыпалъ на улицы и площади и нервно, возбужденно ждалъ обратнаго проѣзда Ихъ Величествъ, готовя новый тріумфъ; а въ это время они въ скромной небольшой русской церкви, преклонившись передъ Всевышнимъ Творцомъ, возносили Ему молитвы... Мірская суета, бурно подвинувшаяся къ самому храму, не смѣла перешагнуть порога его, и каждый молящійся не могъ не проникнуться особою значительностью и тихимъ величіемъ этого истинно христіанскаго торжества...

Изъ церкви до улицы de la Paix, гдѣ я остановился въ гостиницѣ, пришлось мнѣ и моему спутнику пробираться болѣе часа. Въ особенности тяжело пришлось на площади Согласія, буквально залитой народомъ. Если бы не русскіе мундиры, то насъ бы толпа совсѣмъ не пропустила или, еще того хуже, могла бы смять. Мы попали въ не-

выносимую давку, назадъ повернуть было невозможно, и, только благодаря особой симпатіи къ русскимъ, парижане тѣснились, жали съ прибаутками другъ друга и открывали небольшую щель для нашей одноконной каретки.

Когда Парижъ узналъ о непредвидѣнныхъ въ программѣ визитахъ Государя къ президентамъ сената и палаты, когда вечерніе листки распространили съ быстротой молніи содержаніе царской рѣчи на президентскомъ обѣдѣ, то восторгъ населенія, казалось, при въѣздѣ уже достигшій апогея, удвоился.

Вечеромъ море иллюминаціоннаго огня, бушевавшее по ту сторону Сены, прорѣзывалось ракетами и разноцвѣтными блесками гигантскаго фейерверка. Площадь Согласія, Оперная площадь, бульвары и главныя улицы горѣли огнями, снопы электрическаго свѣта превратили ночь въ день, цѣлые своды розовыхъ и бѣлыхъ электрическихъ фонарей красиво свѣтились въ высотѣ. Фасады домовъ выставляли напоказъ свои ярко свѣтящіяся архитектурныя линіи. Грандіозный каркасъ Эйфелевой башни тонулъ въ темнотѣ и лишь на вершинѣ ея, точно новая планета, горѣло могучее электрическое солнце. Двигаться по улицамъ возможно было только при вкоренившейся въ плоть и кровь французъ взаимной вѣжливости; каждый старался не стѣснить сосѣда; не наваливались, не толкались, а неизбежныя въ такой

массѣ непріятности принимались съ шутками, остротами и общимъ хохотомъ. Благодаря *coiffeur*, а главнымъ образомъ мундиру моего знакомаго, намъ дали дорогу къ Оперному театру.

— *Tiens, c'est de l'armée!*—толкаетъ блузникъ своихъ товарищей.

— *Non, ce sont des russes!*

И насъ пропускаютъ, вѣжливо приподнимая каскетки и шляпы.

Въ ожиданіи Ихъ Величествъ, милліонная толпа составляла живыя шпалеры отъ Елисейскаго дворца до Опернаго театра.

— *Vive la Russie! Vive le Tzar! Vive la belle Tsarine! Hourra!*—клики эти раздавались съ разныхъ сторонъ, прокатывались по улицамъ и площадямъ, замолкали и вновь оживали...

Парижскій Оперный театръ знаменитъ своимъ роскошнымъ вестибюлемъ, парадною лѣстницей и богатымъ фойе. Залъ, хотя и монументаленъ, но уже менѣе сравнительно блестящъ и не такъ наряденъ. Конечно, всѣ мѣста въ театрѣ были заняты. Повсюду виднѣлись мундиры, блестящіе дамскіе туалеты и черные фраки со звѣздами, лентами и другими орденскими декораціями. Подлѣ меня сидѣлъ старикъ съ роскошными волосами, далѣе помѣстились представители арабскихъ племенъ, которымъ въ неудобныхъ теплыхъ костюмахъ, видимо, было очень жарко. Дѣтей пустыни очень занялъ способъ полученія бинокля. Нужно

было въ спецiал... — чпичекъ, придѣланный къ спинкѣ кресла, вложить монету, — пятьдесятъ сантимовъ, и тогда футляръ открывался. Стар... арабъ, презрительно измѣрявшій всѣхъ орлинымъ взоромъ, долго не поддавался обаянію бинокля, но наконецъ не вытерпѣлъ и, ослабившись, потянулся съ франкомъ къ ящичку. Сопровождавшій африканцевъ офицеръ объяснилъ ему, что франкъ не пройдетъ въ щель. Старикъ моментально отдернулъ руку, обидѣлся и окаменѣлъ.

Впереди меня въ мундирныхъ фракахъ, расшитыхъ зеленымъ шелкомъ, помѣщались академики; среди нихъ я по портретамъ узналъ Коппе, Арсена Гуссе, а недалеко отъ нихъ въ томъ же ряду въ черномъ все еще фракѣ сидѣлъ Зола. Многие подходили къ моему сѣдому сосѣду, величали его *cher maître* и высказывали свои впечатлѣнія о пережитомъ днѣ. Мой знакомый по коронаціоннымъ торжествамъ въ Москвѣ, *Hughes Le Roux*, сообщилъ мнѣ, что мой сосѣдъ—знаменитый Рошфоръ...

Когда заговорили о рѣчи Государя на обѣдѣ у президента, то одинъ изъ академиковъ замѣтилъ:

— *C'est une vraie littérature, que ce discours!*

Всѣ видимо были отлично настроены, довольны и веселы.

Въ 10^{1/2} часовъ залъ внезапно ожилъ. Въ ложу вошли Ихъ Величества; моментально всѣ приглашенные поднялись съ своихъ мѣстъ и встрѣ-

тили гостей залпами аплодисментов и кликами «Vive l'Empereur», «vive la Russie!». И академик мой знаменитый сосѣдъ, и арабы—всѣ единодушно и громко привѣтствовали своихъ друзей. На сценѣ показалась вся оперная труппа и грянула по-русски «Боже, Царя храни». Вслѣдъ за гимномъ опять понеслись раскаты радушнаго привѣтствія.

Въ спектаклѣ gala, конечно, главный интересъ представлялъ зрительный залъ, а не сцена. Петербуржцу не въ диковинку большія хоровыя и оркестровыя массы и хорошая постановка... Кромѣ того, я не поклонникъ опернаго таланта Массене. Давали актъ изъ его оперы «Sigurd». Теноръ Альварецъ обладаетъ довольно хорошимъ матеріаломъ; но примадонна Каронъ, особа «не молодыхъ лѣтъ», уже потеряла прелесть свѣжести голоса...

Во время антракта Ихъ Величества вышли на внѣшній балконъ. Театръ вмѣщалъ только маленькую частицу Парижа, жаждавнаго провести первый вечеръ вмѣстѣ съ русскимъ Царемъ, и потому понятенъ громкій восторгъ сотенъ тысячъ французовъ, увидавшихъ своихъGuestовъ на балконѣ зданія Оперы. Какая театральная сцена, какіе актеры могли въ эти минуты замѣнить и заслонить собою историческую сцену всенароднаго дружественнаго порыва!.. Хорошо становилось на душѣ, и подступали слезы.

Послѣ музыкальной картины «Méditations de Thais» давали первый актъ балета «Korriganе». Этими произведеніями дирижировали авторы,— въ этомъ былъ главнѣйшій интересъ пьесъ. Парижскій балетъ и по постановкѣ, и по исполненію значительно уступаетъ нашему петербургскому.

Я думаю, мало кто интересовался спектаклемъ. У меня, по крайней мѣрѣ, было желаніе не пропустить отъѣздъ Ихъ Величествъ изъ театра, и какъ только занавѣсъ опустился, я вмѣстѣ съ массой другихъ поторопился на подѣздъ полюбоваться фееричнымъ царскимъ кортежемъ.

Домой я вернулся точно въ чадѣ. Сколько волненій, сколько незабвенныхъ впечатлѣній...

Пульсъ города все учащался и учащался. Поѣзда подвезли еще новыя тысячи паломниковъ. Журнальныя статьи съ отчетами о душѣ возвышающихъ событіяхъ перваго дня были уже всѣми прочтены и Парижъ горѣлъ желаніемъ показать Государю, что онъ цѣнитъ Его дружескія слова, Его милое отношеніе къ народнымъ представителямъ.

Казалось, идти дальше въ изліяніи сердечныхъ симпатій, какъ это было вчера, нельзя; но второй день по тріумфу превзошелъ все, до сихъ поръ мною видѣнное.

Мнѣ посчастливилось попасть въ одинъ изъ свитскихъ экипажей въ царскомъ кортежѣ и та-

кимъ образомъ быть свидѣтелемъ истинно безпримѣрныхъ овацій, оказанныхъ Государю. По всему пути, по тротуарамъ, въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ и карнизахъ, на монументахъ и статуяхъ, на лѣстницахъ общественныхъ зданій и церквей, на деревьяхъ, на экипажахъ и конно-желѣзнодорожныхъ омнибусахъ, однимъ словомъ — вездѣ, гдѣ можно было только примоститься, ждали кортежа парижане, провинціалы и иностранцы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись артистически размѣщенные живыя грозди цвѣтовъ изъ дѣтей и дѣвушекъ.

Вся эта трехмилліонная масса съ приближеніемъ Императорскаго экипажа поднималась на ноги, обнажала головы и разражалась на этотъ разъ такимъ громовымъ русскимъ ура, какое мнѣ случалось слышать лишь въ Москвѣ. Отцы и матери поднимали надъ головами дѣтей, указывая на Друга Франціи, на Провозвѣстника незыблемаго мира. Наканунѣ еще можно было справиться съ собой, но тутъ, при видѣ этой несмѣтной толпы, одушевленной однимъ чувствомъ, нельзя уже было удержаться отъ слезъ. Плакали французы, плакали и мы, русскіе...

Давно ли, подумаешь, въ этомъ же самомъ городѣ, вотъ здѣсь, гдѣ высился когда-то пышный Тюльери, разыгрались ужасы коммуны, а теперь... Теперь русскій Царь, неограниченный монархъ, съ небывалымъ торжествомъ ѣдетъ на

закладку памятника Своему Отцу, идеалу самодержца, въ этомъ же городѣ, въ этомъ много испытавшемъ историческомъ Парижѣ. Подумаешь, достаточно было какому-нибудь анархисту позволить себѣ просто неприличный возгласъ и тѣмъ нарушить общій благоговѣйный тонъ! Но такой выходки не было, да она и не могла быть. Масса наэлектризована была такимъ искреннимъ чувствомъ обожанія къ Наслѣднику Царя-Миротворца, что этимъ нравственнымъ подъемомъ, этой моральной силой дезинфицировала атмосферу, убивала злотворные политическіе микробы... А если бы у кого они во-время не замерли и стали проявляться, то пришлось бы ему недолго присутствовать на жизненномъ пиру,—такое было настроеніе толпы...

Въ этотъ день Ихъ Величества посѣтили: Notre Dame, Sainte Chapelle, Инвалидный домъ Пантеонъ, Монетный дворъ, Французскую академию и ратушу.

Его Величество заказалъ золотой вѣнокъ на гробницу Карно; но онъ могъ быть оконченъ лишь къ годовщинѣ смерти Александра III, а потому Государь хотѣлъ отмѣтить свое посѣщеніе Пантеона пока цвѣтами. Мнѣ случилось присутствовать при заказѣ ихъ въ одномъ изъ цвѣточныхъ магазиновъ недалеко отъ посольства. Хозяева вмѣстѣ съ подмастерьями бросили всѣ остальные работы и принялись опустошать свою

оранжерею, срѣзывая до корня большія пальмы и собирая отовсюду орхидеи. Въ четверть часа выросъ чудный саженный снопъ. Вѣсть о заказѣ моментально разнеслась по кварталу, и у магазина собралась толпа народа, громко приветствовавшая цвѣточную дань уваженія покойному президенту. Громадный снопъ едва умѣстился въ нашемъ ландо и, гордо поднимая свои пальмовые колеблющіеся листья надъ головой кучера, торжественно подвигался по Латинскому кварталу къ Пантеону среди растроганной массы народа. На ступеняхъ этого храма славы, по удивительной случайности, первый, кто подошелъ къ цвѣтамъ, былъ сынъ покойнаго президента,—поручикъ Карно.

Теплое отношеніе Царя къ памяти достойнаго сотрудника своего отца по франко-русскому соглашенію, видимо, произвело глубокое впечатлѣніе на французовъ, и они съ большимъ энтузіазмомъ встрѣтили Царя у Пантеона.

Высоко поднимаетъ свой куполъ этотъ храмъ, построенный на мѣстѣ погребенія покровительницы города, св. Женовьевы, защитившей Парижъ отъ страшнаго погрома Атиллы. Постройка храма окончена съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ, но за это время три раза духовенство должно было оставлять его, и онъ обращался въ Пантеонъ, въ національный памятникъ. Такимъ онъ является и въ настоящее время. Тутъ были по-

гребены Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо, здѣсь лежатъ останки Виктора Гюго, знаменитаго «организатора побѣдъ» Лазаря Карно и его памятнаго внука, бывшаго президента.

Парижане ищутъ «гвоздя» не только на выставкахъ, но и въ другихъ жизненныхъ событіяхъ. Такимъ «сlou» франко-русскихъ торжествъ считали закладку моста Императора Александра III. И дѣйствительно, происходило рѣдкое въ исторіи явленіе — сооруженіе публичнаго памятника иноземному главѣ государства. Желаніе особенно знаменательно отмѣтить въ памяти потомства неизмѣннаго, сильнаго друга Франціи, Александра III, появилось въ Парижѣ со дня его оплакиваемой кончины. Наконецъ, предположенія приняли реальную форму, и Наслѣдникъ Мировтвора положилъ первый камень при закладкѣ моста, этого монумента, напоминающаго почившаго императора, перекинувшаго постоянный мостъ дружественныхъ и общихъ интересовъ между Франціею и Россіею.

Великолѣпную картину при закладкѣ представляли берега Сены, усѣянные сплошь многими тысячами людей. По рѣкѣ на судахъ развѣвались тысячи флаговъ. Въ громадной палаткѣ, украшенной цѣлыми деревьями съ натуральными и искусственными цвѣтами, устроены были особая мѣста для Ихъ Величествъ, президента республики, президентовъ сената и палаты; по сто-

ронамъ размѣстились министры и депутаты, а на трибунахъ — приглашенные лица и громадный хоръ. Я успѣлъ услышать только послѣднія строфы привѣтствія, написаннаго академикомъ Эредіа и прочитаннаго съ большимъ паѳосомъ артистомъ Paul Mounet.

— «Achève donc son œuvre. Héritier de sa gloire,
«De ta loyale main prends l'outil vierge encore...

гремѣлъ артистъ, потрясая своею рукою и призывая Государя къ закладкѣ.

— Viens!.. Puisse l'avenir t'imposer à jamais
Le surnom glorieux de ton ancêtre Pierre,
Noble Empereur qui vas sceller la grande pierre,
Granit inébranlable où siégera la Paix! —

торжественно, при взрывѣ аплодисментовъ, закончилъ артистъ.

Когда Ихъ Величества направились къ берегу положить первый камень, восторженные крики съ трибунъ понеслись по набережной и перелетѣли на другую сторону рѣки, откуда отчалила скрывавшаяся до этой минуты роскошная бѣлая яхточка, на которой группа прелестныхъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлые костюмы, окружала серебряную, художественно исполненную гигантскую вазу съ рѣдкими цвѣтами, подарокъ Царицѣ отъ дамъ коммерческаго и промышленнаго Парижа. При звукахъ музыки и неумолкаемыхъ аплодисментахъ, какъ лебедь Лоэнгрина, тихо подплы-

вало бѣлое судно съ бѣлыми гребцами и чуднымъ букетомъ молоденькихъ парижанокъ.

Вотъ яхточка у пристани. Попарно, съ цвѣтами въ рукахъ, тихо подвигаются къ бесѣдкѣ бѣленькія красавицы-парижанки; болѣе сильныя и рослыя несутъ вазу и устанавливаютъ ее передъ привѣтливо ихъ встрѣчающей Царицей.

Фееричная обстановка переносила куда-то въ сказочную страну, далеко отъ электричества и пара, пороха и динамита. Солнце такъ ярко свѣтило и ласково грѣло, громадный городъ такъ нарядно и весело смотрѣлъ, лица у всѣхъ были такія добрыя и привѣтливыя, что невольно задавалъ я себѣ вопросъ: неужели эти же люди, эти хорошіе, способные на лучшіе душевные порывы люди забудутъ чудный день торжества мира и вновь когда-нибудь поднимутъ руку противъ ближнихъ, примутся за распри и разрушеніе?..

По дорогѣ въ Hôtel de ville очарованіе не оставляло меня, да, вѣроятно, и другихъ. У зданія ратуши, этого, по рассказамъ, пріюта красныхъ элементовъ, на большихъ трибунахъ гремѣлъ русскій народный гимнъ, и у подѣзда муниципалитетъ торжественно встрѣчалъ своего дорогого Гостя.

Тамъ, гдѣ теперь такъ гордо возвышается монументальное зданіе въ стилѣ Ренесансъ, съ вздымающимися къ небу башенными крышами, двадцать пять лѣтъ назадъ пылала подожжен-

ная коммунарами старая ратуша, рушились отъ взрыва боченковъ пороха стѣны и грохотали выстрѣлы междоусобной войны...

Сколько и прежде на этомъ мѣстѣ происходило памятныхъ всему міру политическихъ потрясеній, сколько здѣсь разыгралось драмъ и болѣе того кровавыхъ трагедій!..

Какъ ни роскошно зданіе ратуши, но къ пріѣзду Государя муниципалитетъ еще болѣе его украсилъ. Дворъ обратился въ чудную оранжерею, и прямо отъ входа выросла роскошная новая лѣстница, которая вела въ аванзалъ, гдѣ помѣщена громадная ваза—подарокъ Парижу отъ Александра III. На ступеняхъ лѣстницы стояли на часахъ, какъ изваянія, рослые красавцы—республиканскіе гвардейцы. Ратуша освѣщена а giorno и наполнена блестящимъ обществомъ. Въ дивномъ парадномъ залѣ слышится сначала гимнъ, а потомъ исполняютъ цѣлую музыкальную программу.

Въ городѣ зажглись огни и вспыхнула вновь иллюминація. Какъ будто никто не трогался съ своихъ мѣстъ, занятыхъ съ ранняго утра. Опять повсюду виднѣлись человѣческія головы и гремѣли виваты.

Наскоро пообѣдавъ, я устремился въ «Comédie Française».

Гордый своимъ блестящимъ прошлымъ и современнымъ положеніемъ перваго театра, «домъ

Мольера» чествовалъ Ихъ Величествъ спектаклемъ, въ которомъ принимали участіе всѣ лучшія силы труппы. Этотъ театръ, по своему образцовому ансамблю, стоитъ внѣ всякаго сравненія съ другими труппами. Даже выходъ изъ состава такихъ двухъ колоссовъ, какъ Сара Бернаръ и Кокленъ Старшій, нисколько не подорвалъ престижа «Comédie Française». Провести здѣсь вечеръ всегда истинное наслажденіе, а тѣмъ болѣе во время спектакля gala.

Въ полномъ смыслѣ блестящее электрическое освѣщеніе, богатые бордюры живыхъ цвѣтовъ, красивая декорированная царская ложа, звѣзды и ленты говорили о парадѣ. Небольшіе сравнительно размѣры зала, отсутствіе мундировъ, а главное то особенное неувимое, что присуще «дому Мольера», дѣлали театръ болѣе уютнымъ, болѣе привѣтливымъ, чѣмъ его пышная подруга «Grand Opéra».

Государь, какъ и всѣ присутствующіе мужчины, былъ во фракѣ съ лентой Почетнаго Легіона.

Когда Ихъ Величества вошли въ ложу, послышалось «Боже, Царя храни», и театръ застоналъ отъ бурныхъ рукоплесканій и сердечныхъ привѣтствій. Взвился занавѣсъ. На сценѣ вокругъ бюста основателя театра, Мольера, картинно сгруппировались въ красныхъ традиціонныхъ плащахъ, опушенныхъ мѣхомъ, всѣ общники «Comédie Française». Артисты низко поклонились

Царю, и въ ихъ движеніяхъ, въ выраженіи ихъ лицъ было столько почтенія, столько любви и преданности, что по залу пробѣжало невольное «браво!».

Выступилъ впередъ знаменитый Муне-Сюлли, и начался прологъ.

«Il est un beau pays aussi vaste qu'un monde où l'horizon lointain semble ne pas finir»...—декла-мировалъ, красиво жестикулируя, извѣстный артистъ, представитель классической школы. Свойственная Муне-Сюлли нѣкоторая приподня-тость тона была совершенно уместна здѣсь въ эту минуту, въ моменты общаго одушевленія.

Прелестная Бартэ съ несравненною граціей и искреннимъ воодушевленіемъ закончила про-логъ словами:

«Qu'à la sainte et forte Russie,
«Sous le clair rayon du ciel bleu,
«La France à jamais s'associe
«Pour les grandes œuvres de Dieu».

Залъ вновь потрясли аплодисменты и слезы заблестали на глазахъ растроганныхъ зрителей. Послѣ пролога шли: «Капризъ» Мюссе, актъ изъ трагедіи «Сидъ» и въ заключеніе пьеса па-трона «Comédie Française»—«Femmes savantes». Постановка «Каприза» имѣла особое значеніе, такъ какъ эта граціозная пьеса впервые уви-дала свѣтъ на берегахъ Невы, въ Михайловскомъ

театрѣ, а потомъ уже была поставлена въ Парижѣ.

Весь спектакль оставилъ самое пріятное впечатлѣніе о несравненной школѣ французскаго театра.

На улицахъ, бульварахъ и площадяхъ приходилось видѣть милліоны рядовыхъ людей; шумныя, горячія привѣтствія ихъ — гласъ народа, гласъ Божій. Въ театрахъ, въ «Grand Opéra» и «Comédie Française», собрались наиболѣе видные, талантливые и вліятельные представители власти, науки, литературы, искусства и политическихъ партій. Вотъ почему, для точной оцѣнки значенія политическаго момента, зрительный залъ являлъ собою также громаднѣйшій интересъ. Вотъ почему нельзя было русскому человѣку оставаться равнодушнымъ и смотрѣть безъ слезъ на тѣ оваціи, которыми лучшіе люди государства, аристократія въ истинномъ смыслѣ этого слова, привѣтствовали Царя.

Въ Версаль я не поѣхалъ, боясь не выбраться во-время въ Парижъ и опоздать въ Шалонъ на смотръ. Столица продолжала еще жить лихорадочной праздничной жизнью, хотя улицы послѣ полудня замѣтно опустѣли. Безчисленные флаги попрежнему весело мелькали въ воздухѣ, декораціи такъ же роскошно обрисовывали зданія, но

Царя уже не было въ городѣ и пульсъ Франціи перемѣстился въ Версаль...

На бульварахъ свободные пѣвцы и музыканты давали импровизированные концерты. Подъ аккомпаниментъ скрипки современный Беранже распѣвалъ пѣсенку, а его помощникъ, подпѣвая припѣвъ, предлагалъ слушателямъ за пять сантимовъ купить листокъ съ нотами. Быстро собирается вокругъ публика, и скоро по бульвару несется припѣвъ десятковъ голосовъ:

Sois le bienvenu dans Paris
Grand Tzar de la grande Russie—
Ton père aimait notre pays,
La France est toujours ton amie.

Въ другомъ мѣстѣ появился цѣлый оркестръ: скрипка, віолончель и кларнетъ. Здѣсь толпится еще болѣе народу, который распѣваетъ:

Fraternité! protège l'espérance
Du peuple russe et du peuple français
— Et que chaque jour désormais
Consacre l'alliance
Du peuple russe et du peuple français.

Далѣе слышатся задорные звуки, и льется веселенькая пѣсенка съ припѣвомъ: *mangeons le caviar et buvons l'samovar!*...

Въ день смотра, 27 сентября, меня разбудили въ 5 часовъ утра, и эльзасецъ лакей *sommelier*, принесшій *café au lait*, съ прискорбіемъ объявилъ, что погода испортилась и накрапываетъ дождь.

— Такая незадача! Парадъ испорченъ. И чтобъ ему, дождю, не потерпѣть еще денекъ. Вѣдь какія, господинъ, тамъ войска собраны! Любо посмотрѣть!

— А вы любите французскія войска?

— Помилуйте, конечно, люблю.

— А отчего-жъ вашъ сынокъ вчера у насъ въ коридорѣ распѣвалъ *Wacht am Rhein*?

— Вотъ негодяй! Это ихъ на родинѣ въ школѣ обучаютъ. Подите же, пріѣзжаетъ ко мнѣ на вакаціи всего мѣсяца на полтора въ годъ, а лучше меня по-французски говоритъ. Только вотъ сталъ теперь патріотическія нѣмецкія пѣсни распѣвать... И то сказать—съ волками жить, по-волчьи выть. А что дѣлать?! Не бросать же родную землю?!...

Парижане увѣрены, что эльзасцы также по-прежнему привязаны къ Франціи. Старики—да, но молодежь уже вырастаетъ съ другими взглядами; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ тѣ, кто живалъ въ послѣднее время въ Страсбургѣ. Школа, этотъ великій политическій рычагъ, послѣдовательно и систематично подвигаетъ Эльзасъ къ разфранцуженію. Прежде всего эльзасцы—коренные нѣмцы, кровь должна сказаться. Не намъ, конечно, славянамъ, тужить о томъ, что коренная національность, несмотря на два столѣтія вліянія культурнѣйшей Франціи,

все - таки энергично и быстро сказывается. Не такъ страшно становится за нашихъ зарубежныхъ братьевъ — славянъ...

Несмотря на шербургскій опытъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что найду мѣсто въ семичасовомъ шалонскомъ поѣздѣ. Мнѣ опять обѣщали задержать купе. Каково же было мое разочарованіе, когда на вокзалѣ я встрѣтилъ массу народа, которая чуть ли не всю ночь дожидалась отправления въ Шалонъ. Мнѣ передавали, что тутъ на «ура» брали мѣста, и многіе пассажиры ушли, потерявъ терпѣніе дожидаться. Произошла какая-то путаница въ расписаніяхъ, и вслѣдствіе этого пассажирскихъ поѣздовъ, вмѣсто десятковъ, отправлено было всего, кажется, семь. Станціонное начальство и даже низшіе желѣзнодорожные агенты исчезли, нигдѣ нельзя было ихъ найти. Неужели придется отказаться отъ посѣщенія Шалона? Въ минуту этого печальнаго раздумья я увидѣлъ одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ «*chef de la sûreté générale*» и повѣдалъ ему свое горе.

— Сейчасъ долженъ отправиться спеціальнѣйшій поѣздъ для членовъ сената и парламента. Я васъ проведу черезъ цѣпь полицейскихъ, охраняющихъ отъ толпы доступъ къ нему, а тамъ видно будетъ. Богъ дастъ, устроимся.

Энергичный чиновникъ не остановился на полдорогѣ и представилъ меня добрѣйшему се-

натору D-ré, обладавшему лишнимъ билетомъ, который онъ мнѣ и вручилъ.

Слава тебѣ, Господи! Наконецъ-то я въ вагонѣ! Съ какою завистью посматривала публика на нашъ отъѣзжающій поѣздъ, въ которомъ, повидимому, было не мало не-членовъ парламента.

Большинство, вѣроятно, не успѣло позавтракать, такъ какъ на первой же остановкѣ чуть не всѣ пассажиры поголовно бросились въ буфетъ, гдѣ можно было достать холодную дичь, кофе въ большихъ стеклянныхъ бокалахъ, а главное—сэндвичи. У столиковъ происходила давка, всѣ торопились, хватали что кто можетъ и совершенно не заботились объ отсутствіи салфетокъ, тарелокъ, ножей, вилокъ и стакановъ. *À la guerre comme à la guerre!* Я уже отмѣчалъ добрый аппетитъ французовъ; въ шалонскомъ парламентскомъ поѣздѣ поддерживали эту славу, и многіе, не довольствуясь скушаннымъ въ буфетѣ, захватили съ собою провизію про запасъ. Французъ, если и не кричитъ, что голоденъ, то ужъ, съѣвши кусочекъ хлѣба, непременно скажетъ: *j'ai soif*. Поэтому вмѣстѣ съ сэндвичами въ вагонахъ появились и бутылки съ виномъ и пивомъ. Послѣдній напитокъ за послѣднее время завоевываетъ себѣ все большее и большее число потребителей, хотя ему еще очень далеко до вина. Въ Парижѣ, напримѣръ, выпивается

до $4\frac{3}{4}$ милліона гектолитровъ вина и только около 300 тысячъ—пива.

Когда показался Эперне съ своими знаменитыми складами шампанскаго, въ вагонахъ раздались аплодисменты. Въ этотъ день здѣшній буфетъ отлично торговалъ, продавъ не мало полубутылокъ пѣнистаго нектара жаждавшимъ сенаторамъ и членамъ парламента.

Д. очень любезно и добродушно угощалъ насъ изъ одного стаканчика шампанскимъ. Никто не отказывался. Недоспавшіе дома и дремавшіе въ креслахъ пассажиры начали оживляться. Сѣтовали сначала на погоду, но по мѣрѣ приближенія къ Шалону появлялась увѣренность, что тучи разсѣются. Слышались толки объ арміи.

— Я согласенъ совершенно съ Ernest Judet: необходимо на Востокѣ имѣть всегда въ полной готовности сильную, сплоченную, вполне мобилизованную армію для рѣшительныхъ первыхъ дѣйствій при открытіи войны. Ждать, пока подойдутъ резервы, будетъ некогда.

— Какъ же вы хотите имѣть сплоченную армію, когда организація ея не идетъ далѣе корпусовъ, не имѣющихъ между собой связи, и войска не знаютъ, кто ими будетъ командовать. Штабъ арміи даже не организованъ!

— Господи! Да успѣютъ все это сдѣлать при объявленіи войны.

— Успѣютъ! Нѣтъ, mon ami, это будетъ архи-

поздно. Время вѣдь теперь на войнѣ нужно считать не мѣсяцами, а чуть не секундами. Да главное — необходимо начальнику ознакомиться съ своими войсками, и обратно. Важно, чтобы главнокомандующій и его ближайшіе помощники заранее углубились во всѣ детали могущей быть кампаніи, изучили бы планы и предположенія.

— Да, ждите! а ну, какъ твой командиръ, вмѣсто Рейна, повернетъ къ Парижу, да скажетъ намъ, палатѣ: «Смирно! Руки по швамъ!» Нѣтъ, это опасно.

— Кто же не знаетъ этихъ страховъ! Очень жаль, что такія разсужденія не позволяютъ намъ во весь ростъ стать передъ непріателемъ и вмѣсто того, чтобы грозить ему однимъ пальцемъ, сразу показать грозный здоровенный кулакъ...

Нашъ поѣздъ по временной желѣзнодорожной вѣткѣ, спеціально для пріѣзда Государя выстроенной войсками, подошелъ близко къ мѣстамъ для зрителей. Шесть огромныхъ трибунъ, на нѣсколько тысячъ человѣкъ каждая, могли дать пріютъ только счастливцамъ.

Въ то время, какъ со стороны Шалона двигалась масса народа и экипажей, на самомъ военномъ полѣ была тишина и образцовый порядокъ. Правильно построенные четырехугольники съ блестящею чешуею латъ, штыковъ, касокъ и сабель, однако, указывали уже на собравшіяся тамъ войска. Здѣсь было семьдесятъ тысячъ

солдатъ,—но ни шума, ни бряцанія, ни музыки не слышно, все тихо. Армія ждала Государя.

На нашей трибунѣ было оживленно и весело; настроеніе только измѣнилось на нѣсколько минутъ, по волѣ одной упрямой дамы, помѣстившейся стоя на передовой скамьѣ. Глядя на нее, встало еще нѣсколько человѣкъ, а за ними поднялись почти всѣ.

— Assis! Assis! — слышались возгласы, и большинство покорно усѣлось и присоединилось къ крикамъ «assis!».

Но дама оказалась непреклонна: она стояла, загораживая поле своею широкою спиною и невѣроятной шляпой. Сосѣди ея опять встали. Тогда уже, кромѣ мирнаго «assis!», слышались болѣе рѣзкіе окрики.

— Вотъ глухая! Вотъ розиня! Экій ростбифъ!

— Да она нарочно! Слышите? Она говоритъ, что ей горя мало до другихъ.

— А такъ вотъ какъ! Хорошо же!

И, къ моему удивленію, по направленію стоявшей кучки полетѣли бомбочки свернутой бумаги... Бомбардировка продолжалась недолго, и когда виновница скандала, наконецъ, почувствовала себя побѣжденной и опустилась на скамью, по всей трибунѣ пронесся аплодисментъ и крики «ah! ah!».

Да, думалось мнѣ, наша публика, хотя и не галантна, но гораздо добродушнѣе французской.

Это недоразумѣніе моментально изгладилось. Одинъ изъ африканцевъ доставилъ трибунамъ большое удовольствіе. Отставъ отъ товарищей, собравшихся уже у царскаго навильона, онъ пустилъ подлѣ трибунъ своего кровнаго араба въ полный карьеръ. Красиво разстилавшаяся по землѣ сѣрая лошадь, съ раздувшимися ноздрями и пушистымъ хвостомъ, приросшіи къ скакуну смуглый всадникъ, съ картинно развѣвающимся бѣлымъ бурнусомъ и закинутой за плечи громадной шляпѣ, эта движущаяся художественная группа произвела большой эффектъ на воспріимчивыхъ зрителей.

— Браво! Браво! *Vive les arabes!* — послышалось громкое поощреніе счастливому сыну пустынь.

Раздались пушечные выстрѣлы—сигналъ прибытія Императора. Всѣ встрепенулись.

Въ 12 часовъ показались сначала кирасиры, затѣмъ африканскіе егеря и арабы, а потомъ Государь въ лейбъ-казацкой формѣ, верхомъ на золотистомъ конѣ. Его Величество ѣхалъ рядомъ съ открытымъ ландо, въ которомъ подлѣ президента сидѣла Императрица. Въ экипажъ, по давно установившемуся обычаю, были запряжены артилерійскія лошади въ батарейной сбруѣ съ фрейторами, артилерійскими солдатами. Впереди свиты выдѣлялся французскій военный министръ генералъ Бильо и командовавшій всѣмъ парадомъ

маститый военный губернаторъ Парижа генералъ Сосье.

Склонились передъ русскимъ Царемъ республиканскія знамена, барабанички забили походъ, пронзительно затрубили горнисты, полковые оркестры заиграли «Боже, Царя храни». Во французскихъ войскахъ не принято встрѣчать кликами, и колонны стояли тихо, безмолвно; но чувствовалось, какимъ огнемъ радости горѣли глаза офицеровъ и солдатъ, какъ сильно бились ихъ благородныя воинственные сердца. Стотысячная масса зрителей прониклась тѣмъ же чувствомъ и разразилась громкими, долго не смолкавшими: «Vive l'Empereur!», «Vive la Russie!», «Vive le Tzar!»

Когда войска двинулись церемоніальнымъ маршемъ, народъ, любящій свою армію, встрѣтилъ ее привѣтствіемъ: «Vive l'armée!». Во главѣ войскъ ѣхалъ военный министръ съ главнымъ штабомъ, а потомъ генералъ Сосье съ своей свитой. Вотъ подошли войска, спеціально командированныя съ итальянской границы и изъ Алжира для чествованія Царя и приданія большей нарядности смотру. Подъ крики «bravo les alpins!» проходятъ оригинальной походкой нашихъ гурійцевъ неутомимые альпійскіе стрѣлки въ особаго покроя костюмахъ, въ синихъ беретахъ, съ длинными горными палками, прикрѣпленными къ ранцамъ.

А вотъ и красные зуавы въ фескахъ, восточ-

ныхъ курткахъ и шальварахъ. Большинство солдатъ, конечно, французы, но виднѣются и характерныя фizioноміи уроженцевъ Алжира. Сѣверная Африка, Севастополь, Ломбардія и Мексика выдвинули зуавовъ, какъ закаленныхъ воиновъ, не знающихъ ни усталости, ни страха, и сдѣлали ихъ очень популярными во Франціи. Трибуны устраиваютъ оваціи зуавамъ. За ними двигается другой еще болѣе экзотическій полкъ: тюркосы съ дикимъ оригинальнымъ завываньемъ нумы, инструмента, похожаго на кавказскую зурну. Аплодируютъ тюркосамъ, аплодируютъ стрѣлкамъ.

Вслѣдъ за отборными частями показалась наконецъ и главная сила каждой арміи—линейная пѣхота. Она шла не по-ротно или по-баталіонно, какъ это дѣлается обыкновенно у насъ, а цѣлыми монументальными дивизионными колоннами. Передъ трибунами проходили сразу по четыре полка, имѣя впереди новыя знамена. Линія по фронту для насъ непривычная, огромная, и потому «держатъ равненіе» чрезвычайно трудно. Впереди каждой дивизіи шелъ взводъ инженеровъ и ѣхали конные ординарцы отъ кавалеріи. Потомъ маршировалъ цѣлый отдѣльный батальонъ музыкантовъ, горнистовъ и барабанщиковъ всей дивизіи. Тихо звучали оркестры, заглушаемые громовыми, сердитыми раскатами барабановъ и воинственными воплями голосистыхъ длинныхъ рожковъ.

Одновременно играла только половина горнистовъ, а вторая ждала нѣсколько тактовъ своей очереди и, по знаку тамбуръ-мажора, размѣренными, красивыми движеніями рукъ поднимались инструменты и съ отчаяннымъ усердіемъ выдувались невѣроятно высокія ноты. Дойдя до царскаго павильона, старшій тамбуръ-мажоръ потрясалъ своей булавой надъ головами музыкантовъ, возбуждающихъ нервы арміи, и весь звонкій баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, поворачивалъ направо и отходилъ въ сторону, устанавливаясь противъ парадной бесѣдки.

Могучимъ потокомъ надвигается трехцвѣтная лавина; красная линія — кеши, синяя полоса — пальто съ отвернутыми полами, снова красная полоса — брюкъ на бѣломъ фонѣ гамашей. Шли стройно, видно было, что это не автоматы, чувствовалась душа арміи: такъ отцы и дѣды ихъ ходили на штурмы, ходили къ побѣдамъ, ходили тысячами умирать. Величественный видъ несокрушимой силы, сплоченной, разумной массы этихъ незамѣтныхъ въ одиночку рядовыхъ линейцевъ поражаетъ зрителей, и навстрѣчу дивизіи несется радостный, гордый привѣтъ: «vive la ligne!». А барабаны гремятъ все громче и громче, горны заливаются все задорнѣе и задорнѣе... Вотъ первая дивизія миновала уже царскій павильонъ, уже за ней двигается другая, а полки продолжаютъ стройно, не теряя равненія, маршировать мимо

трибунъ. Солдаты идутъ не натянуто, хотя не-
большимъ, но скорымъ, эластичнымъ шагомъ.
Нашимъ старымъ строевикамъ, привыкшимъ «тя-
нуть носокъ», это не понравилось бы; но ихъ
время уже прошло...

За каждою дивизіею громыхала ея нераздѣль-
ная часть—артилерія. Важно выглядываютъ съ
лафетовъ, съ подвижныхъ своихъ пьедесталовъ,
стальные пушки, метательные снаряды конца
XIX вѣка, продуктъ тысячелѣтней напряженной
мысли многихъ изобрѣтателей... Особенно сосре-
доточенное и гордое выраженіе лица одного моло-
дого смуглаго артилерійскаго офицера бросилось
мнѣ въ глаза. Онъ не безъ ироніи взглянулъ на
трибуну, и взоръ его какъ будто говорилъ: «Что!?
Скучно вамъ, господа, смотрѣть на нашъ темный
уборъ. Эхъ, вы! вспомните, что и Наполеонъ I
когда-то былъ простымъ артилерійскимъ офи-
церомъ». За пѣхотой шла воздухоплавательная
команда. Съ высоко парившаго надъ головами
воздушнаго шара красиво развѣвались длиннѣйшіе
франко-русскіе флаги.

Галопомъ, на размашистыхъ рослыхъ лошадяхъ
пронеслась аристократія арміи: голубые гусары,
темно-синіе кирасиры и драгуны въ каскахъ,
украшенныхъ конскимъ волосомъ. Въ заключеніе
лихо пролетѣла конно-артилерія.

Каждую колонну трибуны и остальная публика
встрѣчали аплодисментами, хотя подъ вліяніемъ

длящагося впечатлѣнія они не были уже такъ энергичны, какъ первое время.

Ждали общей кавалерійской атаки. Ожиданіе сбылось на половину. Конница, скрывшаяся въ складкахъ мѣстности, вновь показалась на горизонтѣ и, по трубному сигналу, галопомъ подошла къ трибунамъ. Въ карьеръ кавалеріи не пустили... Парадъ конченъ. Царь уѣхалъ.

Все бросились утолять голодъ и жажду. За трибунами появились продавцы съ провизіею и питьемъ. То и другое было на видъ очень непривлекательно; но публика набрасывалась на все съѣдобное и платила большія деньги за третьесортный товаръ. Пользуясь билетомъ члена парламента, я проникъ въ большую палатку, гдѣ для отцовъ народа приготовленъ былъ спеціальнѣйшій буфетъ. Толкотня была жестокая. Добившіеся мѣста у буфетныхъ столовъ доброй волей не оставляли ихъ. Церемоніи здѣсь были отброшены, и всякъ молодецъ былъ на свой образецъ; доставъ путемъ эквилибристическихъ усилій тарелку, приходилось пренебречь ножомъ и довѣриться собственнымъ зубамъ въ охотѣ за кускомъ холоднаго ростбифа безъ соли. Да, голодъ плохой спутникъ галантности и утонченной вѣжливости...

Стремясь скорѣе попасть въ Парижъ, я направился къ полотну дороги, гдѣ на рельсахъ стояло нѣсколько длиннѣйшихъ спеціальныхъ поѣздовъ, и рѣшился безъ билета занять мѣсто въ

поѣздѣ парижскаго «conseil municipal». Строгий квесторъ, такъ ревниво охранявшій мѣста для прессы на трибунѣ у вокзала Ranelagh, требовалъ у всѣхъ билеты и энергично выпроводилъ двухъ молодыхъ людей съ парламентскими купонами. Меня онъ помиловалъ и не беспокоилъ даже разспросами.

Общество въ нашемъ купе было очень разговорчивое и веселое. Сосѣдъ мой, одинъ изъ парижскихъ мэровъ, обносилъ всѣхъ серебрянымъ стаканчикомъ съ прекраснымъ виномъ, которое особенно понравилось художнику, замѣчательно быстро на ходу поѣзда набросавшему нѣсколько интересныхъ сценъ для иллюстраціи. Товарищъ художника, корреспондентъ, цѣлую ночь не спалъ, собиралъ всякія свѣдѣнія, и теперь, внеся въ громадную корреспонденцію послѣднія свѣдѣнія, передалъ рукопись своему сотруднику для отправки телеграммъ съ первой же остановки, а самъ заснулъ сномъ солдата послѣ побѣды. Художникъ рисовалъ и упитывался бутербродомъ чудовищныхъ размѣровъ, да вообще и другіе пассажиры кушали исправно. Аппетитъ одного небольшого и худенькаго старичка, специалиста статистика, меня положительно поразилъ. Онъ медленно вынималъ изъ глубокой плетеной корзинки различную провизію, методично, не торопясь отрѣзывалъ кусочки перочиннымъ ножомъ и отправлялъ въ свою утробу. И такъ продолжа-

лось съ добрый часть. Оставаясь самъ невозмутимо серьезнымъ, онъ сыпалъ остротами, отъ которыхъ тучный животъ мэра такъ и подпрыгивалъ, а усаый членъ conseil municipal чуть не визжалъ отъ восторга.

— C'est épatant! C'est épatant! — хлопая себя по ногѣ, повторялъ художникъ и заканчивалъ: Oh, mon Dieu, que j'ai soif! Послѣ чего мэръ предлагалъ ему еще стаканчикъ.

Не отвѣчалъ общему настроенію резервный офицеръ, родственникъ мэра. Желтый, больной, онъ чуть не со злобой смотрѣлъ на ѣвшихъ и нисколько не трогался остротами статистика. Все окружавшее видимо его раздражало.

— Какая славная армія! Какой блестящій видъ! — благодушно восхищался смотромъ мэръ.

Разговоръ принялъ военный оттѣнокъ.

— Да, имъ хорошо здѣсь парадировать, а послалъ бы я ихъ на Сенегалъ или въ Тонкинъ. Потрясла бы лихорадка хорошенько, тогда бы посмотрѣлъ на нихъ, на бѣлоручекъ! — злобился офицеръ.

— Во время осады Парижа я вѣдь тоже былъ подъ ружьемъ. Да, да! И эта рука, — показывалъ намъ свою узловатую кисть статистикъ, — сдѣлала свое дѣло. Сержантъ всегда говаривалъ: мой другъ, ты на парадѣ гроша ломаного не стоишь, зато на вылазкахъ молодчина... Эхъ, если бы тогда подъ Mont-Valerien насъ поддерживали во-

время!.. Когда мы отступали, сержантъ и говорить мнѣ...

— Ну, что сержантъ вашъ могъ понимать!.. Вѣдь онъ дальше своего носа, вѣроятно, не видѣлъ, — вдругъ озлился офицеръ.

— О, нѣтъ, мой другъ, онъ былъ въ очкахъ. Обширный животъ мэра заколебался.

— Видите, мой другъ, положимъ, ни я, ни сержантъ, мы ровно ничего ни въ тактикѣ, ни въ стратегіи не понимали; но вѣдь зато я и былъ простой troupiер. Это не бѣда, а вотъ скверно, что генералы ничего не понимали...

— А вы думаете, — теперь лучше? Старички почтенные, назовите мнѣ хотя одного чѣмънибудь выдѣлившагося?

— А X! а Y! а Z! а... началъ пересчитывать статистикъ.

— Знаю, что вы мнѣ весь списокъ по старшинству можете пересчитать.

— А нашъ славный парижанинъ S чѣмъ плохъ? — вставилъ свое слово мэръ.

— О, да, да! — заговорилъ художникъ. — Сегодня онъ былъ положительно величественъ. Какую чудесную картину онъ представлялъ съ своимъ штабомъ! C'est épatant!.. Боже, Боже мой! Я совсѣмъ умираю отъ жажды.

Но мэръ старался не допустить преждевременной кончины художника и наливалъ ему до краевъ серебряный стаканчикъ.

— По-моему, надо поставить на границѣ готовую, вполне сформированную армію и назначить надъ нею главнокомандующаго, который свыкся бы съ войсками, узналъ бы ихъ... Только въ Парижѣ, конечно, не позволятъ этого. Понимаютъ они многое тамъ! Побоятся диктатуры, — забрюзжалъ вновь офицеръ.

— *Les beaux esprits se rencontrent.* Вы, мой другъ, во взглядахъ на мобилизацію замѣчательно сходитесь съ Ernest Judet, — уязвилъ статистикъ офицера.

Легкій храпъ мэра обезпокоилъ художника, со вниманіемъ посматривавшаго на его волшебную корзину. Онъ вздохнулъ съ прискорбіемъ, откинулся самъ также на спинку дивана и тотчасъ же заснулъ.

— Отличную штуку они придумали. Экіе весельчаки! — замѣтилъ насытившійся наконецъ статистикъ и погрузился въ дремоту. А бѣдный офицеръ видимо дрожалъ въ пароксизмѣ южной лихорадки.

Быстро пролетѣли дни пребыванія Государя во Франціи, но тѣмъ не менѣе оставили здѣсь глубокій слѣдъ. Доброе расположеніе между двумя великими державами и даже — болѣе того — союзныя отношенія подтвердились блистательно парижскими торжествами въ честь Царя.

Послѣ отъѣзда Государя пошелъ осенній неутомимый холодный дождь, и Парижъ сталъ неузнаваемъ. Надо было собираться домой. Наступило время расчета съ гостиницей и закупки маленькихъ подарковъ. Надо было платить, платить и платить. Въ цифровой области цѣнъ и счетовъ всякій сентиментализмъ, симпатіи и влеченія не имѣютъ мѣста нигдѣ, а тѣмъ болѣе во Франціи, добрые патріоты которой умѣютъ не только нажать копѣйку, но и сохранить ее...

Въ бюро спальныхъ вагоновъ встрѣтился съ коммерсантомъ-нѣмцемъ, живущимъ много лѣтъ въ Россіи.

— Были спеціально на празднествахъ? — спросилъ онъ меня съ ехидною улыбкой. — И, конечно, въ восторгѣ!

— Да, былъ и, конечно, въ восторгѣ.

— Удивляюсь! Да неужели вы вѣрите въ искренность этихъ чувствъ? Вѣдь это все однѣ декоратіи и минутныя увлеченія скоропреходящей дружбы.

— Если бы умиляться только передъ столѣтнею привязанностію, такъ нужно было бы умереть съ тоски. Въ искренности французовъ, чествовавшихъ нашего Царя и Царицу, я убѣжденъ, такъ какъ плакалъ самъ вмѣстѣ съ толпой однѣми слезами радости. Надолго ли эта дружба? Будемъ надѣяться, что да. А если бы судьба судила иное,

то и тогда и я, и миллионы людей все-таки съ благодарностью будутъ вспоминать незабвенные франко-русскіе дни, пробудившіе въ людяхъ, хотя на-время, чистые восторги передъ идеей мира и общаго блага.

Мы вышли на улицу. Моросилъ дождь. Прохожихъ было менѣе обыкновеннаго. Навстрѣчу намъ неслись звуки военной музыки, смѣшанные съ дикимъ воцлеме «нумы». То возвращались изъ Шалона африканцы, тюркосы. Солдаты ежились и морщились, торопясь скрыться отъ непривычной имъ европейской непогоды въ казармы, и шли безъ особаго равенія. Кромѣ пяти-шести мальчишекъ, баталіонъ почти никто не провожалъ по улицѣ de la Paix.

— Вотъ посмотрите! Давно ли ихъ встрѣчали съ энтузіазмомъ, съ оглушительными виватами и громомъ аплодисментовъ. А!..—торжествовалъ мой собесѣдникъ и, выставивъ гордо свою высокую грудь, офицеръ германскаго ландвера зашагалъ по направленію къ обожаемому имъ, однако, парижскимъ бульварамъ.

Я шелъ въ раздумьи по улицѣ de la Paix, но вотъ сверкнуло солнышко и освѣтило роскошную улицу, всю еще иллюминированную русскими флагами и обведенную изящнымъ зеленымъ трельяжемъ, увитымъ цвѣтами. Царь уже за предѣлами Франціи, а здѣсь не торопятся снимать цвѣты, и цѣлыя клумбы ихъ, оставленные безъ особаго

присмотра, сохраняются нетронутыми и неприкосновенными.

Вновь нахлынули на меня воспоминанія пяти свадебныхъ франко-русскихъ дней, и въ ушахъ загремѣли «Vive le Tzar!», «Vive la Russie!»

— Vive la France!—откликнулось и у меня на душѣ.

Февраль 1897 г.

Въ Нижнемъ.

По поводу годовщины Нижегородской выставки разговаривалъ я съ пріятелемъ и вспомнилъ, что у меня въ записной книжкѣ занесены отрывки впечатлѣній и разговоровъ.

— Отчего же вы не подѣлитесь съ нами и съ читателями?

— Да теперь, думается мнѣ, уже поздно.

— Помилуйте, неужели десятки милліоновъ рублей, десятки тысячъ рабочихъ рукъ, огульное переутомленіе и издерганные нервы устроителей такъ мало значили? Неужели всѣ эти нравственные и матеріальныя затраты, всѣ эти усилія вызвали лишь скоропреходящій сезонный интересъ?

Нѣтъ, они должны воздѣйствовать гораздо сильнѣе, глубже. Они должны въ людской памяти оставить значительный слѣдъ и вызвать у посѣтив-

шихъ выставку множество впечатлѣній, которыя интересно выслушать и не одинъ годъ спустя послѣ этого провинціального инспекторскаго смотра русской предприимчивости.

— Итакъ, пусть будетъ по-вашему. Слушайте, коли не соскучитесь. Но, знаете, вѣдь на выставкѣ я былъ россійскимъ вояжеромъ, который обозрѣваетъ безъ всякой системы и опредѣленной цѣли.

Я ѣздилъ посмотрѣть выставку, видѣлъ ее и могу сказать, что тамъ было много интереснаго. Прежде всего, да, пожалуй, и больше всего меня поразила мысль о томъ, что вотъ-де былъ пустырь у захолустнаго Нижняго, разстилалось необозримое свалочное мѣсто — и вдругъ, по мановенію жезла, эта непритягательная площадь, заброшенная на далекомъ сѣверо-востокѣ, покрылась дворцами и превратилась въ роскошное ристалище русской промышленности.

Что касается выбора мѣста для выставки въ Нижнемъ, то всѣ подмѣчаютъ лишь отрицательную сторону и умалчиваютъ о положительной. Несомнѣнно, что въ столицахъ было бы въ десять разъ больше народа на выставкѣ, но вѣдь это главнымъ образомъ были бы мѣстные жители, выдавшіе и безъ того не мало. Для нихъ обзоръ витринъ не представлялъ бы особой новости. Въ Нижній же съѣхалось съ нашихъ восточныхъ губерній, изъ Сибири и Средней Азіи не мало такого народа, который въ столицы не попадаетъ,

и потому для него, дѣйствительно, было что поглядѣть и чему поучиться. Пріѣхали также воспитанники учебныхъ заведеній и въ ихъ впечатлительныхъ натурахъ, конечно, останется яркое представленіе о современномъ состояніи русской промышленности. Увидѣли они здѣсь и художественныя произведенія, и красивыя зданія; а все это—неоцѣнимый матеріалъ для ихъ развитія. Вы скажете, что молодежь могла бы пріѣхать на выставку и въ столицы. Совершенно вѣрно; но вѣдь бесплатный проѣздъ и всякія облегченія были вызваны именно исключительнымъ положеніемъ Нижегородской выставки. Затѣмъ и многіе столичные и другихъ мѣстъ обитатели, не направлявшіеся никогда восточнѣе московскаго меридіана, теперь волей-неволей побывали на Волгѣ, повидали Россію и получили новыя впечатлѣнія.

При видѣ выставки меня захватила и удивила та мощь и сила, которая, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, успѣла создать у Нижняго, помимо ярмарки, грандіозную всероссійскую витрину. Тридцать, а можетъ быть, и сорокъ милліоновъ, затраченныхъ, не считая казенныхъ суммъ, разными лицами и учрежденіями на коммерчески неудавшееся предпріятіе, не отразилось отрицательно на ихъ благосостояніи. Велика и сильна живучесть Россійскаго организма.

Вотъ вы, господа, указывали на фантастичность моего проекта перенесенія столицы въ Кіевъ.

Помните, по поводу наводненія въ Петербургѣ я предложилъ свой планъ спасенія русской столицы не только отъ риска быть когда-нибудь затопленной, но и освобожденія лучшихъ силъ государства отъ губительнаго, мертвящаго, тоску и злобу нагоняющаго холоднаго и промзглаго климата? Помните, я проектировалъ сдѣлать подлѣ Кіева отчужденіе земель по пространству вдвое превышающему площадь современнаго Петербурга? Я совѣтовалъ образцово распланировать его, принять обеззараживающія мѣры и отвести столичнымъ домовладѣльцамъ, соотвѣтственно цѣнности ихъ петербургскихъ домовъ, участки въ новомъ городѣ и выдавать ссуду по мѣрѣ возведенія построекъ. Не пошедшая подъ надѣлъ земля осталась бы за государствомъ для правительственныхъ учрежденій и для постепенной продажи или аренды.

Черезъ десять лѣтъ выросъ бы лучший въ мірѣ городъ и наполнился бы здоровой, стряхнувшей съ себя петербургскія невзгоды жизнерадостной аристократіей мысли и труда.

И я теперь, послѣ поѣздки въ Нижній, еще болѣе увѣрился въ этомъ и скорбѣлъ душевно, видя, какъ Петербургъ пневматическимъ насосомъ продолжаетъ высасывать лучшіе соки изъ всѣхъ уголковъ Россіи и какъ отъ пріема ихъ золотушный городъ все пухнетъ, растетъ и возводитъ новыя многоэтажныя гробницы русской пред-

пріимчивости и энергіи. Съ каждымъ годомъ труднѣе и труднѣе покинуть эту столицу, но рано или поздно операція необходима. Дай Богъ поскорѣе.

Во многихъ отдѣлахъ любой выставки невольно приходится играть роль горбуновскаго купца въ Зоологическомъ саду, который «слона погладилъ». Такъ и мы, громадное большинство не-спеціалистовъ, въ Нижнемъ «слона гладили» и находили, что должно быть хорошо.

У однихъ посѣтителей при видѣ множества разнообразныхъ строеній, павильоновъ и бесѣдокъ явятся вопросы: Кто строилъ? Изъ какого матеріала? Да то, да се..., а у меня зароились на выставкѣ, и именно по поводу ея, другія мысли.

Вотъ передо мной громадный машинный павильонъ, перевозъ изъ Москвы и установка котораго, по неправдоподобной, вѣроятно, молвѣ, обошелся дороже, чѣмъ устройство совершенно новаго зданія. Монументальныя металлическія колонны поддерживаютъ арки гигантской крыши, вѣнчающей стеклянный дворецъ машинъ, въ которомъ раскинуты цѣлыя аллеи разнообразнѣйшихъ механическихъ приспособленій, котловъ, станковъ, прессовъ, молотовъ, трубъ и сифоновъ. Повсюду виднѣются безконечные ремни, цѣпко протягивающіе свои длинныя руки къ проводамъ, къ движущей силѣ.

Машинисты бережно и любовно вытираютъ свои дѣтища, сдувая съ нихъ каждую пылинку. Рѣдкіе обозрѣватели теряются по улицамъ и переулкамъ отдѣла. Въ одномъ мѣстѣ образовалась небольшая группа: маленькій студентъ-технологъ съ польскимъ акцентомъ объясняетъ разныя приспособленія для переработки свекловицы въ сахаръ. Впереди стоитъ разсѣянная дама и, не глядя на студента, повторяетъ его послѣднія слова.

— А это, скажите пожалуйста, что за приборъ? — неожиданно перебиваетъ студента дама, указывая на другой конецъ отдѣла.

Технологъ старается выяснить функціи аппарата, но дама его не слушаетъ и переходитъ къ слѣдующей витринѣ. Группа быстро таетъ и студентъ, оставшись безъ аудиторіи, не докончивъ своей лекціи, нервно улыбаясь, умолкаетъ.

Глазъ ищетъ именъ предпріимчивыхъ дѣятелей, работающихъ во славу русской промышленности. Вотъ они: фонъ-Рибенъ, Фицнеръ, Листъ, Реппгонъ, Гамперъ, Бромлей, Мюргетъ, Крейтонъ, Мантель, Фельзеръ, Леснеръ, Борманъ, Шведе, Ланге, Кернъ, Гакенталь, Валь, Дангауеръ, Кейзеръ, Вейхельдтъ, Гофмаркъ, Гретеръ, Пирвицъ, Малкіель, Тротцеръ, Мюргедъ и т. д., и т. д.

Среди грома этихъ иностранныхъ фамилій совершенно гложнутъ малочисленные русскія имена: Курбатова, Журавлева, Зиновьева, еще буквально

двухъ-трехъ и все. Есть, правда, фирмы акціонерныхъ обществъ, названіе которыхъ прикрываетъ національность лицъ, тамъ орудующихъ; но думаю, что русскіе и здѣсь далеко не составляютъ большинства. Грустно, тяжело, невыносимо тяжело становится на сердцѣ...

— Позвольте, позвольте! Вѣдь всѣ эти фирмы съ иностранными именами работаютъ въ Россіи и нѣкоторые изъ владѣльцевъ русскіе подданные.

— Да, да, они принимаютъ русское подданство и работаютъ на русской землѣ... Однако, покопайтесь у себя въ душѣ и скажите тогда, все ли вамъ равно, если инородцы обратятся въ помѣщиковъ, въ распорядителей, а русскій людъ, тотъ людъ, который созидалъ государство, закабалится въ чернорабочіе, въ быдло. Все равно? Движеніе на Востокъ германцевъ и іудеевъ идетъ съ поразительной быстротой. И всякій приплецъ пріѣзжаетъ себѣ шубу шить на счетъ голаго Ивана и Петра. И помѣщикъ, и чиновникъ, и купецъ, и ремесленникъ, и крестьянинъ — всѣ мы склоняемъ шею передъ захлестывающей насъ волною инородчества... Охъ, согрѣшили мы передъ Господомъ! Какъ ни кинь — все плохо. Малая пошлина даетъ возможность мистерамъ и геррамъ свои заграничныя произведенія валомъ валить въ Россію; не успѣютъ ввести запретительную пошлину — какъ мистеры и герры перебираются сами на вре-

менное жительство и заработки въ Россію. Нѣтъ выхода!..

Встрѣтился я въ машинномъ отдѣлѣ со знакомымъ разговорчивымъ купцомъ. Потолковалъ съ нимъ о нашихъ горестяхъ.

— Если такъ продолжится, то неперемѣнно всю торговлю «они» заберутъ и всѣ фабрики будутъ въ «ихъ» рукахъ. Но только статочное ли это дѣло! Неужели мы не опомнимся? Думаю, что и это нашествіе въ родѣ какъ кузька или другой вредоносный жукъ; плодится, плодится, ну, думаешь, одна гибель намъ впереди, а тамъ, глядишь, отъ неизвѣстныхъ причинъ самъ собой извелся... Плохо то, что народъ нашъ ослабъ, страху въ немъ настоящаго нѣтъ. Теперь, знаете сами, посѣвами мы въ Вольскомъ уѣздѣ занимаемся; такъ не приведи Богъ какая каторга съ рабочими, въ особенности съ пришлыми. Лѣтомъ-то они къ намъ все тянутъ. Или креста на нихъ нѣтъ?— Знаю, знаю, скажете, отвлекся отъ линіи. Да какъ же выдержать-то, когда изъ дома пишутъ, что Извѣтовскій приказчикъ сманилъ цѣлую артель рабочихъ? А вѣдь хлѣбъ не терпитъ. Эхъ, прости Господи! Ну доведись мнѣ встрѣтиться съ Извѣтовымъ, Дмитріемъ Николаевичемъ, напою я ему пѣсенку. Вѣдь задатокъ взяли! Прежде народъ страхъ Божій имѣлъ. Не надо, бывало, росписки, слово умѣли держать. А теперь для нихъ все пустое дѣло. И тамъ, и здѣсь забралъ,

и никому не отработалъ. А взятки съ него гладки. Солидные мужики, и тѣ махнули рукой, и на нихъ надежда плоха. Зачѣмъ онъ будетъ собирать добро при круговой поруцѣ? Чтобы платить за другого? Глядитъ, глядитъ на безпутство, крѣпится, а тамъ какъ за чужіе грѣхи придется расплачиваться, такъ и онъ загуляетъ, и онъ ослабнетъ. Какой ему также расчетъ надѣлать свой удобрять, да устраивать. Чтобы отобрали для другихъ? Нѣтъ, неладно это, будь сѣ пусто и круговой поруцѣ, и передѣлу.

«Да-съ, такъ видите ли. Оно страшно, и не страшно инородческое-то иго. Знанія у насъ мало. Вотъ, лѣтъ пятнадцать тому будетъ, надумали мы съ братомъ на Волгѣ наливную нефтяную шкуну заказать. Одного горя набрались. Пришлось бросить русскую посудину и выписать новую изъ Швеціи. Теперь вотъ, благодареніе Богу, подучились русскіе и въ Сормовѣ строятъ солидные суда.

«Замѣтьте, всѣ вѣдь знаютъ, какое великое дѣло ученіе, а вотъ, подите на милость, мало, очень мало на этотъ предметъ мы обращаемъ вниманія. Говорятъ-то всѣ много, а «Васька слушаетъ, да ѣстъ»... Это я инородца — Васькой окрестилъ. У иностранцевъ какое производство ни возьми, такъ тамъ и безъ школы на разныхъ фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ сметливый рабочій можетъ въ большіе мастера выйти, а у

насъ, извините, сморкаться и то въ школѣ надо научить.

«Нужно намъ устроить по всѣмъ городамъ разныя, какія по мѣсту пригоднѣе, практическія, больше механическія, школы. Теоріей-то у насъ некогда особенно заниматься—надо смотрѣть въ оба, чтобы иностранецъ не перехитрилъ. А то, помилуйте! Въ гимназіи до большой бороды учится, учится, а потомъ еще въ университетѣ лысину наживаетъ, и такъ до двадцати-пяти, шести лѣтъ онъ все еще теоріей занимается. Знанія-де позже придутъ. Я на этотъ счетъ, за картами, съ нашимъ инспекторомъ гимназіи сражаюсь. Онъ мнѣ говоритъ, что гимназія не для знанія, а для развитія. Благодарю покорно! Не пойму этого. Да когда же знанія эти и получишь; а, по-моему, учишься—знанія собираешь и тѣмъ себя самъ развиваешь. «Потому-то, говорю, у насъ по городу классиковъ развелось много, а истинно грамотныхъ людей что-то не вижу». Пусть, думаю, инспекторъ и по своему адресу получить: стали мы какъ-то сочинять прошеніе насчетъ женской гимназіи, такъ онъ такого тамъ напуталъ—не понять ничего, спасибо уже думскій секретарь выправилъ. А вотъ и самъ я сына отдалъ въ гимназію. Что подѣлаешь? Времена такія: какъ-то неловко передъ знакомыми, да и другихъ заведеній подходящихъ нѣтъ. Теперь сына-то своего въ Москву отвезъ, въ дорогой

пансіонть опредѣлилъ, по тысячѣ цѣлковыхъ плачу. Думаю, не даромъ же люди деньги бросаютъ, должно быть, есть расчетъ... И заведеніе выходитъ на манеръ привилегированнаго... Жалко, что не позволяютъ купечеству въ Правовѣдѣніе и Лицей дѣтей помѣщать,—милое дѣло, деньги внесъ и учись сынокъ помаленьку, а впереди тебѣ дорога внѣ конкуренціи. Вотъ Карлъ Ивановичъ, докторъ губернской, отлично все это понялъ, изъ послѣдняго тянется, а сынишку, форменнаго нѣмчика, туда отдалъ. — «Мой, говоритъ, не забалуется, а подыщетъ хорошую компанію, служебную карьеру сдѣлаетъ и женится или на русской княжнѣ или на нѣмецко-банкирской дочери».

«Замѣьте, сколько выходитъ въ послѣдствіи большихъ чиновъ изъ нихъ. Если бы взять вѣрную пропорцію съ университетами, такъ на долю и правовѣдовъ, и лицейстовъ должно было бы очиститься видныхъ должностей самая малость—совсѣмъ пустыни, а на дѣлѣ выходитъ наоборотъ...»

Переходи отъ павильона къ павильону, я заинтересовался шахтой донецкаго каменно-угольнаго бассейна и дворцомъ нефтяного короля Нобеля. Каменный уголь и нефть—два конкурента и два безцѣнныхъ друга русскихъ лѣсовъ, а съ нимъ и благодѣтели сельской промышленности. Кто побѣдитъ? Уголь или нефть? Возможно и взаимное любовное ихъ общеніе, въ видѣ нефте-

угольныхъ брикетовъ. А пока оба производства сильно развиваются, при чемъ нефтяная добыча идетъ гигантскими шагами. Въ 1885 году добыто было 116 мил. пудовъ, а черезъ 10 лѣтъ, въ 1895 году, 377 мил., превзойдя впервыя добычу Соединенныхъ Штатовъ, выразившуюся лишь 236 мил. пудовъ *).

Каменнаго угля въ 1884 году добывалось 239 мил. п., а въ 1894 году 528 мил. пудовъ **).

Въ то время, какъ въ добычѣ нефти мы идемъ впередъ всѣхъ, въ каменноугольномъ производствѣ Россія плетется въ хвостѣ. Такъ, въ 1890 году количество потребленія угля на человѣка равнялось: въ Англіи — 251,6 пуд., въ Бельгіи 187,8 пуд., въ Соединенныхъ Штатахъ 138,7 пуд., въ Германіи 112,1 пуд., во Франціи 58,1 пуд., въ Австріи 36,1 пуд. и въ Россіи 4 пуда ***). Эти цифры служатъ замѣчательно вѣрнымъ показателемъ развитія обрабатывающей промышленности. Длинная полоса земли, охватывающая Кавказскій хребетъ, обладаетъ многолѣтними міровыми запасами нефти; каменнаго угля у насъ также нѣтъ недостатка: помимо донецкаго и польскаго, въ Сибири, въ Алтайскомъ округѣ, залегаютъ одни изъ самыхъ мощныхъ въ свѣтѣ пла-

*) «Фабрично-Заводская Промышленность и Торговля Россіи», стр. 361.

**) «Производительныя силы Россіи», VII, стр. 35—41.

***) «Ф.-Зав. Пр. и Т. Р.», стр. 359.

стовъ. Все это ждетъ разработки, инициативы и предприимчивости—именно того, чего у насъ пока нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Въ нобелевскомъ павильонѣ молодой шведъ сообщалъ намъ о борьбѣ, которую пришлось имъ выдержать съ американскими нефтепромышленниками. Недостаточно было организовать добычу сырья черезъ буровыя скважины, недостаточно было устроить заводы для переработки матеріала и изобрѣсти особыя наливныя суда для перевозки, пришлось всѣми мѣрами стараться приблизиться непосредственно къ потребителю; устраивать не только склады, но и раздробительную продажу, съ доставкой по мелочнымъ требованіямъ по квартирамъ. Лишь путемъ такой организаціи удалось побороть искуснаго врага и вытѣснить его на нѣкоторыхъ иностранныхъ рынкахъ.

Разговоръ этотъ пришелъ мнѣ на память, когда я направился въ сельско-хозяйственный отдѣлъ и задумался о судьбахъ нашихъ землевладѣльцевъ. Бѣдный производитель слезы проливаетъ отъ незначительныхъ цѣнъ на сырье. Гдѣ ихъ спасенье? Необходимо изыскать средства ближе подойти къ потребителю, отстранить лишнихъ коммерческихъ посредниковъ, улучшить матеріалъ и облегчить потребителю пріобрѣтеніе.

Россія хлѣба не доѣдаетъ. Ёсть въ проголодь не только деревня, но и городъ. Впослѣдствіи наступитъ благодатная пора, когда русская деревня

не будетъ себѣ отказывать въ лишнемъ кускѣ хлѣба, тогда изъ Россіи за границу не повезутъ ни зерна и цѣны окрѣпнутъ; но пока желательно принять мѣры, чтобы хотя городъ, — болѣе богатый потребитель, — бралъ возможно больше хлѣба.

Пусть русскіе помѣщики часть своего зерна продаютъ не сырьемъ, а въ видѣ печенаго хлѣба, булокъ, сухарей и печеній. Одному человѣку это не подъ силу, надо сельскимъ хозяевамъ дѣйствовать артелями и, минуя скупщиковъ, хлѣботорговцевъ, мукомоловъ, лавочниковъ и булочниковъ устраивать свои магазины и организовать доставку готоваго товара для желающихъ прямо на квартиры. Въ настоящее время, несмотря на сильное паденіе цѣнъ на зерно, городской потребитель мало ощущаетъ пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, но зато всякое повышеніе на хлѣбной биржѣ моментально отражается на его карманѣ, и притомъ произвольно, неравномѣрно; какія-нибудь пять лишнихъ копѣекъ на пудъ, уплаченныхъ помѣщику, выражаются копѣчной прибавкой на каждый фунтъ, приобретенный городскимъ обывателемъ. Не будь цѣлой серіи посредниковъ, а продавай сельскіе хозяева сами, то они могли бы, даже удешевивъ городскія цѣны, значительно повысить свой заработокъ. Кромѣ того, болѣе дешевый и хорошій матеріалъ, продаваемый безъ фальсификаціи, расходился бы въ

большихъ противъ теперешняго размѣрахъ, такъ какъ не только недоѣдавшій пріобрѣталъ бы себѣ болѣе значительную порцію, но и сытый получилъ бы возможность покупать, въ видѣ лакомства, продукты хлѣбопеченія изъ матеріала высшихъ сортовъ.

Величественно возвышается на выставкѣ хлѣбный столбъ, представляющій лишь одну миллионную частицу объема того гигантскаго, воображаемаго закрома, въ который можно было бы всыпать весь урожай хлѣбовъ въ 1895 году въ Европейской Россіи. Для того, чтобы умѣстить уродившіеся 2,630 миллионовъ пудовъ зерна, надо было бы устроить магазинъ съ основаніемъ въ шесть десятинъ и высотой въ одну версту*)!

Казалось бы у насъ большой излишекъ хлѣбовъ, и дѣйствительно, помимо внутренняго употребленія, мы вывезли за границу въ сельско-хозяйственные 1894—95 гг. 102 мил. пуд. ржи, 252 мил. пуд. пшеницы, 73 мил. пуд. овса, 125 мил. пуд. ячменя. Стоимость на міровомъ рынкѣ этихъ вывезенныхъ пудовъ и устанавливаетъ цѣны на все внутреннее зерновое производство. Иностранная биржа является командиромъ, захочетъ — помилуетъ, захочетъ — въ порошокъ сотретъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ. Неужели же долго продлится такое положеніе? И какого поворота къ лучшему

*) «Производительныя силы Россіи», стр. 3—8.

или худшему мы можем ожидать? Пока мы будем поставлены въ необходимость часть своей почвы и недостающаго для недоѣдающихъ миллионовъ питательнаго вещества вывозить за свои предѣлы, — зависимость отъ капризовъ биржи не прекратится. Надо ли намъ, однако, оставлять у себя тотъ хлѣбъ, который нынѣ вывозится? Не можетъ быть секретомъ для читающей публики, что народъ нашъ далеко не упитанъ; крестьянство въ большинствѣ случаевъ ѣстъ хлѣбъ не чистый, черствый, чтобы много не ѣлось, и по веснѣ сидитъ на большой діетѣ. Кто видѣлъ, какъ новобранцы первые мѣсяцы набрасываются на солдатскій хлѣбъ и какое количество его съѣдаютъ, тотъ, конечно, ни на минуту не задумается, что вывозимые за границу 100 мил. пудовъ ржи, составляющіе лишь 10⁰/о урожая, нашли бы себѣ при большемъ мужицкомъ достаткѣ наилучшее помѣщеніе въ русскихъ пустоватыхъ желудкахъ. Но что дѣлать, недаромъ пословица говоритъ: «самъ бы ѣлъ да деньги надо».

Россія производитъ пшеницы менѣе, чѣмъ Франція, и, несмотря на это, около 60⁰/о урожая обмѣниваетъ на золото границей, а стоило на 125-милліонную массу русскаго населенія прибавить къ нынѣ потребляемому еще по два пуда пшеницы на ротъ, кажется не Богъ вѣсть что и вывозить бы не пришлось ни одного зерна. А нынѣ русскій простолюдинъ пшеничный хлѣбъ—

пирогомъ величаетъ, такимъ лакомствомъ онъ ему кажется.

При другихъ условіяхъ врядъ ли пришлось бы вывозить и овесъ. Большинство русскихъ крестьянъ въ своихъ полевыхъ работахъ пользуется особымъ видомъ домашняго животнаго, отъ плохихъ кормовъ переродившагося въ малорослое, слабосильное, но, правда, выносливое созданіе, имѣющее такое же сходство съ лошадыю, какъ кавказскій ишакъ съ катеромъ (муломъ). Крестьянскіе «животы», какъ извѣстно, по веснѣ отъ вѣтра валяются, а овесъ видятъ лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ.

Да, изъ сытой Россіи хлѣба вывезти нельзя, и Богъ дастъ это время настанетъ, а настанетъ тогда, когда наша родина будетъ грамотная и трезвая. Перестанемъ, однако, смотрѣть черно на будущее. Я вѣрю, что проведеніе въ жизнь твердой рукой питейной реформы, въ скоромъ времени благотѣлительно отзовется на населеніи. Не за горами и мѣры къ просвѣтленію народа.

Въ то время, какъ другіе обозрѣватели выставки переходили по порядку, по нумерамъ, отъ одного предмета къ другому, я два часа битыхъ просидѣлъ передъ хлѣбнымъ столбомъ. Ненавижу ходить съ указателями и тыкаться во всякую витрину. По-моему, это каторга самопроизвольная.

Ну, что я увижу? У X зерно крупнѣе, чѣмъ у Z, или что боровъ A вѣситъ болѣе борова B?

Я и безъ того знаю, что выставленные предметы не у всѣхъ одинаковы, а у кого именно—это меня не интересуе́тъ. Для меня важны средніе выводы, общія заключенія, а подробности все равно улетучатся.

Казалось бы, тогда и на выставку пріѣзжать не стоило. Справился съ таблицами, съ средними выводами—и дѣло кончено.

Но это совсѣмъ не такъ. Вѣдь я же все-таки не слѣпой и, проходя по отдѣламъ, не отворачиваюсь отъ выставленныхъ предметовъ. Именно вся эта обстановка, окружающее множество систематически подобранныхъ предметовъ, этотъ гигантскій музей несомнѣнно особеннымъ образомъ вліяетъ на меня и настраиваетъ на размышленія.

Зданіе художественнаго отдѣла очень красивое, собраніе же произведеній не особенно выдающееся. Но если бы собраны были всѣ лучшія полотна и изваянія русскихъ художниковъ, то и тогда я былъ бы недоволенъ. Всѣ эти коллекціи нисколько не характеризуютъ общаго художественнаго уровня Россіи. Когда у насъ впервые распахнулись двери для западной культуры, то вскорѣ же, несмотря на поголовную неграмотность, появилась де-Сіансъ-Академія, а въ ней и знаменитые академики, издававшіе, правда, свои труды на нѣмецкомъ языкѣ. Могли ли эти трактаты и монографіи служить зеркаломъ

подъема культуры?.. Да, и какъ бы ни былъ силенъ источникъ искусственнаго свѣта, онъ освѣщаетъ лишь ограниченное пространство. Академія Наукъ была лишь иностранной музейной диковинкой до тѣхъ поръ, пока маленькіе огоньки, въ видѣ различныхъ школъ, не затеплились по всей землѣ русской и научное образованіе постепенно не начало входить въ общественную необходимость.

Эстетическое развитіе, къ сожалѣнію, не шло рука объ руку съ книжнымъ образованіемъ. У насъ существовала прекрасно устроенная высшая художественная школа, куда ежегодно стекалась сотня юношей на художественную выучку. Между ними встрѣчались люди способные, люди талантливые, которые давали иногда замѣчательныя произведенія, но, за исключеніемъ незначительнаго меньшинства, для всего остального русскаго народа эти работы были то же, что нѣмецкія монографіи де-Сіансъ-Академіи для русскихъ безграмотныхъ современниковъ Эйлера и Ломоносова.

Проникъ ли въ наше общество вкусъ къ изящному въ настоящее время? Не будемъ считать тѣхъ немногихъ людей, которые, въ силу скорѣе подражанія, а не истинной личной потребности, устроили обстановку своихъ помѣщеній на иностранный образецъ. Все остальное, даже интеллигентное общество, нисколько не требова-

тельно въ смыслѣ эстетики. Люди матеріально обеспеченные, съ университетскимъ образованіемъ, очень часто вполне «беззаботны» относительно украшенія своей квартиры картинами, хорошими гравюрами, сносной мебелью; они заполняютъ свои дома убійственными олеографіями и рыночной, хотя иногда очень дорогой обстановкой.

Тусклое небо, холодъ, татарщина, отсутствіе моря и живописныхъ горъ — все вмѣстѣ видимо положило отпечатокъ на русское эстетическое развитіе. Всѣ эти условія, конечно, не убили въ насъ способности художественнаго совершенствованія, но придавили ее, остановили ростъ и не дали ей возможности сопротивляться наступающей отовсюду силѣ приспособленія организмовъ къ суровымъ мѣстнымъ условіямъ. И въ уходѣ за своей внѣшностью, въ манерахъ, въ костюмѣ, въ устройствѣ жилья, въ отношеніи къ деревьямъ и цвѣтамъ, въ упряжи, въ экипажахъ — во всемъ, во всемъ у русскаго болѣе, чѣмъ у какого-либо другого народа, за исключеніемъ развѣ жителей арктическихъ полосъ, замѣчается отсутствіе эстетическаго вкуса.

Прекрасное должно быть вездѣ прекрасно. Идеалы государственные и общественные не могутъ быть общими для всѣхъ націй; но искусство, изящныя искусства должны признаваться всѣми безразлично: для нихъ нѣтъ ни политическихъ, ни расовыхъ границъ. Горю могутъ помочь только

лишь художественныя школы, школы и школы съ музеями, разбросанныя повсюду и воспитывающія постепенно любовь къ прекрасному.

Много нужно такихъ школъ, много нужно и времени, чтобы онѣ замѣтно воздѣйствовали на народъ. Даже наши лучшіе мастера, выросшіе въ средѣ, не преклоняющейся предъ красотой, несмотря на всю силу ихъ таланта, долго не могутъ отдѣлаться отъ дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній и переносятъ на полотно многое недостойное кисти художника.

А теперь, въ настоящее время, весь этотъ художественный отдѣлъ лишь легкая посторонняя наслойка на русскую промышленность, совершенно съ ней не соединенная, не имѣющая ничего съ нею общаго.

Вотъ и все, что напало въ моей записной книжкѣ о Нижегородской выставкѣ.

Май 1897 г.

Въ центрѣ Россіи.

Обращали ли вы вниманіе на то, что у насъ сообщеніе Сѣвера съ Югомъ болѣе урегулировано, чѣмъ Востока съ Западомъ? Сравнительно быстро и даже безъ пересадки можно изъ Петербурга перенестись въ Севастополь или Пятигорскъ; а стоитъ съ магистрали повернуть на одну изъ вѣтвей, и почувствуете большія неудобства, задержки, худшіе вагоны и другіе досадные недочеты.

По дорогѣ въ одну изъ черноземныхъ мѣстностей, послѣ просторнаго салона съ раскидывающимися креслами, я очутился вечеромъ на неудобномъ диванѣ въ небольшомъ купе единственнаго маленькаго вагона I класса.

Надпись на дверяхъ гласитъ: «на шесть человѣкъ»; по счастью, насъ было только трое, и то вещи едва помѣстились въ сѣткахъ надъ головами.

Спутники мои были пожилые люди: одинъ, по внѣшности, изъ старыхъ баръ, а другой отставной армейскій полковникъ. Баринъ остался крайне недоволенъ тѣсною, посылалъ за начальникомъ станціи, но тотъ не являлся.

— Помилуйте! Что это за безобразіе?! Международный путь еще хотятъ устроить. Ну, какой иностранецъ сунется сюда, въ эту клѣтку?

— Да и заграницей путешественниковъ не особенно балуютъ.

— Такъ вѣдь тамъ разстоянія другія. Вотъ мнѣ надо десять дней трястись до конечной станціи. Десять дней!— Кондукторъ, а это чей чемоданъ?

Кондукторъ не зналъ и смотрѣлъ довольно безучастно.

— Чей чемоданъ это? Олухъ Царя Небеснаго! Чортъ знаетъ, что за безпорядки на линіи! Болванъ! обрушился онъ внезапно съ удивительной энергіей на кондуктора.

Баринъ пошелъ устраивать свою спутницу въ дамскомъ купе, а полковникъ, тревожно оглядывавшій диванъ, сразу же обратился ко мнѣ съ вопросомъ, куда я ѣду? Я успокоилъ его увѣреніемъ, что недолго буду стѣснять собою и выйду на одной изъ ближайшихъ станцій. Онъ ободрился и охотно разговорился.

— Для экономіи вѣдь это я ѣду въ I классъ. Тысячи двѣ верстъ безъ отдыха отмахать стариковскимъ костямъ тяжело, а останавливаться

въ гостиницахъ дорого,—думаю: за проѣздъ въ І классъ черезъ всю Россію заплатилъ 33 рубля, покой себѣ пріобрѣлъ и правъ.

— Только несовсѣмъ! Какъ посадятъ еще кого-нибудь въ купе, такъ о покой забудете.

— Да ужъ, говоря откровенно, и тутъ на узловой станціи не весело время провелъ. Вѣдь вы подумайте, семь часовъ пришлось ожидать этотъ поѣздъ. Совсѣмъ измучился, а главное—перекинуться словомъ не съ кѣмъ. Въ вагонѣ какъ-то проще разговориться: спросилъ сосѣда, куда ѣдетъ, и такъ далѣе и пошло; а въ вокзалѣ или на платформѣ попробуйте-ка заговорить съ кѣмъ-нибудь, вѣдь напугаешь человѣка, того и гляди жандарма позовутъ на помощь...

Что можетъ быть непригляднѣе русскаго бойкаго уѣзднаго города? Въ деревнѣ, правда, душа и болитъ объ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, да тамъ хоть поля видны и вдали зеленѣющій боръ; при видѣ же уѣздной улицы, съ безвкусыми, прижавшимися другъ къ другу домиками, прорванными кой-гдѣ пустырями, мною овладѣваетъ безнадежное чувство. Не дай Богъ, если еще улица вымощена камнемъ! Наберетесь горя, отобьете бока и языкъ прикусите. Есть тутъ и свой гостиный дворъ — «ряды» съ десяткомъ энциклопедическихъ лавокъ. И въ этомъ не-

взрачномъ уголку царить свой милліонеръ. Продавая по аршинчикамъ кумачъ, по ведеркамъ деготь, да по шкаликамъ водку, онъ втягивалъ въ свою мошну мѣдные пятаки рабочаго люда, а тамъ съ тысячами дошелъ и до барина. «Свелъ» одну рощицу, другую; послѣ и имѣнья сталъ глотать, «сводить» усадьбы и сады.

— Смотрите, этотъ сѣдой въ бѣгунцахъ на рысакѣ ѣдетъ, вѣрный милліонъ имѣетъ. Вотъ и домъ его безъ подъѣзда съ тяжелыми желѣзными воротами на запорѣ. По старой вѣрѣ онъ; семья у него въ кулакѣ, пикнуть не смѣетъ, двое сыновей женатыхъ на красавицахъ... Грѣхи одни... Третій сынъ, сидя въ лавкѣ, подготовился къ экзамену и теперь на линіи чиновника, рассказывалъ мнѣ добрый знакомый.

Нельзя сказать, чтобы въ городѣ не было общества. Судья, нотаріусъ, докторъ, земскій начальникъ, акцизный чиновникъ, слѣдователь, исправникъ, соборный батюшка, да еще два-три служащихъ челоѣка. Зато всякій господинъ на счету. Въ столицѣ онъ, можетъ быть, сидѣлъ бы михрюткой за тремя запорами, а здѣсь онъ видный дѣятель, принимаетъ и самъ бываетъ, иначе нельзя. Не только винтъ, но и домашніе спектакли и танцевальные вечера устраиваются, и если вздорной барыни не попадется, такъ даже довольно весело время проводятъ. Изъ помѣщиковъ въ городѣ никто не проживаетъ, но иногда

пріѣзжаютъ съ семьями повеселиться. Барышнямъ, впрочемъ, почти не съ кѣмъ танцовать, кавалеровъ мало.

Библіотеки у насъ, конечно, нѣтъ; но книги откуда-то барыни достаютъ и романами зачитываются. Правду сказать, у насъ и не безъ своихъ, даже уголовныхъ романовъ. Вотъ видите этотъ заѣзжіи дворъ. Здѣсь, года два назадъ, разыгралась страшная драма. Извозчикъ до смерти заколотилъ свою сожительницу, жену петербургскаго полковника.

Мужу ея достался отъ кого-то извозный промыселъ, ему некогда было имъ заниматься и онъ, отъ большого ума, поручилъ вести дѣло молодой, симпатичной и хозяйственной женѣ. Та не отказалась и сама вникала во всѣ мелочи, выдавала овесъ и сѣно, принимала выручку, однимъ словомъ, вполне вошла въ роль. Среди извозчиковъ былъ нахальный малый, выдавшій всякіе петербургскіе виды и почитывавшій грязные романы; онъ похвастался передъ товарищами, что заставить хозяйку полюбить себя. Работники посмѣялись, да и забыли, а недѣли черезъ двѣ онъ слетѣлъ съ сѣннаго чердака и его нашли бездыханнымъ въ сараѣ, что подтвердилъ Кирюха Кривой, присутствовавшій при паденіи. Слухъ прошелъ, что это хозяйка, отбиваясь отъ неожиданнаго нападенія, сбросила съ сѣновала ловеласа и, испугавшись отвѣтственности, выпросила Ки-

рюху за дорогую плату молчать объ ея участіи. Такъ ли, не такъ, но полковница дѣйствительно совала деньги и подарки одноглазому, а тамъ всѣ узнали, что Кирюха съ ней живетъ и не прячется, а нарочно при другихъ оказываетъ ей любезности. Узналъ полковникъ, и жена сбѣжала съ Кирюхой къ намъ въ уѣздный городъ. Держали они извозъ и дѣла шли, казалось, недурно, но онъ сталъ выпивать и добро пошло прахомъ. Надъ полковницей онъ глумился безмѣрно, принуждалъ ее пить водку, билъ ее, приказывалъ не только служить своимъ собутыльникамъ, но заставлялъ снимать съ нихъ сапоги, кланяться въ ноги и продѣлывать разныя другія униженія. Она плакала, работала черезъ силу, грузила лѣсъ въ дождь и непогоду и все терпѣла и терпѣла. Въ одну изъ попоекъ озвѣрѣвшій негодяй такъ немилосердно бахвалился и потѣшался по-своему надъ несчастной жертвой, что на другой день ее нашли мертвою. Мужъ пріѣзжалъ и, видимо, сильно убивался. Кирюху спровадили въ Сибирь, да что изъ этого толку для несчастной женщины? Вѣдь общество въ свое время не вступилось за нее, не пришелъ никто къ ней съ участіемъ и совѣтомъ, наоборотъ, отъ нея или брезгливо отворачивались, или съ насмѣшкой показывали пальцемъ: всѣ хотѣли видѣть въ этомъ развратъ, а не роковое стеченіе обстоятельствъ, и негодяй властвовалъ надъ затемненной бѣдной головой...

До сихъ поръ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ у меня, какъ вспомню объ этомъ унижительномъ преступленіи.

Здѣсь подлѣ церкви и могила несчастной женщины. Почти рядомъ, общественный, до нѣкоторой степени, памятникъ. На каменномъ, обвѣтрившемся отъ времени обелискѣ надпись тридцатыхъ годовъ гласила «О, Лаушкинъ! Не много на свѣтѣ ты прожилъ дней, но бездну оставилъ намъ, милый, друзей... Отъ преданныхъ и тебя любившихъ».

Рѣдко можно встрѣтить такіе памятники отъ друзей, а вотъ въ уѣздномъ городѣ они существуютъ.

Недалеко отъ церкви, по дорогѣ за городъ, сидятъ двѣ группы слѣпцовъ и поютъ псалмы. Перервется надтреснутый голосъ черной, непріятной старухи, а сосѣдъ ея, здоровенный дѣтина, уже раскачивается и выводитъ гнусявымъ теноромъ:

«Передъ ними врата рая растворяются,
Растворяются, люди умиляются,
Впереди всѣхъ святитель Николай
Въ златой ризѣ идетъ прямо въ рай»...

При послѣднемъ словѣ и старуха, и бѣлесоватый босоногій оборвышъ мальчикъ-поводырь присоединяются и хоромъ плаксиво выкрикиваютъ «идетъ, прямо въ рай».

Богомольцы пріостанавливаются, перешептываются и бросают мѣдяки въ деревянную чашку. Немного поодаль, противъ пѣвцовъ, лежитъ на животѣ благообразный среднихъ лѣтъ горожанинъ и внимательно, со слезами на глазахъ, прислушивается къ пѣнію... Любитель ли онъ «божественнаго» или горе какое гложетъ его сердце? И при видѣ этой растроганной души прощаешь пѣвцамъ ихъ неприглядный, несимпатичный видъ.—Пойте, пойте, странники! Отрывайте крестьянскую душу отъ житейскихъ потемокъ...

Утромъ, на зорькѣ, у подъѣзда насъ ждетъ тройка въ бричкѣ. Ёдемъ погостить къ богатому помѣщику, любовно занимающемуся своимъ имѣніемъ.

Къ городу близко подходитъ длинная слобода. Избенки трухлявыя, по большей части о два окна. Дымокъ уже вьется изъ трубъ, но на улицѣ еще мало народа. Слышатся вопли надрывающихся отъ крика больныхъ ребятъ, да гоготанье цѣлыхъ отрядовъ бѣлыхъ гусей, направляющихся къ грязной рѣчкѣ. Скотъ уже выгнанъ. На широкой улицѣ совсѣмъ, казалось бы, не у мѣста поставлены кладовушки, изъ открытыхъ дверей нѣкоторыхъ несетъ храпъ человѣческихъ существъ, запрокинувшихъ головы на порогъ. Показалась ворчливая старуха съ закутанной головой и въ вален-

кахъ; она напрасно старается загнать разыгравшагося теленка и тщетно кричитъ: «тпрусь, окаянный!» На каменномъ амбарчикѣ безъ оконъ и съ пудовымъ замкомъ на маленькихъ дверяхъ надпись: «Продажа всякова мѣлочного торгу»; тутъ же невдалекѣ, на какой-то будкѣ, повернувшейся невѣжливо къ улицѣ спиной, выведено большими буквами — «винная лавка». На площади, близъ деревянной церкви, выкрашенной въ ярко-синій цвѣтъ съ бѣлымъ бордюромъ, тарантасъ обдалъ пылью колонну разряженныхъ деревенскихъ дѣвушекъ, направляющихся въ понедѣльникъ на цѣлую недѣлю въ городъ на работы, на какую-то маленькую фабрику или заводъ. У одной краснощекой дѣвушки подъ мышкой гармонія, а на лицѣ широчайшая улыбка.

Покатили лугами. Бродить довольно большое деревенское стадо, коровы, видимо, мало молочныя, скотъ не крупный, неказистый, а въ стадѣ гуляютъ бычки-телята, какъ извѣстно, отъявленные ловеласы не на пользу поколѣній.

Заброшенный садъ. Да, тутъ была прежде усадьба NN. Жена отъ него уѣхала съ офицеромъ. Подѣломъ, не женись старымъ, да больнымъ на молоденькой. Помѣщика хватилъ ударъ; оправился онъ немного, далъ разводъ женѣ и перенесъ домъ свой туда, версты за двѣ, къ лѣсу. Къ этому дѣлу примѣшали Ивана Афанасьевича, нашего бѣднаго исправника. Надо было офицера

развести, всѣ и обвинили жену его въ невѣрности совокупно съ Иваномъ Афанасьевичемъ. Смѣху въ городѣ было много. Онъ-то и смолоду былъ неказистъ съ виду, а тутъ, когда уже стукнуло пятьдесятъ—его въ адюльтерѣ изобличали. Онъ оправдывался, клялся, божился, изъ себя выходилъ, «въ моемъ ли санѣ такой дѣятельности предаваться?!» кричалъ онъ, но все было напрасно. Осудили на покаяніе. Извелся бѣдный совсѣмъ, въ отставку вышелъ и все твердилъ о вопіющей несправедливости.

Мы его звали миндальный Лекокъ и вотъ почему. Поселились у насъ въ уѣздѣ двѣ на видъ почтенныя старушки; молебень отслужили, на пирогъ пригласили причтъ и исправника; а тамъ и зажили уединенной жизнью. Все шло, какъ говорится, чинно и благородно. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, наступаетъ Пасха, надо куличи печь; посылаетъ исправникъ въ лавки за тѣмъ, за другимъ и между прочимъ за миндалемъ.

— Нѣтъ, говорятъ, миндаля, весь вышелъ.

— Какъ такъ? Что за безобразіе! Кто скупилъ?

— Старушки, отвѣчаютъ, все подобрали.

— Ну, говоритъ исправникъ, это не спроста; хотя и всего-то въ городѣ нѣсколько фунтовъ миндаля было, но какъ же это взять и все скупить. Не ладно. Надо поразнюхать.

Разнюхали. Обыскали и нашли. Что нашли, не сумѣю вамъ сказать; но что-то неладное, новую

какую-то религію онѣ сочинили. Не знаю толкомъ. Старухъ убрали. Вотъ каковъ былъ миндальный Лококъ!

— Эхъ, плохо дѣло съ хлѣбами!—заинтересовался вдругъ мой спутникъ полями. Ишь какая мертвая рожь! Сколько плѣшинъ! Дай Богъ только сѣмена собрать. Тяжело придется въ этомъ году, и это вѣдь не у насъ только, въ средней полосѣ, но почти во всей восточной половинѣ Россіи.

Опять село. Изба на избѣ. Кой-гдѣ встрѣчаются каменные, а вотъ и домикъ съ желѣзной зеленой крышей—въ окнахъ виднѣются герань, бальзаминъ, бутылъ съ наливкой, кисейныя занавѣски, спинки гнутыхъ стульевъ; выглянуло миловидное кругленькое дѣвичье личико, а на стѣнѣ мелькнуло что-то похожее на премію «Нивы».

Вѣроятно, это вилла одного изъ деревенскихъ негоціантовъ.

О чемъ-то думаетъ хозяйская дочка? Читаетъ ли она что-нибудь? Вносятъ ли свѣтъ въ деревню грамотное потомство разжившихся кулаковъ? Проносятся въ головѣ быстро эти вопросы; а накренившіяся то въ бокъ, то впередъ, то откинувшись назадъ избы бѣгутъ передъ глазами одна за другой и говорятъ о печальной дѣйствительности...

Боже, какая тяжелая картина пожарища, чернымъ пятномъ обуглившаго середину села! Бо-

лѣе ста дворовъ какъ не бывало. Кой-гдѣ виднѣются лишь трубы, да черные остовы менѣе пострадавшихъ избѣ...

А вотъ и заѣзжій домъ. Здѣсь выставлена подстава отъ знакомаго помѣщика.

Въ избѣ постоялаго двора немислимо оставаться. Грязь и нѣсколько сотенъ породистыхъ мухъ цѣлыми роями переносятся со стола, усыпаннаго крошками, на лица гостей. Бр-р... Скорѣе на воздухъ. Со двора, напоминающаго свалочное мусорное мѣсто, выводятъ тройку рослыхъ лошадей. Симпатичный кучеръ возится надъ тяжемъ и неодобрительно отзывается о ямщицкой лѣни.

По дорогѣ видъ полей замѣтно перемѣнился: рожь выглядывала пудовъ семьдесятъ, восемьдесятъ на десятину, а на овсы и бархатисто-зеленое море льна не наглядѣться.

— Это пойдутъ все земли вашего знакомаго. Вотъ оно что значитъ хорошо удобрить, раздѣлать во-время, что въ нашей сторонѣ значитъ— пораньше, а то, какъ немного заѣваешься,— влага и ушла, ждать она не будетъ. Вспоминается мнѣ одинъ барскій управляющій, бывшій офицеръ, человѣкъ степенный, пожилой, но лѣнивый и мало понимавшій хозяйство. Самое подходящее занятіе для него было пенсію получать, а онъ взялся за большое имѣніе и, конечно, еже-

годно проваливался: то засуха, то дожди, то у него «мгла хлѣбъ сѣла».

Барину все было недосугъ отлучиться изъ столицы, но, наконецъ, онъ какъ-то пріѣхалъ весною и видитъ, что управляющій давно пропустилъ время посѣва. Баринъ-то понимающій.

— Какъ же такъ?—спрашиваетъ помѣщикъ.

— Подъ гречиху оставлено, ваше в—ство.

— А это? а это? Тоже подъ гречиху?

— Точно такъ, подъ гречу,—чуть не плачетъ управляющій.

— Да вамъ, вижу, не смѣшно, — вдругъ оборвалъ мой собесѣдникъ.—Мы, хлѣборобы, животики надъ этимъ надрывали, а вы и не улыбнетесь... Вашъ знакомый, пошли ему Богъ здобвѣя, за послѣдніе годы кой-чему насъ выучилъ. Бывало прежде наши заливные луга мы и ковырнуть боялись, не то что пахать. Онъ не удовольствовался полой водою, искусственную ирригацію устроилъ, да и всѣ луга у себя поднялъ плугомъ, засѣялъ и глядите какой тимофей: годъ неурожайный, а у него худо-бѣдно 400—500 пудовъ на десятину. Рядомъ у крестьянъ—ботва какая-то, а не луга. Нѣкоторыя общества, впрочемъ, поняли пользу, посѣяли и теперь Бога благодарятъ—будутъ съ сѣномъ. Вотъ тамъ, за пригоркомъ, по лугамъ, у него ленъ пойдетъ! Въ нашей губерніи его для сѣмени сѣютъ, а онъ—для волокна. Мало вырастить, да собрать; очень

важная исторія хорошо вымочить ленъ, тутъ и вода должна быть мягкая, и бассейны правильно устроены, и время не перепустить, чтобы волокно не перепрѣло. Цѣлая наука. По началу онъ выписалъ какого-то спеціалиста и, представьте себѣ, вѣроятно, практиковался этотъ техникъ мало, 18,000 пудовъ волокна помѣщику сгноилъ. Уволили его, и потомъ — уже простой десятникъ, что при немъ состоялъ, домекнулся самъ, что нужно измѣнить, и наладилъ дѣло. Теперь только подавай, все волокно берутъ въ Кострому на фабрики. Посмотрятъ, посмотрятъ, и другіе въ округѣ льномъ займутся.

— А не явится ли тогда перепроизводство? Спросъ вѣдь все-таки ограниченный.

— Не знаю, право, не задумывался надъ этимъ, но казалось бы зачѣмъ тогда столько хлопка выписывать изъ Америки, когда можно одѣваться въ свой ленъ.

«Казалось бы...» Мы молча проѣхали около версты и лихо вкатили на пригорокъ. Вдали, по одному берегу рѣки тянулось село, виднѣлась церковь, а подлѣ нея раскинулась привольно барская усадьба съ большимъ господскимъ домомъ и обширнымъ паркомъ, а на другомъ берегу, за зеленой полосой луговъ, синѣлъ громадный боръ.

— Лѣсомъ онъ, помѣщикъ, тоже занимается; не въ смыслѣ продажи, нѣтъ, онъ ни одного по-

лѣна не продаетъ. Около тысячи десятинъ насажено у него молодого лѣса! Рѣдко кто изъ разводящихъ лѣсъ можетъ похвастаться такой площадью. Впереди капиталъ для дѣтей и заслуга— для края, въ которомъ до сихъ поръ лѣса безбожно сводили на нѣтъ.

— Неужели въ вашемъ округѣ только одинъ и есть помѣщикъ-хозяинъ?

— Другіе больше по городамъ, на службѣ— въ отхожихъ промыслахъ. Лучшія силы тамъ, а дома дѣла у нихъ идутъ черезъ пень въ колоду. Маюся отъ одного аукціона до другого. Есть два-три очень богатыхъ, у которыхъ не разберешь: кормятся ли они отъ здѣшнихъ имѣній, или сами кормятъ имѣнія отъ своихъ капиталовъ. То слышишь, что дѣла у нихъ трещатъ, а то будто они сотни тысячъ заполучаютъ. Заводы у нихъ есть и въ зависимости они отъ Петербурга: отъ одной реформы разоряются, отъ другой карманъ пухнетъ. Трудно ихъ барыши подсчитать... Изъ молодежи выравниваются недурные хозяева, до всего стараются дойти. Они и Шопенгауера читаютъ, и наровятъ копѣйки не проторговать на своемъ добрѣ. Надняхъ знакомый мой, состоятельный молодой человѣкъ, провожалъ на станцію желѣзной дороги жену. Сижу въ вагонѣ и слышу говоритъ онъ ей: «такъ не забудь у дяди взять Нитше; боюсь, онъ зачитаетъ книгу, а я еще ее проштудирую». Тутъ ударилъ

третій звонокъ, чмокнулъ онъ ее въ губы и спѣшно заговорилъ: «Ивану Кузьмичу скажи, что дешевле двѣнадцати пудъ масла поставлять не буду.— Слышишь?!».— Нитше я, конечно, не читалъ, но знаю — философствуетъ... А масломъ онъ меня удружилъ, спокойнѣе сейчасъ на душѣ стало. Слышно, дѣло ведетъ очень недурно, кремешекъ-баринъ. И не одинъ такой. Жалко, что на землю-то они садятся безъ специальныхъ знаній, хотятъ просто умными мужиками быть и «вѣковой крестьянскій опытъ, дескать, использовать». Положимъ, и мужицкій умъ хорошъ, но по нынѣшнему времени безъ науки, съ однимъ «нутромъ» и артисту играть не приходится. Дастъ Богъ, придутъ новые выводы и съ наукой; вотъ они-то расхлебаютъ кашу, заваренную въ 60-хъ и 70-хъ годахъ ихъ дѣдами, выбитыми изъ прежней колеи и падкими на всякій кредитъ. Богъ въ помощь.

Вотъ и усадьба. Пріѣхали. Теперь отдохнемъ всласть.

Іюль 1897 г.

Въ Малороссіи.

Кончились франко-русскія празднества по случаю пріѣзда Феликса Фора въ Россію. Наступилъ разѣздъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ одно время съ нашими западными друзьями. Они поплыли по Балтикѣ, а я, въ вагонѣ Николаевской дороги, уносился въ Малороссію, вспоминалъ о только что пережитыхъ петербургскихъ торжествахъ и попутно о парижскомъ свиданіи. Промелькнулъ передо мной мысленно блестящій міровой городъ, выставившій на своихъ площадяхъ, тротуарахъ и балконахъ, на встрѣчу державнаго главы могущественной союзницы, живыя шпалеры четырехъ-милліонной восторженной массы. Сколько тогда было хорошаго, чистаго, возвышеннаго одушевленія! И какъ все это было красиво, эффектно! А вотъ и пасмурный Петербургъ, который на время «свиданія» какъ будто переро-

дился и вдругъ заволновался нервной, кипучей жизнью. Сотни тысячъ людей нахлынули и запрудили, окутанные флагами, Невскій, набережныя и всѣ улицы по дорогѣ проѣзда французовъ. Повсюду ликование, «ура!» и «*vive la France!*»

И тамъ, и здѣсь, въ Парижѣ и Петербургѣ, чувствовались историческіе моменты; передъ глазами проходили знаменательные дни.

Вспомнился мнѣ и блестящій электрическими огнями большой петербургскій залъ, наполненный оживленными лицами. Здѣсь представители печати угощали пріѣзжихъ французовъ. Подлѣ предсѣдателя банкета стоитъ красивый, полный господинъ и звучно читаетъ заздравное слово. Изъ центра слышится поощрительное «браво», а съ дальнихъ столовъ несется гулъ непрерывающейся франко-русской бесѣды. Ораторъ кончилъ и поднялъ свой бокалъ. Въ десятый разъ въ эту ночь съ шумомъ отодвигаются стулья, всѣ встаютъ и по залу несется громкое «*Vive la France!*», «*Vive la Russie!*» и «ура», звонкое «ура», смѣшанное со звуками нашего величественнаго гимна и Марсельезы.

Плохо владѣя французскимъ языкомъ, я рѣшилъ не произносить рѣчей, и безъ меня, думалось мнѣ, будетъ довольно вавилонскаго столпотворенія. Однако, подъ вліяніемъ возбуждающей обстановки пиршества, какой-то бѣсъ волнуетъ

и подталкиваетъ меня. Сосѣди подзадориваютъ сказать привѣтствіе, я уклоняюсь и повторяю всѣмъ: «нѣтъ, нѣтъ!..» А бѣсъ все-таки продолжаетъ свою бродильную работу. И вотъ, когда послѣ десятаго тоста всѣ успокоились и сѣли по мѣстамъ, я почти неожиданно для самого себя остался стоять. Мой сосѣдъ застучалъ вилкой о стаканъ, кто-то сталъ ему вторить, пронеслось по столамъ легкое шиканье по адресу бесѣдовавшихъ и музыка замерла на четвертомъ тактѣ увертюры «Фра-Діаволо».

— «Messieurs!»—началъ я и почувствовалъ, какъ спазмы захватили горло и горячая волна крови залила лицо. Я стоялъ, опершись на стулъ, и, вѣроятно, скорбнымъ взглядомъ окидывалъ присутствующихъ. Недавно еще, минутому тому назадъ, я не безъ улыбки поглядывалъ на читавшаго рѣчь писателя, а теперь онъ мнѣ казался недосыгаемымъ, искуснымъ ораторомъ; многіе, совсѣмъ незлобивые знакомые-слушатели обратились въ насмѣшливыхъ, ядовитыхъ критиковъ; въ особенности раздражала меня ехидная усмѣшка, внезапно появившаяся на миломъ обыкновенно лицѣ моего сосѣда. Господи! и зачѣмъ это мнѣ вздумалось говорить. Теперь отступленія нѣтъ, нечего дѣлать, срамысь ужъ до конца! Иди въ добровольную каторгу!

Я старался овладѣть собою, но это мнѣ мало удавалось и я съ трудомъ, какимъ-то надтресну-

тымъ голосомъ повторилъ: «Messieurs! очень и очень прошу не досадовать на меня за мой плохой французскій языкъ. Я не извиняюсь. Нѣтъ! Я хочу отъ сердца побесѣдовать съ вами и по-русски я бы вамъ сказалъ много, много хорошаго, но вѣдь вы не понимаете нашъ языкъ. Виновать ли я въ томъ? Не такъ ли?» Въ отвѣтъ слышится далеко не шумное поощреніе вѣжливо удивленныхъ французовъ и вопрошающіе суровые взгляды распорядителей банкета. Меня это смущаетъ, я теряю руководящую нить и незамѣтно перескакиваю къ концу сформировавшейся было у меня въ головѣ рѣчи.

— «Messieurs!» — продолжаю я, — «разъ для всесвѣтнаго обмѣна мыслей необходимъ одинъ общій языкъ, а родная наша русская рѣчь является не подъ силу другимъ націямъ, то мы рады, что для международныхъ сношеній выбранъ именно языкъ нашихъ друзей, нашихъ союзниковъ. Поднимаю бокалъ за одно изъ драгоценнѣйшихъ достояній милой Франціи, за ея музыкальный, изящный языкъ и за всѣхъ талантливыхъ тружениковъ пера и слова, съ любовью работающих надъ усовершенствованіемъ этого Божьяго дара».

Всѣмъ видимо показалось, что я уже кончилъ говорить и потому слышались радостныя заключительныя bravo, а музыка, этотъ незамѣни-

мый «стопъ» для пріостановки ораторовъ, грянула тушъ.

— О! Вы очень любезны! — поспѣшилъ отвѣтить молодой симпатичный французъ. Но вѣдь и языкъ Толстого, Достоевскаго и Тургенева не можетъ быть немзыкаленъ. Слова Александра III и его Августѣйшаго Преемника, слова, закрѣплявшія миръ Европѣ, не могли быть негармоничны. За русскій языкъ! За русскую литературу!

По залу прокатилось: «Vive la Russie!», «Vive la littérature russe!»

— «Теперь уже прошу извиненія,—началъ я снова,—прошу извинить меня за многорѣчивость. Я не кончилъ своей рѣчи, а мнѣ такъ бы хотѣлось высказаться»...

Вдругъ голосъ мой дрогнулъ, я пріостановился, невольнымъ движеніемъ прижалъ лѣвую руку къ сердцу и почувствовалъ, какъ внезапно набѣжала на рѣсницы слеза. Мнѣ было непріятно ощутить эту слабость, но я не могъ не замѣтить, что мой душевный порывъ лучше всякихъ красивыхъ словъ вдругъ нашелъ откликъ среди совершенно смолкнувшихъ слушателей.

— «Милые друзья, дорогіе собратья! Вашъ несравненный французскій языкъ не мало принесъ горя Россіи. Вы думаете, что я шучу или хочу уколоть? Нѣтъ, я говорю серьезно и я далеко отъ мысли сдѣлать гостямъ непріятность.

Я хочу быть съ вами вполне откровеннымъ, «душа на распашку», какъ говорится у насъ по-русски. Теперь, благодаря Бога, времена измѣнились; но вѣдь еще сравнительно недавно въ русскихъ, не только свѣтскихъ гостиныхъ, но и въ дѣловыхъ высшихъ и даже среднихъ сферахъ французскій языкъ былъ почти обязательнъ. Безъ знанія его была закрыта дорога самымъ выдающимся по способностямъ людямъ и они кончали карьеру на полъ-дорогѣ, лишенные возможности развернуть во всей красѣ Богомъ данные таланты, а ихъ у насъ, какъ и вездѣ, немного. При такихъ условіяхъ понятно, что многіе русскіе не особенно дружелюбно посматривали на законодательницу моднаго языка, на Францію. Представьте себѣ, господа, если бы Гамбетта долженъ былъ въ своихъ частныхъ бесѣдахъ съ министрами и выдающимися членами палаты вести разговоръ на русскомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ! Недалеко бы онъ ушелъ! Вы смѣетесь! А у насъ нѣчто подобное было еще недавно... А кто могъ изучить практически иностранный языкъ? Въ учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и корпусахъ, хотя и преподають ихъ, но еще не встрѣчалось мнѣ видѣть такого феномена, который, вдохновившись гимназическими уроками, заговорилъ бы на языкѣ Мюссе и Коппе такъ же, какъ и ваши *collégiens* врядъ ли болтають по-гречески. Овладевали языкомъ только

тѣ, у кого съ ранняго дѣтства были иностранки-няни и гувернеры. Не знаю, былъ ли у Гамбетты гувернеръ-иностранецъ? Думаю, что нѣтъ — и слава Богу, такъ какъ онъ съ дѣтства воспринялъ и проникся чисто французскими идеями...

«Вы, милые друзья, не смущайтесь отъ того, что ваши собесѣдники плохо говорятъ по-французски. Повѣрьте, что тѣ бывые русскіе, которые, по близорукости ихъ воспитанія, привыкли съ дѣтства даже думать по-французски, были менѣе надежные друзья ваши, чѣмъ мы, объясняющіеся на ломаномъ нарѣчіи. Многіе изъ нихъ, исторія насъ этому наставительно поучаетъ, получивъ иностранное воспитаніе, не могли проникнуться истинной любовью къ своему родному и по взглядамъ своимъ дѣлались космополитами; для нихъ русская жизнь и русская литература — было нѣчто постороннее и даже дикое... Охъ, господа, плохая надежда на такихъ беспочвенныхъ друзей и не въ нихъ сила! Конечно, и среди получившихъ иностранное воспитаніе являлись счастливыя исключенія, обусловленные здоровыми національными традиціями особо удачливыхъ семействъ. Но не о нихъ рѣчь.

Въ настоящее время все измѣнилось къ лучшему и русскія дѣти сначала воспитываются на отечественномъ языкѣ; изученіемъ иностранныхъ языковъ не пренебрегаютъ, но дѣлается

это въ предѣлахъ возможнаго и въ русскомъ обществѣ для обмѣна мыслей существуетъ своя родная рѣчь. Постоянное любовное общеніе съ отечественнымъ языкомъ «высшаго», въ массѣ очень культурнаго и эстетически развитою общества, даетъ благодѣтельный толчокъ къ дальнѣйшему пышному расцвѣту нашей литературы.

«Я увѣренъ, что вы оцѣните стремленіе людей, собственнымъ трудомъ добивающихся изучить французскій языкъ, чтобы насладиться вашей чудной литературой, чтобы имѣть возможность обмѣняться мыслями съ зарубежными искренними своими друзьями. Вы не будете подсмѣиваться надъ ихъ неудачными оборотами рѣчи, надъ несовсѣмъ чистымъ произношеніемъ. Убѣжденный въ этомъ, я и рѣшился высказаться въ вашей средѣ и, поднявъ бокалъ, громко воскликнуть: да здравствуютъ и процвѣтаютъ въ каждой странѣ отечественный языкъ, оплотъ и богатство національности!»

Въ отвѣтъ на мой тостъ загудѣли голоса, задвигались стулья и грянула музыка. Бокалъ задрожалъ въ моихъ рукахъ, я звонко чокнулся съ нѣсколькими сосѣдями, кто-то меня поцѣловалъ, наконецъ я не выдержалъ и, совсѣмъ разбитый и усталый, опустился на стулъ. Въ эту минуту въ душную залу ворвалась струя свѣжаго воздуха, а звонъ бокаловъ съ оглушительной силой раздался надъ моимъ ухомъ и я...

проснулся. Поѣздъ стоялъ въ Твери, станціонный сторожъ давалъ уже третій звонокъ...

Въ вагонѣ прибавилось двое пассажировъ, видимо мужъ съ женой. Они стояли у открытаго окна и шумно прощались съ провожавшей ихъ компаніей. Ахъ, вотъ откуда долетѣлъ до меня поцѣлуй...

Въ Москвѣ дневка.

Длинная и непроглядная дорога ведетъ изъ центра Москвы въ замоскворѣцкое сокровище — галерею братьевъ Третьяковыхъ. Приходится трястись по немилосердной ухабистой мостовой, переѣзжать узкіе, запруженные ломовиками мосты, перекинутые черезъ грязноводныя пространства и по невзрачной набережной и узкому переулку наконецъ достигать до цѣли.

Значеніе Третьяковской художественной галереи, какъ лучшаго собранія образцовъ русской школы, по-истинѣ громадное. Уѣхать изъ Москвы и не посмотреть этотъ музей — просто грѣшно и въ посѣтителяхъ здѣсь недостатка нѣтъ; однако, несомнѣнно, ихъ было бы еще значительно болѣе, если бы галерея помѣщалась въ центрѣ города. Я лично не сторонникъ централизаціи во что бы то ни стало художественныхъ богатствъ въ одинъ грандіозный музей. Мнѣ жалко видѣть, когда, въ интересахъ будто бы высшаго порядка, оголяютъ историческіе барскіе дома отъ картинъ

и мрамора и переносятъ ихъ для общаго пользованія въ музеи; я не могу помириться съ расхищеніемъ для тѣхъ же цѣлей изъ храмовъ церковной утвари, образовъ, даже вратъ и иконостасовъ. Англичане въ этомъ отношеніи явились особенными мастерами и въ свой Лондонскій музей, какъ вороны въ гнѣздо, стащили все, что было возможно захватить; перевозили въ музей не только картины и статуи, но и цѣлыя части зданій, хотя бы отъ этого пострадали такіе остатки древне-греческаго зодчества, какъ аѳинскій Парѳенонъ...

Чѣмъ болѣе разсыпано по государству частныхъ и общественныхъ художественныхъ хранилищъ, тѣмъ болѣе это указываетъ на дѣйствительное процвѣтаніе изящныхъ искусствъ и на силу запроса на подобныя произведенія. Въ странѣ истинно художественной, въ Италіи, каждый городокъ имѣетъ свою горячо хранимую историческую реликвию, работу истиннаго мастера. И это не объѣдки отъ большихъ музеевъ и не копіи, нѣтъ... Кому придетъ въ голову взять «Моисея» Микель Анджело изъ приходской церкви и перенести въ Ватиканъ? У насъ же есть партія ревнителей искусства, которая была бы въ полномъ восторгѣ, если бы могла въ какое-нибудь одно зданіе собрать все сколько-нибудь интересное изъ сдѣланнаго русскими художниками. Что имъ до того, что историческія зданія, лишаясь

этихъ внутреннихъ художественныхъ украшеній и замѣняя ихъ посредственностями и копіями, такъ же, если не болѣе, уродуются, какъ если бы изящное платье красавицы перемѣнить на пестрый, безвкусный костюмъ! Что имъ за дѣло, что сами картины и мраморы, въ представленіи художественно-развитыхъ людей, приросли къ стѣнамъ и поламъ своихъ старыхъ домовъ, слились съ ними, сдѣлались однимъ цѣлымъ!

Итакъ, я врагъ разрушенія исторически установившихся хранилищъ и увѣренъ, что задача большихъ музеевъ собирать изъ стараго то, что находится не въ надежныхъ или иноземныхъ рукахъ, а главнымъ образомъ открывать гостепріимно двери для выдающихся произведеній современныхъ талантовъ и тѣмъ ихъ поддерживать и окрылять.

Все это, однако, не мѣшаетъ мнѣ сказать, что желательно было бы, въ виду исключительнаго значенія Третьяковской галереи и недавняго еще, сравнительно, ея существованія, перемѣстить ее въ центръ города. Помнится, и самъ пожизненный владѣлецъ поднималъ вопросъ о постройкѣ городомъ зданія для верещагинской коллекціи. Румянцевскій и Историческій музеи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень бѣдныя учрежденія, несмотря на ихъ внушительную внѣшность. Первый представляетъ собою великолѣпный, но очень запущенный барскій домъ, въ которомъ какъ-то

сиротливо приютилась небольшая художественная галерея рядомъ съ богатой, какъ говорятъ, библіотекой и собраніемъ историческихъ рукописей и гравюръ, а также антропологическимъ отдѣломъ. «Историческій» музей—монументальное, новое еще зданіе съ громадными, пустоватыми залами, такъ и вопіетъ къ пополненію его коллекцій.

И Третьяковская галерея, и Историческій и Румянцевскій музеи — всѣ три учрежденія создались на нашихъ глазахъ и коллекціи, въ нихъ хранящіяся, не сдѣлались еще историческимъ достояніемъ этихъ именно зданій. Вотъ поэтому, казалось, и безъ нарушенія не установившихся еще традицій, можно было бы изъ Румянцевскаго музея все, не имѣющее отношенія къ художественной галереѣ, передать въ бѣдный Историческій музей, а взамѣнъ этихъ коллекцій въ бывшее палаццо Пашкова перенести третьяковскія художественныя сокровища.

Вѣроятно, министерство народнаго просвѣщенія, въ интересахъ искусства и въ виду освобожденія отъ расходовъ на содержаніе администраціи обширнаго помѣщенія, уступило бы зданіе Румянцевскаго музея въ пользованіе московскаго городского управленія, которое озаботилось бы, надо полагать, капитальнымъ ремонтомъ. При подобной перестановкѣ и обновленіи зданія Первопрестольная обладала бы дѣйствительно замѣ-

чательнымъ музеемъ, который составилъ бы славу и гордость столицы.

Такія мысли охватили меня, когда я бѣгалъ по Москвѣ, любовался иными ея уголками и возмущался, глядя на другіе.

Ну, можетъ ли развиться сколько-нибудь нормально слухъ у москвичей?! Теперь мнѣ понятна немзыкальность здѣшнихъ обывателей. Вѣдь стукъ и грохотъ по узкимъ улицамъ прямо поразительны. Это уже не шумъ, а просто членовредительство какое-то... И какъ москвичи ухитряются спозаранку засыпать!? Я только къ утру и то отъ изнеможенія забывался беспокойнымъ сномъ. Впрочемъ, у московскихъ баръ и купцовъ есть, «на предметъ спокойствія», глухіе переулки.

Другое, что непріятно поражаетъ петербуржца, это отсутствіе настоящей воды въ той выемкѣ, которая именуется русломъ Москвы-рѣки. Плещется на доньникѣ подъ мостомъ какое-то сусло. А вѣдь по веснѣ, говорятъ, вода идетъ грандіознымъ валомъ и затопляетъ окрестные околотки. До сихъ поръ мы смотримъ на половодье, какъ на Божью кару, а не на манну небесную. Сколько бы можно было въ весенній періодъ перехватить излишка воды въ искусственный резервуаръ, а потомъ въ теченіе всего лѣта съ помощью шлюзовъ поддерживать въ районѣ города обиль-

ную воду; тогда Москва-рѣка служила бы украшеніемъ, а не пятномъ города.

Одинъ мой знакомый такъ извѣрился въ водосостоятельность Москвы-рѣки, что совѣтуетъ отвести ее совсѣмъ отъ города... Прорыть-де надо, по его мнѣнію, каналъ отъ Тюфилевой роши и Даниловской слободы къ Андреевской слободѣ, а всю длинную луку рѣки, входящую теперь въ городъ, засыпать и устроить паркъ... По его мнѣнію, рѣки для современныхъ городовъ чистѣйшій ядъ, такъ какъ невольно являются русломъ всякой нечисти, которую иначе выволокли бы за городъ болѣе усовершенствованными способами. Можетъ быть оно и такъ...

Нельзя не рекомендовать Москвѣ теперь же отказаться отъ тѣхъ способовъ, которые примѣняются нынѣ по ея ассенизаціи, о чемъ особенно вѣскія показанія могутъ дать дачные желѣзнодорожные пассажиры, имѣющіе несчастье часто переѣзжать городскую черту.

Изъ Москвы я направился далѣе на югъ, въ сердце Малороссіи. 25 лѣтъ не видѣлъ я Полтавы и съ тѣхъ поръ она мало измѣнилась. На желѣзнодорожной платформѣ говорили по-русски, но слышалось малороссійское произношеніе. Симпатичный «батюшка» приглашалъ свою супругу поторопиться занять мѣсто «у вагонѣ». Полная

дама съ ридикиюлемъ разсказывала другой «со-скучившейся за ней», что она «вивчилась» дѣ-латъ варенье изъ арбузной корки...

Въ общемъ, однако, и въ Харьковѣ, и по же-лѣзной дорогѣ до Полтавы малороссійскій говоръ видимо отступаетъ передъ натискомъ языка школы, литературы, суда и администраціи. Для всего русскаго племени выработался общій ли-тературный языкъ, выработался путемъ долгой работы, въ которой участвовали и хохлы, и ве-ликоруссы, и бѣлоруссы. Выработался языкъ, при существованіи котораго нѣтъ нужды прибѣгать въ печати къ провинціальнымъ нарѣчіямъ. Одна-ко за послѣднее время созданъ цѣлый малорос-сійскій театръ изъ своеобразныхъ, рискованныхъ въ художественномъ отношеніи пьесъ. Музыкаль-ный малороссійскій говоръ, конечно, большое богатство и имъ слѣдуетъ пользоваться для по-полненія и развитія установившагося литератур-наго языка, а не силиться создать обособленную литературу. Въ единеніи — сила. Зачѣмъ разби-ваться?! Жалко, что недюжинные сценическіе та-ланты гложутъ въ тѣсныхъ клѣткахъ спеціально малороссійскаго репертуара.

Впрочемъ, нельзя и запрещать такія невинныя упражненія.

Отъ вокзала, отодвинувшагося по установив-шейся инженерной привычкѣ отъ города за рѣку, открывается красивый видъ на ту часть Полта-

вы, которая раскинулась по скатамъ горы, густо заросшей садами-рощицами. Переѣхавъ въ парномъ «фаэтонѣ» по немудрому мосту черезъ Ворсклу, «ричку - невеличку», я сразу попалъ въ давно знакомую обстановку. Смуглыя лица, волы, запахъ дегтя, крикливые голоса «перекупокъ», горы арбузовъ, съезжившаяся сухая тарань, гирлянды стручковаго перцу и луковицъ, еврейскія фізіономіи, помѣщичья бричка съ плохо пригнанной упряжью на разношерстныхъ коняхъ, и все это окутано толстой пеленой черноземной пыли.

Городъ въ двадцать пять лѣтъ не выросъ вверхъ, а нѣсколько расползся въ ширь, растолстѣлъ, но съ годами постарѣлъ, потерялъ живость и облысѣлъ. Въ самомъ центрѣ города ярмарочные ряды, когда-то клокотавшіе оживленіемъ, выглядятъ теперь заброшеннымъ пустыремъ. Ярмарка, точно молодость, побаловала, побаловала и отлетѣла отъ Полтавы, унося съ собою бывшее торговое оживленіе, шумъ и веселье.

Украшеніемъ города продолжаютъ служить казенныя зданія еще николаевскихъ временъ. Наиболѣе видныя изъ нихъ обступили кольцомъ улицу, обрамляющую большой, къ сожалѣнію, плохо содержимый, бывшій корпусный, нынѣ городской садъ. Сюда, въ этотъ кругъ впадаютъ главныя городскія артеріи. Наши россійскіе города не избалованы обиліемъ растительности, но въ

этомъ отношеніи Полтаву нельзя упрекнуть. Помимо центрального сада, есть еще громадный, тѣнистый, старый городской садъ, нѣсколько бульваровъ и цѣлый лѣсъ частныхъ садиговъ. Бульвары, очень малая ѣзда и рогатки, которыми отдѣлены незамощенные части улицъ, избавляютъ центръ города отъ чрезмѣрной пыли; на окраинахъ же можно отъ нея свободно задохнуться.

Съ одной стороны отсутствіе комфорта, а съ другой—наше рабское влеченіе за границу мѣшаютъ до сихъ поръ Полтавской губерніи войти въ составъ мѣстностей, особенно рекомендуемыхъ для дачнаго пребыванія. Чудная весна, теплое, безъ рѣзкаго колебанія температуры, лѣто и мягкая осень даютъ возможность набраться силъ людямъ съ истощеннымъ организмомъ и слабыми легкими.

Самая мѣстность, несмотря на отсутствіе горъ, очень привлекательна. Какая, напримѣръ, поразительная понорама открывается на десятки верстъ съ такъ называемаго «раската», холма за полтавскимъ соборомъ! И такихъ пунктовъ по губерніи многое множество. А, впрочемъ, есть ли такой уголокъ на земномъ шарѣ, который, при извѣстномъ настроеніи духа и удачномъ освѣщеніи, не могъ бы назваться красивымъ?!..

Тихо и сонно живетъ хохлацкая столица... Тихо и сонно во всей области... Отъ Полтавы по

балкамъ и берегамъ тихихъ рѣчекъ расползлись непрерывной цѣпью бѣленькія, отороченныя зеленымъ вишнякомъ, мазанки, кое-гдѣ сбившіяся въ села и мѣстечки. Ласково грѣетъ солнце тучный когда-то черноземъ, но почва отошала и не радуется небесное свѣтило своими урожаями. Чрезвычайно раздробленные крестьянскіе надѣлы при старинныхъ способахъ обработки не въ состояніи до-сыта накормить крестьянина.

Помѣщичьи хозяйства мѣстныхъ «полупанковъ» также въ горестномъ состояніи и врядъ ли въ состояніи еще долго продержаться, не перейдя на болѣе цѣлесообразную систему пользованія землей. Въ Полтавской губерніи *) насчитывается теперь 10,369 отдѣльныхъ дворянскихъ хозяйствъ, владѣющихъ въ общемъ 1.352,953 десятинъ земли. Свыше шести тысячъ дворянскихъ имѣній представляющихъ собой клочки площадью отъ одной до пятидесяти десятинъ. Здѣшнее дворянство, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, является главнымъ, такъ сказать, «податнымъ сословіемъ земельныхъ банковъ», которымъ ежегодно уплачиваетъ около трехъ милліоновъ рублей.

Въ поискахъ за насущнымъ хлѣбомъ бѣгутъ отсюда хлѣборобы въ холодную Сибирь, на Алтай, на Амуръ, въ киргизскія степи, на Кавказъ, на

*) «Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства» на 1897 годъ.

Донъ, въ Крымъ и Новороссію. Въ теченіе, на-
примѣръ, 1896 года *) изъ губерніи выселилось
33,567 человѣкъ. Оставляютъ милую родину и
мужики, оставляютъ ее и паны. И тѣ, и другіе не
умѣютъ добыть себѣ на мѣстѣ средства къ суще-
ствованію и «утикаютъ» за жалованьемъ на сѣ-
веръ и за черной работой на востокъ и югъ.

Масса ребятъ вымерла нѣсколько лѣтъ назадъ
отъ долгое время свирѣпствовавшего здѣсь дифте-
рита; много парубковъ и дѣвушекъ привезли съ
далекихъ сахарныхъ заводовъ и южныхъ табач-
ныхъ плантацій другую растлѣвающую и губя-
щую населеніе болѣзнь...

При благодатномъ климатѣ, плодороднѣйшей
почвѣ и обиліи рукъ — бѣдность повсюду; истин-
ной зажиточности не видно. Кромѣ переселенцевъ,
отхожихъ косарей, зерна, скота, губернія не даетъ
на міровой рынокъ ничего и сама не доѣдаетъ.
Здѣсь встрѣчаются хутора бывшихъ помѣщи-
чьихъ крестьянъ, гдѣ на шесть-семь хатъ едва
приходится по одной коровѣ, и бѣдная дѣтворѣ
кромѣ материнскаго молока не знаетъ никакого
другого. Обрабатывающая промышленность выра-
жается здѣсь лишь въ видѣ мельницъ да вино-
курныхъ заводовъ.

Переселенія и болѣзни понизили приростъ на-
селенія до 0,7⁰/о: такъ въ 1896 году народонасе-

*) Тамъ же.

леніе губерніи увеличилось всего на 22,194 *) души. Все народонаселеніе губерніи считали по даннымъ губернскаго статистическаго комитета около 3.200,000, по предварительному же подсчету послѣдней всеобщей переписи оказалось лишь около 2.800,000. Такая крупная разница объясняется несовершенствомъ регистраціи по метрическимъ книгамъ и тѣмъ, что не принималась въ расчетъ эмиграція.

Много непригляднаго, много тяжелаго лежитъ на этомъ миломъ краѣ, но все-таки люди и здѣсь живутъ, кормятся исключительно одной землей и населеніе не вымираетъ, а достигло почти трехъ милліоновъ. Вѣдь это цѣлое государство!..

Какъ же удовлетворяются духовные, умственные запросы этого края? Какъ и вездѣ на Руси, главный источникъ нравственной силы народная масса получаетъ въ церкви. Къ алтарю Вседержителя приносятъ свое горе прихожанинъ, очерпаетъ силы для новой борьбы за существованіе и съ пламенной вѣрой молить о будущей жизни. Церковная служба для народа наслажденіе и безъ нея праздникъ не въ праздникъ.

Духовенство въ Малороссіи съ стародавнихъ временъ было поставлено къ населенію въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ въ Великороссіи. Во-первыхъ, образованіе ранѣе проникло изъ Кіева

*) Тамъ же.

въ среду южно-русскаго духовенства и затѣмъ политическія невзгоды, тяготѣвшія надъ краемъ, заставляли малороссовъ крѣпче держаться общенія съ церковью, единственнымъ въ то время покровомъ русской національности. Какъ примѣръ почтительнаго отношенія къ духовенству, можно указать, что въ различныхъ шутивыхъ простонародныхъ разсказахъ мнѣ не случалось слышать насмѣшливаго отношенія къ «батюшкѣ», что такъ распространено на Сѣверѣ.

Начальныхъ школъ по абсолютному числу не мало: ихъ насчитывается общественно-земскихъ 760 съ 62,500 учениками и ученицами и церковно-приходскихъ — 367 съ 29,500 учащимися дѣтьми *). Если бы ежегодно одному способнѣйшему изъ ста человѣкъ кончающихъ сельскую школу дана была правительствомъ матеріальная возможность пройти среднюю и высшую школы! Вѣроятно нашлись бы между ними талантливыя головы, способные работники, которые сторицею бы отплатили государству за свое воспитаніе.

Какіе результаты школы эти дадутъ, будетъ видно впереди, а пока среди полтавскихъ рекрутъ 65⁰/о неграмотныхъ, слѣдовательно еще нужно много усилій для просвѣтленія темной, невѣжественной народной массы. На три милліона населенія открыто всего три классическихъ гимна-

*) Тамъ же.

зіи и три реальныхъ училища. Кромѣ одной элементарной школы садоводства и Гоголевской профессиональной школы, кажется, нѣтъ ни одного учебнаго заведенія, которое давало бы своимъ питомцамъ подготовку для борьбы съ агрономической и фабричною косностью края.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерніи—въ 1896 году насчитывалось всего учениковъ 3,460 и ученицъ 2,810. Окончило же курсъ дѣвицъ 250, а юношей всего 200. — Жалко и не кончившихъ курсъ молодыхъ людей, жалко и барышень, которыя безусловно не могутъ найти себѣ соотвѣтственнаго числа образованныхъ жениховъ... Сыновья мѣстныхъ, въ большинствѣ случаевъ небогатыхъ, пановъ перебиваются въ большіе университетскіе центры; тамъ они голодаютъ, озлобляются, отвыкаютъ отъ родины и родичей, стремятся въ столицы на службу и, не принеся непосредственной пользы своему краю, кончаютъ обыкновенно существованіе подъ пасмурнымъ не украинскимъ небомъ. Это горе, конечно, не только мѣстное полтавское, но и почти всероссійское. Большинство губерній вмѣстѣ съ другимъ сырымъ матеріаломъ вывозитъ и живой сырой товаръ, учащихся юношей, которые уже послѣ столичной обработки превращаются или въ разнаго рода совѣтниковъ, военныхъ, инженеровъ, судей или лицъ свободныхъ профессій. Безъ жертвы современному Минотавру, столич-

ной централизаціи, обойтись нельзя, но заботливые родители слишком ужъ усердно толкають своихъ дѣтей на торную дорогу призрачнаго успѣха... Въ результатѣ мѣстныя нужды не удовлетворены, въ краѣ въ видѣ интеллигентныхъ работниковъ остались или неудачники, или случайно службою и судьбою сюда заброшенные лица.

Для родителей главнымъ извиненіемъ выдворенія дѣтей служить невозможность дать своимъ отпрыскамъ на мѣстѣ высшее образованіе. Съ одной стороны погоня за нимъ у насъ слишкомъ велика, при чемъ не сообразуются ни со средствами, ни съ индивидуальными способностями молодыхъ людей; а съ другой—дѣйствительно высшія учебныя заведенія непомѣрно централизованы. Было бы большою благодатью для всѣхъ, если бы возможно было разсыпать высшія и среднія школы по возможности равномернѣе по странѣ, не сгущать ихъ въ немногихъ центрахъ. Это удорожитъ ихъ содержаніе и осложнитъ вопросъ пополненія преподавательскаго персонала, но дастъ такія нравственныя и матеріальныя преимущества для молодежи и такъ будетъ способствовать мѣстному развитію, что выгоды, несомнѣнно, покроютъ съ избыткомъ отрицательныя стороны децентрализаціи. При этомъ, конечно, приходится считаться и съ политической стороной вопроса, вслѣдствіе чего необходимо из-

бѣгать устраивать высшія учебныя заведенія на инородныхъ окраинахъ.

Хотѣлось бы видѣть въ центрѣ такой многочисленной чисто русской губерніи, какъ Полтавская, свой мѣстный интеллектуальный свѣточъ, хотя бы въ видѣ высшей агрономической школы. Такое заведеніе, при правильной его постановкѣ, стало бы постепенно распространять вкругъ себя истинный свѣтъ просвѣщенія и благотворно дѣйствовать на весь край. Можетъ быть, при существованіи высшей агрономической школы въ Полтавѣ и при наличности другихъ благопріятныхъ условій, губернія обратилась бы въ обширный садъ, на что она можетъ по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ вполне рассчитывать.

При мысли о среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невольно зарождается вопросъ: кто же въ нихъ получаетъ образованіе? Конечно, главнымъ образомъ, русскіе. Но осталъная часть учащихся соотвѣтствуетъ ли по количеству процентному отношенію инородцевъ къ православному населенію? Когда-то Малороссія терпѣла отъ азіатскихъ кочевниковъ, отъ крымскихъ татаръ и отъ поляковъ; теперь этотъ край подпалъ подъ экономическое бремя евреевъ, пустившихъ повсюду ростки своего мірового могущества. Области, населенныя малороссами, являются совер-

шенно іудейской обѣтованной землей, въ которую вкраплены польскіе паны, нѣмецкіе колонисты и заграничные предприниматели.

Книжное, формальное отношеніе къ полной политической равноправности всѣхъ повлекло бы къ тому, что болѣе подготовленные къ жизненной борьбѣ евреи и другіе иноплеменники въ скоромъ времени оттѣснили бы русскихъ по всей линіи на задній планъ. Конечно, поляки не удержались бы въ послѣдствіи отъ натиска нѣмцевъ и въ концѣ концовъ надъ тѣми и другими восторжествовалъ бы еврей. Благодаря Богу, наше правительство время отъ времени старается осадить насильниковъ, захватывающихъ все, что есть лакомого въ Россіи. Научныя познанія и въ особенности школьные дипломы, открывающіе двери къ дальнѣйшему благосостоянію, являются большою приманкой для инородныхъ элементовъ, всемѣрно стремящихся запасть ими. Препрадой для нихъ ставится распоряженіе о допускѣ въ заведенія евреевъ, а иногда и другихъ инородцевъ, лишь въ извѣстномъ процентѣ относительно общаго числа учащихся. Однако, несмотря на это, извѣстны намъ случаи еврейскаго заповѣненія школъ. Напримѣръ, въ бытность въ 80-хъ годахъ І. В. Гурко генералъ-губернаторомъ въ Одессѣ, имъ было обращено вниманіе на одну классическую гимназію, въ которой евреевъ было болѣе 80-ти процентовъ!.. Вообще евреи отличаются за-

мѣчательною способностью испрашивать себѣ незамѣтно, по-одиначкѣ, облегченія, которыя и ведутъ къ тому, что процентныя правила совершенно расходятся съ дѣйствительностью. За примѣромъ ходить недалеко. Осенью 1898 г. въ Одесскій университетъ разрѣшено было принять внѣ нормы около 80 евреевъ...

Преслѣдованіе отвлеченныхъ идей кажущейся равноправности и, вслѣдствіе этого, личныя, одиночныя исключенія «несчастливымъ и забитымъ» инородцамъ ведетъ къ тому, что русскій сѣрый гражданинъ въ потѣ лица трудится для доставленія средствъ къ воспитанію и образованію чуждыхъ ему инородцевъ, трудится къ доставленію имъ лучшихъ способовъ для эксплуатированія насъ же, русскихъ,—прости Господи,—простофиль...—«Хорошева камерція!»—сказалъ бы еврей и въ своемъ израильскомъ царствѣ, конечно, не допустилъ бы гоевъ до пользованія іудейскими благами.

Эти мысли я высказалъ своему спутнику, большому противнику иноплеменнаго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла.

— Я—сѣверянинъ и евреевъ знаю мало,—заговорилъ онъ, —они у насъ только начинаютъ свою работу. А вотъ сколько нашему брату достается отъ нѣмца и поляка! Отецъ разорился изъ-за нѣмца управляющаго, сынъ котораго теперь большой господинъ. Въ правленіи, гдѣ я

служилъ, директоръ-нѣмецъ давалъ дорогу лишь своимъ. Перешелъ на службу въ другое правленіе — и здѣсь не слаще; все наше учрежденіе, сами вы знаете, переполнено поляками, а слѣдовательно нашъ братъ русскій здѣсь играетъ подчиненную роль.

— Сознайтесь однако, батюшка, говорю я ему, — что вѣдь не все же помогаетъ одна протекція: есть, видимо, и положительныя стороны за вашими недругами.

— Несомнѣнно есть. Я не спорю. Такъ вѣдь если на то дѣло пошло, то весь нашъ служебный персоналъ можетъ быть замѣненъ болѣе развитыми и образованными иностранцами; тамъ, за границей, этихъ инструкторовъ не мало. Вывозятъ же ихъ въ Турцію, Персію, Египетъ, Китай, — отчего и къ намъ не выписать?.. Да вѣдь обидно, голубчикъ, когда видишь, что въ семьѣ пригрѣтъ пришелецъ, а собственный ребенокъ скитается въ рубищѣ и нуждается въ хлѣбѣ насущномъ. Дайте намъ время за умъ взяться и пока обороните отъ захвата, а то инородецъ силу возьметъ и отъ него ничѣмъ не избавишься. Вотъ я вчера читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1897 г., 11-го сентября) поучительную справку, сдѣланную М. Н. Катковымъ тридцать лѣтъ назадъ. По даннымъ Михаила Никифоровича выходило, что въ то время, какъ во всей Россіи, за исключеніемъ Финляндіи и Царства Польскаго,

дворянъ обоого пола насчитывалось всего 232 тыс., въ девяти западныхъ польскихъ губерніяхъ шляхта выросла до 377 тыс!.. Понимаете ли? Это только въ девяти губерніяхъ, а сколько поляковъ-дворянъ въ Юго-Западномъ краѣ, да и вообще въ Россіи масса иноплеменнаго дворянства,—глядишь, чисто русскихъ очистится не болѣе 100 тысячъ. Такъ посудите же вы сами, сколько первые, пользуясь привилегированнымъ положеніемъ, предпочтительно передъ сѣрою массой, съѣли русскаго добра въ видѣ казенныхъ пироговъ, русскихъ невѣстъ-дворянокъ, и т. п. Сколько завоеватели-русскіе натерпѣлись отъ покоренныхъ дворянъ иноплеменниковъ, которые являлись и крѣпостниками-господами и управителями!.. Непомѣрное количество польской шляхты Михаилъ Никифоровичъ объяснялъ фабрикаціей фальшивыхъ дворянскихъ документовъ, и правительство наше тогда обратило вниманіе на пресѣченіе этого зла. Тысячи экзотическихъ дворянъ уже пользовались, однако, своими правами, а ихъ потомки теперь, вѣроятно, доросли по количеству до болѣе солидныхъ цифръ и съ пренебреженіемъ глядятъ на русское простонародье.

Теперь возбужденъ вопросъ о поддержаніи дворянства; надо надѣяться, что льготы будутъ предоставлены лишь русскимъ помѣщикамъ, какъ вѣрнѣйшему оплоту національной самобытности. Единственное у насъ вѣрное національное знамя

и вѣрнѣйшее отличіе—это православіе и русскій языкъ. Хочешь слиться и сродниться искренно съ пригрѣвшею тебя страной—воспитывай тогда дѣтей въ истинно русскомъ духѣ, а слѣдовательно и въ православіи. Я знаю такіе примѣры въ чисто лютеранскихъ семьяхъ, и дѣти выходили истинно русскими. Смѣшанные браки также мнѣ по сердцу въ этомъ отношеніи я радуюсь не только за приливъ къ намъ польской и нѣмецкой, но даже еврейской крови, которая придаетъ потомкамъ духъ предприимчивости и настойчивости.

Я не человѣконенавистникъ, людей я люблю и въ личныхъ отношеніяхъ для меня нѣтъ инородцевъ. Но когда вопросъ касается самыхъ животрепещущихъ интересовъ Россіи, нельзя равнодушно относиться къ попранію здоровой равноправности во имя міражныхъ идей. Нельзя претендовать на существованіе полицейскихъ правилъ для ѣзды экипажей по городу: дай полную волю возницамъ, и тогда пѣшеходамъ пришлось бы выжидать часами на перекресткахъ или валяться подъ колесами. Именно во имя равноправности нужно охранять слабыхъ и поддерживать немощныхъ. Я не проповѣдую Варфоломеевскую ночь,—нѣтъ, пускай себѣ во здравіе каждый молится Богу по-своему; всякая религія, въ основу которой заложены нравственные принципы, должна пользоваться уваженіемъ и почитаніемъ; пускай также каждый говоритъ

на любомъ ему языкѣ. Но нельзя допустить мысли о томъ, что Россія есть федерація нѣсколькихъ національностей; подобное признаніе равносильно было бы смертному приговору для русскаго народа, путемъ страшныхъ усилій создавшаго громадное государство, конечно, не на чужую потребу, а на свою.

Государство въ свою очередь для обереганія своихъ созидателей не можетъ допускать постороннихъ хозяевъ, чужихъ людей, къ орудованію самыми существенными проявленіями государственной жизни. Не говоря уже о судѣ, общей администраціи, школѣ и арміи, но и всѣ многоразличныя кредитныя и страховыя операціи, пути сообщенія, хлѣбъ, сахаръ и такія наркотическія средства, какъ вино и табакъ, должны быть всецѣло въ рукахъ правительства, которое для орудованія этихъ предпріятій въ составѣ своихъ агентовъ должно принимать чисто русскія силы, предоставивъ инороднымъ элементамъ лишь незначительный процентъ.

Хорошо проповѣдывать о полной равноправности, на примѣръ, англичанамъ. Они смѣло могутъ позволить себѣ роскошь проводить прописные гуманные принципы въ жизнь. Никто англичанъ ни онѣмечить, ни ожишовить; промышленная и коммерческая конкуренція имъ тоже не страшна. Они давно получили атестатъ политической зрѣлости, а нашъ народъ все еще обрѣтается въ

младенчествѣ, и грѣхъ было бы оставить его на произволъ и разграбленіе болѣе энергичныхъ и приспособленныхъ къ борьбѣ народностей.

Мы долго ходили по мирно дремлющей Полтавѣ и, со свойственной русскимъ людямъ манерой раскидываться, толковали о всякихъ злобахъ нашей эпохи.

На Александровской улицѣ, мѣстномъ Невскомъ проспектѣ, намъ загородила дорогу группа евреевъ, безцеремонно занявшихъ весь тротуаръ. Оживленная ихъ бесѣда на собственномъ жаргонѣ перемѣшивалась выкриками: «Кременчугъ... Харьковъ... Кременчугъ!.. у Одессы... Харьковъ!.. хай ему чортъ!» Вѣроятно, это была маленькая биржа, на которой рѣшалась дневная судьба мѣстнаго рынка.

— Да, мечтайте, мечтайте, а дѣйствительность колеть глаза, «смѣется съ васъ», какъ говорятъ въ Полтавѣ. Подождемъ, увидимъ, а пока пора «у вагонъ», во-свояси, на сѣверъ.

Октябрь 1897 г.

Въ Старой Финляндіи.

Письма съ Иматры.

I.

Теперь уже рѣдко кто знаетъ, что въ началѣ этого столѣтія Старою Финляндіей именовались бывшія Кексгольмская и Выборгская губерніи, завоеванныя Петромъ Великимъ и Елисаветою Петровною.

Въ Старой Финляндіи, въ Кореліи, есть большая приманка—Иматра. Я зналъ, что въ холодной и скучной Финляндіи много воды—40°/о всей поверхности покрыты ею, зналъ, что эти воды, не умѣщаясь въ своихъ гранитныхъ чашахъ, сливаются въ море сильными потоками, которые, встрѣчая по пути препятствія, налетаютъ на

нихъ и сбрасываются съ страшной стремительностью. Я читалъ громадный списокъ, около тысячи именъ финляндскихъ пороговъ, водосливовъ и водопадовъ, среди которыхъ выдѣлялись такіе гиганты, какъ Пюхякоски (242 т. лош. силъ), Нискокоски, Вуффентака и Похка-Хапокоски (123 т. лош. силъ) и наконецъ красивѣйшій изъ пороговъ Иматра, развивающій силу въ 117 тысячъ механическихъ лошадей. Въ часъ времени въ немъ пролетаетъ 1.800,000 метровъ воды!

Но все это я зналъ по книгамъ, рисункамъ, да по слухамъ, а лично только въ 1898 году въ первый разъ за тридцатилѣтнее свое пребываніе въ Петербургѣ посѣтилъ эти чудныя мѣста.

Я думаю, не мало еще есть такихъ петербуржцевъ, которые побывали и на Учанъ-су близъ Ялты, посмотрѣли и Шафгаузенскій водопадъ, но не удосужились прокатиться на Иматру.

Врядъ ли можно это объяснить нерасположеніемъ петербуржцевъ къ финнамъ,—это шло бы въ разрѣзъ со всѣмъ нашимъ кисло-сладкимъ благодушіемъ.

Какъ бы то ни было, но меня, наконецъ, такъ пристыдили, что я рѣшилъ посмотрѣть Старую Финляндію и ея лучшее украшеніе.

На Петербургскомъ вокзалѣ можно взять круговой билетъ: до Иматры по желѣзной дорогѣ, а оттуда на лошадахъ до Саймы, а оттуда по озеру, каналамъ и плюзамъ вплоть до Выборга. Отъ

этого города до Петербурга или на морскомъ пороходѣ или въ вагонѣ. Администрація желѣзной дороги финляндская и служебный персоналъ щеголяетъ синими кантами, серебрянымъ приборомъ и ломанымъ русскимъ языкомъ.

Главная масса пассажировъ, конечно, дачная публика, которая при каждой остановкѣ убываетъ и убываетъ изъ вагоновъ, точно вода въ песочной выемкѣ.

За Теріоками, когда кончается особый родъ специально дачной природы, по обѣ стороны полотна вяло выступаетъ золотушная мѣстность съ тощею растительностью, перемѣшанною съ обгорѣлыми пеньками и невпопадъ разбросанными камнями.

Въ Выборгѣ пересадка на Корельскую линію. Здѣсь картина мѣняется и, чѣмъ ближе придвигаешься къ Антреа, тѣмъ живописнѣе становится мѣстность. Припадешь къ окну и такъ бы не оторвалъ глазъ отъ зеркальнаго, уходящаго въ невѣдомую даль озера, опущеннаго зеленою бахромою дремучаго по виду лѣса. Съ площадки послѣдняго вагона открывается чудная панорама среди придвинувшихся къ рельсамъ дикихъ возвышенностей.

Воздухъ живительный, не «дачный». Невольно поднимается высоко грудь и жадно вдыхаешь въ себя бодрящую струю, не знающую ни подгороднихъ микробовъ, ни міазмъ... Хорошо!

А вотъ и послѣдняя остановка, и мы уже въ омнибусѣ тихо подвигаемся къ Иматрѣ. Далеко разносится грохотъ и шумъ страшнаго потока. Повѣяло прохладой и сыростію. Колеса застучали по желѣзному мосту, высоко повисшему надъ рѣкою. Внизу бушуетъ Иматра. Съ изумительною силой, вся подернутая пѣной, она несется, реветъ, бурлитъ, подпрыгиваетъ, подтачивая утесы и разсыпаясь въ милліоны брызгъ.

Скорѣй изъ экипажа! Не до гостиницы и не до отдыха теперь. Голова кружится при взглядѣ на дивное явленіе природы. Вотъ тамъ, недалеко, выше Иматры, вода тиха и спокойна; но стоило природѣ сдѣлать на каменистомъ грунтѣ небольшой уклонъ — и плавная рѣка обратилась въ бѣшеннаго звѣря не знающаго ни днемъ, ни ночью покоя уже цѣлыя тысячелѣтія... Ни грозныхъ горъ, ни мощныхъ скалъ здѣсь не видно, и водная стихія одна царитъ предъ нами, а окружающіе ее холмы и тощій лѣсъ кажутся такими жалкими, удивленными, растерявшимися передъ необузданнымъ потокомъ.

Пока люди дѣлаютъ лишь слабыя попытки заставить Иматру работать на себя, но несомнѣнно скоро придутъ сюда скучные электротехники со сложными приборами и направятъ грозную силу на полезную работу, заставятъ ее работать и за людей, и за топливо для всего края...

У истока Иматры, съ балкона помѣщичьяго

дома на Саймскомъ озерѣ, открывается красивая картина водной площади, усѣянной таинственными зелеными островками, какъ-будто населенными гномами и другими сказочными созданіями. Глубоко здѣсь! А въ этомъ году воды особенно много, и знаменитая набережная бывшей Асташевской дачи вся покрыта водою. Вдали виднѣются бѣлые барашки начинающаго бурлить водослива, а передъ глазами изъ черной пучины, точно сирены, рѣзвяся выскакиваютъ на секунду сильныя, упругія лаксъ-форели и вновь скрываются отъ любопытныхъ взоровъ, маня любителя-рыболова поскорѣй кинуться въ лодку и закинуть на счастье длинную удочку. На веслахъ сидитъ молчаливый финнъ. Онъ знаетъ близко, дружески, Иматру и Сайму, онъ знаетъ твердо и нравъ форели и лососка. Безмолвенъ онъ и невозмутимъ, какъ поверхность родного озера, но въ глубинѣ его угрюмыхъ глазъ теплится опасный огонекъ. Упаси Боже разжечь его, и тогда финнъ, подобно родной ему Иматрѣ, бѣшено срывается съ якоря благоразумія и на короткое время обращается въ самаго пылкаго, сумасброднаго южанина; тогда для него море по колѣно, и онъ нерѣдко пускаетъ въ дѣло «пукко» — свое національное, не художественное, но опасное оружіе.

Опять въ дорогу! Мы ѣдемъ въ открытомъ экипажѣ по здѣшнимъ самою природою шоссированнымъ дорогамъ. Вокругъ все не крупный

лѣсъ; время отъ времени онъ пугливо разступается и виднѣется вновь озеро, которое тонкими, искривленными зеркально-холодными пальцами старается охватить всю страну, проникнуть въ самыя затаенныя ея щели. Упорный гранитъ безстрашно подставляетъ свою грудь предательской стихіи и, несмотря на ея чарующія объятія, стоитъ непоколебимо, не позволяетъ ей двигаться далѣе. Земля ласкаетъ своего защитника, нѣжною материнскою рукою гладитъ гранитъ и убираетъ его зеленымъ бархатистымъ мохомъ, а расхрипевшаяся елочка или березка то тамъ, то здѣсь вскакиваютъ на гранитнаго великана и кичливо выставляются на немъ предъ своими подружками.

Тихо по дорогѣ. Ызды мало. Протарохтитъ карашка—и вновь все замолкло. Встрѣтится маленькое стадо овецъ или коровъ. Рѣдкіе домики, отдѣльные хуторки выглядываютъ довольно зажиточно; есть, впрочемъ, хибарки не лучше русскихихъ. Полей мало. Виднѣется сѣянная трава. Ячмень и овесъ очень хороши. Ленъ ярко-зелеными лоскутами выдѣляется отъ пожелтѣвшей уже и во многихъ мѣстахъ полегшей отъ дождей ржи. Кое-гдѣ виднѣются свѣже-вспаханныя нивы, на которыхъ безцеремонно-лѣниво близко другъ къ другу разлеглись камни. Трудно финну совладать съ такою негостепріимною почвою, но онъ усердно ковыряетъ удобные клочочки земли,

удобривъ ее предварительно навозомъ. Пятая часть всей Финляндіи находится подъ торфяниками и болотами, но терпѣливые земледѣльцы не останавливаются передъ осушкой и раздѣлкой ихъ и съ каждымъ годомъ все больше и больше отвоевываютъ отъ воды новыя мѣста для полей и пастбищъ. Тихо, но основательно впитываются финнами свѣдѣнія о высшей земледѣльческой культурѣ и постепенно прилаживаетъ онъ къ своимъ потребностямъ совѣты школы и правительственныхъ сельско-хозяйственныхъ руководителей.

Несмотря на кажущуюся скудость почвы, финляндцы главные средства своего существованія и процвѣтанія черпаютъ изъ этой же земли. Центральный органъ по завѣдыванію этою важнѣйшею отраслью народного хозяйства сосредоточенъ въ «Экспедиціи Сельскаго-Хозяйства» Сената. Въ вѣдѣніи этого учрежденія состоятъ: главный директоръ, главный инспекторъ сельскаго хозяйства, главный инженеръ сельскаго хозяйства, тринадцать губернскихъ агрономовъ и ихъ помощниковъ, 3 сельско-хозяйственныхъ инженера, пять инструкторовъ молочнаго хозяйства, инструкторъ коневодства, инструкторъ льноводства, помологъ, 15 губернскихъ мастерицъ маслодѣлія *).

*) «Сельское хозяйство Финляндіи» — издано по распоряженію финляндскаго сената 1896 г.

Изъ этого перечня видно, что въ Финляндіи не останавливаются передъ затратами на содержаніе многочисленнаго, сравнительно съ населеніемъ края, штата казенныхъ инструкторовъ сельскаго хозяйства.

Для подготовки лицъ съ спеціальнымъ образованіемъ въ странѣ работаютъ два среднихъ земледѣльческихъ института и восемнадцать низшихъ сельско-хозяйственныхъ правительственныхъ и частныхъ школъ *).

И трудится финнъ вдали отъ сельскаго общества, боится онъ пѣснею разбудить лѣшаго въ надвигающемся отовсюду лѣсѣ, вызвать говоромъ и смѣхомъ русалокъ изъ близкаго озера... Привыкъ онъ молчать, сдружился съ трубкой и съ вѣчными думами.

Нашъ ямщикъ ни слова не знаетъ по-русски и не обращаетъ вниманія на наши понуканія. Тройка рыженькихъ юркихъ коротышекъ беззаботно помахиваетъ себѣ хвостами и самою маленькою рысцой поднимается по легкому склону. Пристяжныя, каждая на двухъ вожжахъ, бѣгутъ такъ же степенно, какъ и коренникъ, и не закидываютъ головъ игриво на бокъ, подобно русскимъ товаркамъ. Взобрались на пригорокъ, — виденъ крутой и кривой спускъ къ рѣчкѣ. Финнъ подбираетъ всѣ шесть вожжей, хлещетъ лошадей, и тѣ

*) Тамъ же.

во весь духъ несутся подъ гору, ловко проскользаютъ съ дилижансомъ по мосту и вновь переходятъ на рысь до слѣдующаго спуска.

Направо вдругъ блеснуло лѣсное маленькое озерко, все покрытое роскошными водяными лиліями. Точно прудъ финскихъ фей. Вокругъ тишина. Какъ хорошо! какъ чудно, поэтично! Угрюмый кучеръ съ бритымъ лицомъ и рыже-сѣдою выпушкой на шеѣ оборачивается, поглядываетъ на насъ, и тихая, довольная улыбка расплывается по его жесткому лицу...

Станція. Нѣсколько красныхъ домиковъ сбились здѣсь вмѣстѣ. Группа бѣлоголовыхъ мальчишекъ, стоя въ рядъ, быстро-быстро киваютъ головками и выставляютъ впередъ на продажу палки, камушки и разныя издѣлія изъ бересты, все время причитывая: десять пенни, пятьдесятъ пенни, десять пенни... Три финна съ трубками въ зубахъ важно поплевываютъ и ведутъ гнусавыми голосами безстрастный, съ утомительными паузами, разговоръ. Не видно жестовъ, не слышно переливовъ интонаціи, скучно, точно шмели жужжать. Одинъ изъ пассажировъ въ это время повѣствуетъ намъ о гибели, нѣсколько лѣтъ назадъ, доктора Левковича, который, несмотря на предостереженіе гребца, настолько увлекся желаніемъ вытащить большую форель, понагнувшись на удочку, что не замѣтилъ, какъ сильная рыба затащила его въ стремнину. Финтъ направилъ лодку къ

ближайшему камню и вскочилъ на него, а Левковичъ понесся чрезъ буруны Иматры и нашелъ тамъ смерть. Вслушиваясь въ непонятный и беззвучный для насъ говоръ финновъ, я думалъ, что, вѣроятно, и въ минуту страшной опасности гребецъ тѣмъ же безстрастнымъ тономъ вполголоса обращался къ несчастному врачу-спортсмену..

Наконецъ, мы подлѣ гостиницы, пріютившейся близъ озера въ лѣсу. На обширномъ со стеклянными рамами балконѣ человѣкъ сорокъ пансіонеровъ завтракаютъ. Распорядитель нашего хозяйства еще рано утромъ по телефону заказалъ завтракъ и для насъ; но здѣсь царствуетъ дисциплина: сперва покушаютъ свои, а тамъ могутъ садиться и гости. Непріятно, но куда же дѣнешься?! За столомъ въ пансіонѣ всецѣло господствуетъ дамскій полъ неотраднaго вида и дѣти. Мужчины навѣрное отъ тоски и печали давно отсюда сбѣжали; застрялъ только монументальный студентъ, видъ бѣлаго негра, да иностраннаго облика мистеръ среднихъ лѣтъ.

Боже, какъ одолѣли въ Финляндіи закуски! Предательская для петербургскаго чиновника матерія! За столомъ никуда не уйдешь отъ лаксъ-форели.

Цѣны въ здѣшнихъ корельскихъ гостиницахъ солидныя, въ уровень съ лучшими петербургскими ресторанами, вина только чуть подешевле.

Мои спутники увѣряли, что пиво финляндское—чудное: «само въ тебя льется»... Пусть будетъ такъ. Путешествующіе по Россіи не избалованы удобствами въ нашихъ провинціальныхъ гостиницахъ. По сравненію съ нашими захолаустными углами, конечно, при-иматрскія гостиницы покажутся довольно комфортабельными; но по существу еще нужно многое и многое сдѣлать ихъ владѣльцамъ для того, чтобы сравниться съ отелями подобнаго характера заграницей.

Ужъ поздно вечеромъ вернулись мы опять къ Иматрѣ подъ сѣнь здѣшняго сравнительно большого деревяннаго отеля. Сыро. Темновато. Электричество проведено, но лѣтомъ не дѣйствуетъ. Номеръ чистенькій, но простыни холодныя и мокрыя; маленькая неудобная подушка набита точно соломой, матрацъ съ плохими пружинами. Въ окна несется шумъ Иматры. Постепенно подъ этотъ однообразный рокотъ засыпаешь, но ненадолго. Надъ головою раздаются тяжелые шаги поздно вернувшагося путешественника. Въ деревянномъ сквозномъ домѣ все слышно, какъ у себя въ комнатѣ. Проклятіе! Я знаю его, этого громаднаго, грузнаго господина со шведскою фамиліей и русскимъ мундиромъ. Экій непосѣда! И зачѣмъ ему понадобилось передвигать стулья и столъ?! А вотъ и въ сосѣднемъ номерѣ закопошились. Слышны знакомые голоса. Ба! Да это мои вчерашніе спутники, должно быть, также гу-

ляли до 2-хъ часовъ. Разговоръ не умолкаетъ, разносятся раскаты смѣха. Въ коридорѣ отворилась дверь и женскій сердитый голосъ «просить» не мѣшать спать. Мои новые знакомые видимо задыхаются отъ сдержаннаго смѣха... Я хочу прислушаться къ ихъ веселому разговору, но Иматра не позволяетъ и вновь своимъ гуломъ убаюкиваетъ до утра.

15-го іюля 1898 г.

II.

Пріѣхавъ въ Финляндію, невольно задумаешься о судьбахъ нашей сѣверной окраины, задумываешься еще больше объ отношеніи ея къ метрополіи.

Бѣдное финское племя испытало на себѣ много ударовъ судьбы и, надавливаемое болѣе сильными народностями, почти повсюду приникало къ землѣ, обезличивалось и распускалось въ чуждой ему по крови средѣ. Однако одинъ изъ его отпрысковъ оказался удивительно живучимъ.

Разсыпавшись по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ и припавъ къ озерамъ Ладожскому, Саймскому и многимъ другимъ мелкимъ, финны хотя и не могли сложиться въ государство, но держались крѣпко и сохранили до нашихъ дней въ цѣлости свою индивидуальность, свой языкъ и нравы.

Расправлявшая свои члены, становившаяся во весь ростъ Россія съ первыхъ вѣковъ своей государственности невольно подвигалась на сѣверъ и уже Великій Новгородъ владѣлъ финляндскою Кореліею. Съ другой границы, съ запада, протягивала къ Финляндіи свои цѣпкія руки сильная тогда Швеція и, постепенно пододвигаясь отъ моря вглубь страны, притягивала къ себѣ бѣольшую часть Финляндіи. Когда этотъ буферъ, раздѣлявшій два сильныхъ народа, исчезъ, то Швеція столкнулась съ Россіей. Много лѣтъ длился этотъ поединокъ за преобладаніе на Сѣверѣ; много лѣтъ счастье благопріятствовало Швеціи, пока наконецъ величайшій изъ русскихъ богатырей, Петръ Великій, рѣшительно и безповоротно не измѣнилъ въ нашу пользу ходъ историческихъ событій на сѣверѣ Европы.

При Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ къ Россіи были присоединены старыя Новгородскія вотчины—Кексгольмская и Выборгская губерніи, а при Александрѣ I, 5 сентября 1809 года, послѣ побѣдоноснаго занятія русскими войсками всего края, подписанъ былъ Фридрихсгамскій мирный трактатъ, по которому вся остальная Финляндія, вплоть до р. Торнео, отошла къ намъ. «Губерніи сіи, говорится въ ст. IV трактата, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами

будутъ отнынѣ состоятъ *въ собственности* и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются».

Россія была оповѣщена о новомъ приращеніи своихъ предѣловъ манифестомъ 1 октября 1809 года, въ которомъ говорится, что главное основаніе мира заключается въ желаніи «оградить Имперію нашу естественными и твердыми предѣлами, отдалить и пресѣчь разъ навсегда причину и предлогъ браней»...

Въ числѣ выгодъ, которыя ожидались отъ новаго завоеванія, въ манифестѣ упоминаются: «торговля наша восприметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское наше морское ополченіе пріобрѣщетъ новыя силы».

Къ самимъ финляндцамъ императоръ Александръ I обратился, еще ранѣе заключенія мирнаго трактата, съ манифестомъ: «Въ средѣ народовъ скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую Имперію составляющихъ* обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли *свое мѣсто*». Александръ I обѣщалъ охранять финляндцевъ отъ внѣшнихъ враговъ. «Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно».

Въ другомъ манифестѣ, также до заключенія еще трактата, отъ 15 марта 1809 года, импера-

торъ обезпечивалъ финляндцамъ: «по единственнымъ,—какъ упоминается потомъ въ мирномъ трактатѣ 5 сентября 1809 года со Швеціей,—побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія: религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались».

Знаменательная подробность. Въ первыхъ учредительныхъ, такъ сказать, манифестахъ, въ заголовкѣ ихъ значится: «Императоръ Всероссійскій» и затѣмъ не упоминается «Великій Князь Финляндскій», а прямо говорится: «и пр. и пр.»

Съ русской точки зрѣнія изъ сопоставленія всѣхъ этихъ актовъ понятно было, что Финляндія составляетъ частицу Имперіи и жителямъ новой области сохранены не по договорамъ или условіямъ, а милостію монарха нѣкоторыя особые преимущества мѣстнаго представительства, земскаго и судебнаго устройства. Никто изъ истинно русскихъ людей, вѣроятно, не помышлялъ тогда, что, издавая эти манифесты, русскій императоръ будто бы ограничиваетъ свои права самодержавія и притомъ не только на вновь присоединенныя области, но и на часть Вотской Новгородской Пятины, отвоеванной великимъ императоромъ и его дочерью у шведовъ.

«Старая Финляндія» была присоединена къ

«Новой Финляндіи» 11 декабря 1811 года манифестомъ, который начинается словами: «По мѣстному положенію Старой Финляндіи, находя полезнымъ присоединить оную къ Великому Княжеству Финляндіи». Ни о какихъ преимуществахъ и «конституціяхъ» въ этомъ актѣ не говорится; сказано лишь, что государемъ будутъ назначены два депутата въ сеймъ.

Но то, что казалось такъ просто для русскихъ, представилось въ глазахъ финляндскихъ шведовъ и финской, вначалѣ очень немногочисленной, интеллигенціи совсѣмъ инымъ. Пользуясь либеральными порывами Александра I, пользуясь филологическими обмолвками царскихъ повелѣній, пользуясь политическими осложненіями, наступившими въ Европѣ и совершенно отодвинувшими на задній планъ наши интересы на Сѣверѣ, шведы-администраторы и финны-юристы неустанно и упорно трудились надъ обособленіемъ своего края отъ Россіи. Всякое лыко, что называется, ставилось въ строку.

Работа ихъ была очень плодотворною въ смыслѣ сепаратизма и предоставленіе Финляндіи по Фридрихсгамскому мирному трактату „*Въ собственностъ Имперіи Россійской*“ обратилось въ фикцію.

Изъ земскаго собранія выросло нѣчто въ родѣ парламента, изъ областного совѣта развернулся Правительствующій Сенатъ, равноправный со все-

россійскимъ, а русскій генералъ-губернаторъ, царскій намѣстникъ, обратился въ мѣстнаго старшаго чиновника, не имѣющаго права безъ посредства статсъ-секретаря «изъ финляндскихъ обывателей» предстательствовать предъ государемъ о нуждахъ края.

Какъ осколокъ единенія, въ Финляндіи существуетъ до сихъ поръ обще-имперское телеграфное управленіе. Намекомъ на извѣстную связь съ Россіей нѣкоторыхъ учрежденій служитъ наименование Гельсингфорскаго университета, а также Финляндскаго Экономическаго Общества — Императорскими.

Какія же блага получила Россія? «Восприняла ли наша торговля новое расширеніе»? Предсказаніе манифеста въ этомъ отношеніи не исполнилось. Конечно, съ ростомъ населенія обмѣнъ съ сосѣднею страной не могъ не увеличиться. Но это такъ далеко до близкаго торговаго общенія. Да и могло ли быть желательно развитіе торговли при отсутствіи единообразной таможенной политики и монетнаго обращенія?!

Завоеванія наши 1809 года не только сведены къ нулю, но отторгнуты и старыя области, куда было, въ прошломъ столѣтіи, уже переселялись русскіе помѣщики и русскіе крестьяне. До 1809 года въ Старой Финляндіи много земель принадлежало русскимъ помѣщикамъ, но введеніе новыхъ «конституціонныхъ» порядковъ повлекло

къ полному вытѣсненію русскихъ изъ Кореліи, при чемъ многія имѣнія прибрѣла финляндская казна.

Взвѣсивая современныя условія, кажется, что для безопасности государства было бы выгоднѣе въ 1809 году исправить лишь нашу границу, занять въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ нѣсколько опорныхъ военно-морскихъ пунктовъ, а остальную Новую Финляндію вернуть Швеціи. Тогда въ теченіе текущаго столѣтія Старая Финляндіи обратилась бы уже въ русскій край, Петербургъ не былъ бы пограничнымъ городомъ, русскіе переселенцы XVIII ст. не сдѣлались бы «финляндскими подданными» и десятки тысячъ петербургскихъ дачниковъ не проводили бы ежегодно лѣто подъ сѣнію финляндской конституціонной власти. Но исторію не передѣлаешь. Приходится вѣдаться всею площадью Финляндіи и не позволять сепаратистамъ-обывателямъ «дѣлать исторіи» по своему вкусу, безъ державнаго руководства Россіи.

Имѣетъ ли возможность русскій для веденія дѣлъ съ финляндскими правительственными агентами обращаться къ нимъ съ русскою рѣчью и требовать обязательныхъ отвѣтовъ на томъ же языкѣ? Нисколько. Русскій подданный, попадая въ эту область Россійской Имперіи, оставаясь на своей территоріи, лишается правъ русскаго подданнаго на огражденіе его личности и иму-

щества законами, дѣйствующими на всемъ громадномъ пространствѣ государства, а въ случаѣ, чего Боже упаси, обвиненія въ правонарушеніи подлежатъ финляндскому уголовному суду, который можетъ приговорить его къ наказанію, даже не существующему въ нашемъ «Уложеніи о Наказаніяхъ». Финляндцы крѣпко усвоили по отношенію къ русскимъ правило: «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся», и потому благодушный россіянинъ, пріобрѣвшій себѣ клочокъ конституціонной земли и мечтающій уединиться въ дачной тиши Финляндіи, рискуетъ наткнуться на непріятности и неожиданности, больно задѣвающія русское самолюбіе.

На что же мы имѣемъ право?

Финляндцы говорятъ, что русскіе должны довольствоваться правомъ держать въ Финляндіи свои войска, но при этомъ не для «внутреннихъ» цѣлей, а для внѣшняго врага.

«Дорогое» право! Поступить для этого самодержавіемъ, подарить двѣ губерніи, отказаться отъ признанныхъ трактатомъ правъ побѣдителя, и въ награду взять на себя обязательство оборонять финновъ отъ внѣшнихъ посягательствъ.

Нѣтъ, во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе по существу. «Собственность Имперіи» не должна быть упущена изъ рукъ, давности для отысканія такого рода имущества не существуетъ. Со стороны Россіи несомнѣнно были филологическія

ошибки. Такія прорухи, описки могутъ служить матеріаломъ для адвокатской защиты казуснаго процесса предъ судебными учрежденіями; но здѣсь, въ дѣлѣ государственнаго единенія, всѣ натяжки и хитросплетенія, проскальзывающія въ гражданскомъ процессѣ, должны быть отстранены разъ навсегда мощною самодержавною рукой.

Финляндія живетъ матеріально удовлетвори-тельно—и Богъ съ ней, *не будемъ вмѣшиваться въ ея чисто мѣстныя дѣла*; но Финляндія—русская область, и потому нельзя не желать таможеннаго, монетнаго, почтово-телеграфнаго и желѣзнодорожнаго единенія, нельзя не желать обращенія сейма въ земское собраніе, а сената—въ совѣтъ при намѣстникѣ—генералъ-губернаторѣ, непосредственномъ докладчикѣ государю. Нельзя не желать распространенія на Финляндію общаго имперскаго устава по отбыванію воинской повинности безъ выдѣленія финляндцевъ въ особые войска. Нельзя не пожелать, чтобы финляндцы несли соотвѣтствующіе своему населенію расходы по содержанію обще-имперскихъ учрежденій. Нельзя не пожелать, чтобы преподаваніе русскаго языка вошло въ число обязательныхъ предметовъ въ ихъ школахъ, дабы и правительственные агенты, и люди свободныхъ профессій могли вступать въ сношенія съ русскими.

Я не позволю себѣ упрекать финляндцевъ въ нарушеніи «вѣрности» Престолу; но присоеди-

тельный манифестъ Александра I не ограничивался требованіемъ этого элементарнаго правила подданства, за неисполненіе котораго и кара страшная; въ манифестѣ на первомъ планѣ поставлено еще требованіе «приверженности и единства» съ Россіей. Гдѣ онѣ, гдѣ эти добродѣтели?! Несмотря на почти столѣтнее не только мягкое, но даже преисполненное баловства руссійское правленіе, финляндцы ни одного шага не дѣлаютъ для сближенія съ Имперіей, а наоборотъ—на порогѣ русской столицы, всего въ 30 «километрахъ» отъ нея, всемѣрно силятся организовать самостоятельное государство.

Съ этимъ положеніемъ нельзя не считаться, нельзя не скорбѣть, глядя на такое отчужденіе, подготовленное шведскою интеллигенціей и распространяющееся въ финской массѣ. Настало время, въ интересахъ всей имперіи, исправить тѣ ошибки, которыя были прежде сдѣланы по недосмотру и недальновидности. Пора отбросить въ сторону неумѣстное русское благодушіе.

16-го іюля 1898.

Въ Прикаспійскую Ниццу.

Кавказскія впечатлѣнія.

Ѣхатъ одному въ купе, въ пустомъ вагонѣ, тяжело и для необщительнаго даже человѣка.

Мнѣ довелось по дорогѣ отъ Москвы на Кавказъ провести такъ двое сутокъ и, кромѣ буфетныхъ діалоговъ, не обмолвиться ни съ кѣмъ ни словомъ. Вокругъ желтыя равнины и пригорки, хлѣбъ сжатъ, на поляхъ голо и пусто. Безотрадно, назойливо вертится передъ глазами этотъ безжизненный, тусклый пейзажъ. Кое-гдѣ покажется деревенька и та не радуется глазъ. Домики жалкіе, подлѣ нѣтъ ни садовъ, ни рощъ, ни лѣсной поросли, на которой глазъ отдыхаетъ на Сѣверѣ. Плугъ избороздилъ всю поверхность, все разрылъ, прокопалъ дорожки для быстрого стока воды; всѣ покатости изъѣдены страшными черными и бурными раковыми ранами, губительными, годъ

отъ году увеличивающимися оврагами. Земля такъ и вопіетъ: поддержите меня, православные! Подкрѣпите мои осы кустиками и деревцами! Но мѣстный земледѣлецъ глухъ на ухо и уничтожаетъ послѣдній кустарникъ, притаившійся кой-гдѣ по балкамъ.

Къ рельсамъ тонкимъ бордюромъ прильнули защитныя отъ снѣжныхъ заносовъ посадки; онѣ, однѣ лишь онѣ радуютъ глазъ и являются яркимъ доказательствомъ древопроизводительности нашихъ степей. Давно ли онѣ были посажены, лѣтъ двѣнадцать, а какъ высоко теперь поднялись, какъ окрѣпли и возмужали эти желѣзнодорожные питомцы, дающіе пріютъ лѣсной птицѣ и дичи. Неужели благой примѣръ не послужить на пользу окружающему населенію?! Если бы къ празднику Св. Троицы каждый домовладѣлецъ подъ разумнымъ, умѣлымъ руководствомъ посадилъ по деревцу: у себя подлѣ дома, въ полѣ, около дороги, да въ деревенскомъ оврагѣ, то велика бы польза была странѣ, повеселѣла бы мѣстность, повеселѣлъ бы и земледѣлецъ. Трудно ожидать подобной садовой дѣятельности отъ личной инициативы нашего крестьянства, до сихъ поръ съ ненавистью относящагося къ дереву и къ кусту.

И на Кавказъ наши переселенцы перенесли эту нелюбовь къ лѣсу, и здѣсь, на переднемъ Кавказѣ, хотя подлѣ домовъ и чаще виднѣтся

зелень, но балки и овраги также зіяють, также напрасно взывають защитить ихъ лѣснымъ покровомъ. Зато на станціяхъ любо посмотрѣть на стройные тополи, на увитыя виноградомъ стѣны, на тѣнистые садики.

Еще въ Ростовѣ слышалось нѣкоторое оживленіе въ вагонѣ, а по утру въ салонѣ уже слышались разговоры. Я покинулъ наскучившее мнѣ купе и пересѣлъ въ общее отдѣленіе. Здѣсь престарѣлый архимандритъ съ пріятнымъ, добродушнымъ лицомъ велъ бесѣду съ пожилымъ купцомъ.

— Какъ не знать вашего преосвященнаго, Никанора! Познакомились. День ангела владыки былъ. Пригласилъ онъ насъ къ трапезѣ. Помню, еще уху въ чашкахъ подавали, не уха, а желе, настоящее желе. Это отъ нашихъ монастырскихъ ершей такой наваръ былъ.

«Какъ же, какъ же! На всю епархію славятся! Сидимъ мы. Этакъ сидитъ владыка, а слѣва отъ него Никаноръ, а черезъ одного, значить, я. А за столомъ насъ было тринадцать человѣкъ, все-конечно, не слѣдуетъ придавать подобнымъ признакамъ значеніе, но однако!.. Въ одинъ годъ и нашъ владыка, и отецъ казначей — оба отошли. Предлагаетъ онъ Никанору вина, а тотъ отъ

всего отказывался. Владыка, шутникъ право такой, и говоритъ: «налейте ему воды, да не жалѣйте, этого добра у насъ въ рѣкѣ много».

— Да,—заговорилъ купецъ,—противникъ былъ онъ хмельного и картъ. Какъ ловко онъ нашихъ соборныхъ батюшекъ сконфузилъ! Въ лучшемъ видѣ! Говорилъ онъ неоднократно назиданіе противъ картъ, такъ вообще православнымъ, безъ личностей; но слышитъ, между тѣмъ, что бати и прежде играли и не унимаются при немъ. Правда ли это, думаетъ? Испытать ихъ захотѣлъ. Позвалъ къ себѣ въ воскресенье къ столу, а послѣ обѣда приказалъ поставить карточный столъ, да и пригласилъ желающихъ на пульку. Тѣ такъ на удочку и пошли. Усѣлись, довольные, за зеленый столъ и ужъ карты стали распечатывать. Налетѣлъ тутъ преосвященный на нихъ, да какъ пошелъ ихъ пушить, какъ пошелъ, пошелъ... Насилу домой ноги донесли. Хотя бы отчего бѣлому духовенству и не развлечься немного? Большой онъ поборникъ закрытія кабаковъ былъ. «Не вводите,—проповѣдывалъ,—меньшую братію во искушеніе, закрывайте крѣпче питейные дома».

Вопросъ о питейныхъ порядкахъ заинтересовалъ всѣхъ и бесѣда на эту тему захватила весь вагонъ.

Несомнѣнно, главнымъ факторомъ въ отрезвленіи народа является большая затруднительность доставать спиртные напитки. Въ Швеціи, да и

въ нашей Финляндіи, различными стѣсняющими спиртную торговлю мѣрами достигли въ сравнительно недолгій срокъ благихъ результатовъ. Лечение алкоголиковъ, какъ извѣстно, сводится главнымъ образомъ къ лишенію ихъ возможности пріобрѣтать водку, для чего совѣтуютъ даже устраивать для нихъ колоніи на необитаемыхъ ранѣе островкахъ.

Введеніе въ Россіи казенной продажи питей и притомъ подвергнутыхъ обязательной ректификаціи, несомнѣнно, должно благотѣтельно отразиться на народномъ отрезвленіи. Устраненіе заинтересованнаго въ спаиваньи своихъ кліентовъ кабатчика, этого директора простонароднаго грабительскаго ломбарда, и перенесеніе потребленія водки изъ кабака домой, изъ сборища пьяныхъ гулякъ въ мирную среду должны оказать вліяніе на уменьшеніе пьянства.

Главнымъ и самымъ дѣятельнымъ попечителемъ трезвости, не остановившимся передъ гигантской работой организаціи питейной торговли, является правительство. Что бы ни твердили російскіе книжные экономисты о нецѣлесообразности казенной монополіи, но практика говоритъ въ пользу ея, и изъ мѣстностей, гдѣ открытъ еще настѣжъ прежній кабакъ, раздаются голоса, призывающіе казну запереть ихъ и открыть свои лавки. Недавно еще было помѣщено въ газетахъ формулированное въ этомъ смыслѣ ходатайство

шуйскаго земства, а единичные призывы слышатся постоянно.

— На запрещеніи далеко не уѣдете, — внезапно замѣтилъ худой длинный инженеръ, полулежавшій въ креслахъ, въ дальнемъ углу вагона. — Вы запретите пить ему въ кабаѣ, а онъ дома надрызжется, жену и дѣтей напоитъ.

— Нѣтъ, это не такъ. Рабочаго человѣка, и городского и деревенскаго, я знаю, — вступился вновь купецъ. — Рѣдкій, рѣдкій кто изъ нихъ припасетъ у себя водку. Онъ вѣдь постепенно во вкусъ входитъ: выпилъ сороковку, бѣги за другою, и такъ далѣе... Закройте вы съ субботняго вечера до понедѣльнишнаго обѣда питейную торговлю въ лавкахъ и въ трактирахъ, а въ будни открывайте водочную торговлю позже и закрывайте раньше, такъ и увидите, какъ народъ потрезвѣетъ. Потому нашъ Никаноръ истинно говорилъ: «не вводите во искушеніе».

— А жалованье тогда намъ изъ какихъ средствъ заплатятъ?

— Какъ такъ?

— Да такъ! Перестанетъ народъ пить, значитъ и питейный доходъ страшно упадетъ, не вы же, господа комерсанты, его поддержите. Это дѣло обоюдоострое.

Въ разговоръ вступились еще два, три пассажира, и загорѣлся споръ.

Можно ли сожалѣть о сокращеніи питей-

наго дохода и притомъ сокращеніи его не вслѣдствіе уменьшенія «пропивныхъ» средствъ, а лишь отъ нѣкотораго воздержанія? Да слава Богу! Радоваться надо. Разъ эти средства въ странѣ существуютъ и не пошли на прогуль, то они дадутъ современемъ еще бѣльшій прибытокъ; а главное, сколько нравственнаго и матеріальнаго благополучія прибавитъ каждый вырванный отъ опьяненія работо-часть народа!

Болѣе зажиточное населеніе легче внесетъ и государственные платежи подъ различными формами и наименованіями. Были бы только деньги, а ужъ какъ взять ихъ, придумать легче. Вотъ бѣда, когда и пропивать нечего... Тогда уменьшеніе питейнаго дохода дѣйствительно показателъ страшный; но такъ какъ ни одному нищему до сихъ поръ водка не помогала встать на ноги, а еще болѣе губила, то питейная торговля среди обнищалаго населенія должна быть поставлена въ такія условія, чтобы и случайные гроши не пропивались городскимъ рабочимъ и селяниномъ.

— Для борьбы съ водкой выкатились бочки пива, и склонную къ выпивкѣ публику изъ питейнаго дома приглашаютъ на народныя гулянья.

— Зачѣмъ вы такъ иронически къ этому относитесь? Неужели вамъ не нравится, что для бѣдной народной массы устраиваются доступные ей по пониманію и цѣнамъ спектакли? Неужели

вы противъ того, чтобы эти «мерзавчики» и «чортики» уступили мѣсто спокойному пиву?

— Зачѣмъ же такъ думать? Я привѣтствую хорошій театръ. Я понимаю необходимость городскому рабочему въ праздничное время подышать свѣжимъ воздухомъ, послушать музыку, поплакать и посмѣяться, глядя на сцену. Я понимаю, если крестьянину въ праздникъ прочтутъ съ туманными картинами нѣчто назидательное и его поднимающее надъ промзглыми буднями. Но я противъ того, чтобы повседневно зазывать сѣраго человѣка на «гулянья», да еще на вечернія, съ кайенскимъ перцемъ, обще-кафе-шантаннаго пошиба, даже «съ голоножіемъ»...

— Правильно-съ, правильно, горячо поддержалъ купецъ.— Скажу вамъ истинную практику. Женская прислуга у насъ дома была всегда аккуратная, прямо могу сказать—добронравная: жена за этимъ наблюдала сама. На горе открылся и въ нашемъ городѣ «общедоступный семейный садъ народныхъ развлеченій», со входомъ по гривеннику и безъ крѣпкихъ напитковъ. Хорошо. Въ газетѣ расхвалили. А надо вамъ сказать, въ Ольгинъ день и кухарка, и горничная, и прачка—имянинницы. Такая ужъ тройка впряглась. Ко двору имя, должно быть. Я имъ по билету въ руки. Идите, милыя, въ садъ, погуляйте, отдохните. Самъ вѣдь и толкнулъ ихъ. Съ тѣхъ поръ и заканителились... Вечеромъ ни одной изъ нихъ

не докличешься. Все норовятъ въ садъ, все въ садъ, да совѣстно имъ, видите ли, въ платкахъ ходить, въ шляпы уже нарядились, кувалды!.. Цыкнешь на нихъ, а онѣ объявляютъ, что и полковницкая Маша, и священницкая Лиза, обѣ горничныя, каждый вечеръ въ саду и также въ шляпкахъ. А, знаете, повадился кувшинъ по воду...

— Это вы частный случай берете. Желаящие и прежде могли увлечься садовыми развлеченіями!

— То, да не то. Туда она и думать не посмѣла идти, а сюда ее приглашаютъ съ поощреніемъ; то было баловство—господское, а здѣсь «народное гулянье». Нѣтъ, съ этой музыкой надо осторожность, бо-ольшую осторожность соблюдать. Сладенькаго, да веселенькаго каждый хочетъ; опасно только этимъ увлекаться. Да, да! Позабылъ еще. Пивомъ стали глаза наливать. Увѣряютъ жену, что это не хмѣльной напитокъ, а трезвенный... Вотъ подите вы съ ними! Сынъ мой, технологъ, дразнить мать, что въ людской нашей готовится знамя, на которомъ громадными буквами будетъ написано: «пива и зрѣлищъ!»

Всѣ улыбнулись. Нашъ разговорчивый купецъ самодовольно окинулъ собесѣдниковъ.

На платформѣ полустанка, передъ которымъ поѣздъ не остановился, у буфетнаго ларя сидѣли два парня и передъ ними стояли бутылки пива.

Купецъ презрительно вскинулъ на нихъ глаза и съ усмѣшкой воскликнулъ: «пива и зрѣлищъ!»

Вопросъ пропаганды пива дѣйствительно не шуточный. Человѣкъ не пьющій спиртного и сомнѣвающійся пока еще относительно того, приступить ли ему къ пиву или воздержаться, зайдя на современное народное гулянье, въ эту предполагаемую школу трезвости, и увидавъ бочки съ пивомъ и столики съ бутылками, отнесется вполне сочувственно къ такой рекомендаціи. Пивная культура, не то что картофельная, сопровождавшаяся «картофельными бунтами», она не встрѣтитъ противодѣйствія, а, наоборотъ, вызоветъ привѣтствіе гулящихъ людей. Нехмѣльнымъ же этотъ напитокъ назвать нельзя; въ особенности, когда ему предшествуютъ двѣ, три рюмки водки, тогда «внутренняя полировка» пивомъ производитъ губительное дѣйствіе. Какъ съ пивомъ благополучно уживаются благоразумные иностранцы, я не знаю: вѣроятно тамъ пиво другое, да и натуры другія; но въ Россіи оно дурманитъ и умственно притупляетъ усердныхъ его потребителей. Пиво постепенно завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе ту обширную арену, на которой прежде день-деньской царили добродѣтельные чайныя пары. вмѣсто: «не прикажете ли чаю?», слышится: «не выпить ли намъ холодненькаго пивка?» А изъ лавки и мастерской мальчикъ бѣгаетъ уже не за кипяткомъ для чаю, а за «парой пива».

Въ всякомъ случаѣ, если нѣтъ основанія при-

нимать противъ пива запретительныя мѣры, то и пропагандировать его среди посѣтителей школъ трезвости крайне нежелательно.

«Горныя вершины,
«Васъ увижу-ль я?
«Кавказскія долины,
«Кладбища удалцовъ!..

Такой залихватски-унылой пѣснью встрѣтили насъ у станціи «Минеральныя Воды» запасные солдаты, уѣзжавшіе въ Россію. За короткій сравнительно срокъ службы они не успѣли еще сродниться съ Кавказскимъ краемъ и теперь, направляясь на родину, оставляютъ его безъ особаго горя, но въ нѣкоторыхъ нотахъ нѣтъ-нѣтъ да и пробѣжитъ чувство сожалѣнія при разставаніи съ полуденной живописной страной, свидѣтельницей безпримѣрной въ военной исторіи многолѣтней кровавой борьбы. Покидаетъ солдатъ Кавказъ, весело пока гогочетъ и «играетъ пѣсни»; а пройдетъ годъ, другой, и при воспоминаніи о далекой окраинѣ защемитъ у него сердце и запросится душа туда, гдѣ виднѣются горныя вершины, гдѣ спрятались кавказскія долины, гдѣ спятъ вѣчнымъ сномъ покрывшіе себя воинскою славой ихъ предки—однополчане. Кто жилъ на Кавказѣ, тотъ его никогда не забудетъ...

На станціи «Минеральныя Воды» пассажи-ровъ прибавилось. «Курсовые» разтѣзжаются. Среди публики замелькали черкески, разгуливаютъ казаки и кабардинцы. Казакъ, истый русскій человѣкъ по натурѣ, въ мирное время не питаетъ особаго пристрастія къ оружію, и если онъ не на службѣ, то охотно расстаётся съ кинжаломъ и шашкой, при черкескѣ надѣнетъ фуражку или отмѣтитъ себя другою какою-нибудь, несоотвѣтствующей костюму кавказскихъ туземцевъ мелочью.

Весело смотрѣть на группу рослыхъ жизнерадостныхъ юношей и дѣвицъ, отправляющихся въ учебныя владикавказскія заведенія. Мелькнула недурненькая фигурка прѣзжавшей, вѣроятно, развлечься дамы; за ней припрыгивали съ нѣкоторой несвойственной ихъ возрасту рѣзвостью два сѣденькихъ генерала. На креслахъ-носилкахъ вынесли на платформу молодого офицера съ красивыми чертами лица, но съ потухшими глазами и совершенно изможденного болѣзною. На колѣняхъ у него виднѣлась роза... Кто ему ее положилъ?.. Военный фельдшеръ, попыхивая крученкой изъ махорки, спѣшно готовится для него купе и сообщаетъ оберъ-кондуктору: — «боюсь, довезу ли...» — Появилась группа англичанъ съ переводчикомъ, бахвалившимся передъ ними грубымъ обращеніемъ съ носильщиками и кондукторомъ. Потянулись корзины и чемоданы цѣлою

вереницей. Поѣздъ наполнился и тронулся въ путь.

Мѣстность измѣнилась. Горы надвигаются все ближе и ближе. Вокругъ зелено. Растительность, пользуясь богатой почвой и предгорной влагой, сильная. Благодаря краснымъ черепичнымъ крышамъ, аульныя сакли, кой-когда присосѣдившіяся къ рельсамъ, смотрятъ довольно нарядно. На станціяхъ, какъ всегда, много праздныхъ туземцевъ, глазѣющихъ на поѣздъ. За работой, видимо, они не бѣгаютъ.

Чѣмъ ближе къ Владикавказу, тѣмъ болѣе разговоровъ о давнишней здѣшней злобѣ дня, о разбояхъ.

— Помилуйте, дѣло дошло до того, что для семьи нельзя корову завести, ужасался современными порядками владикавказскій офицеръ.—Ингуши уведутъ. У меня два денщика съ ружьями въ домѣ спать.—Одинъ въ передней, другой въ кухнѣ. Что же мнѣ въ конюшню третьяго положить? Гдѣ я его возьму? Да и не устережетъ. Вонъ въ 1-ой ротѣ Апшеронскаго полка стерегли, стерегли отличную лошадь; а въ одно утро рота проснулась — лошади нѣтъ и конюхъ-солдатъ убитъ...

— А какъ, господа, думаете,—озабоченно спрашиваетъ петербургскій офицеръ, — безопасно ночью ѣхать по Военно-грузинской дорогѣ? Я по

телеграфу къ приходу поѣзда коляску почтовую заказалъ.

— Возьмите конвой, а то неровенъ часъ... Вѣдь не знаешь, гдѣ и когда наскочатъ головорѣзы. Пока схватитесь за револьверъ, а два дула уже у вашей груди. Положеніе пакостное и глупое. Поневолѣ позволите выворотить себѣ карманы. А тамъ ищи вѣтра въ полѣ.

— Да неужели же нѣтъ средствъ переловить ихъ?

— Одинъ мудрецъ предлагалъ способъ ловли львовъ въ Сахарѣ. Онъ совѣтовалъ взять большое рѣшето и высыпать туда всю пустыню: песокъ просыплется, а львы останутся... Нѣтъ, я не шучу. Предлагаютъ и здѣсь, въ интересахъ искорененія разбоевъ, массу мѣръ для поднятія нравственности и экономическаго состоянія всего населенія. По ихъ системѣ для водворенія самаго элементарнаго спокойствія отъ насилія сотни разбойниковъ нужно перевоспитать милліоны людей, перетереть ихъ, сытно накормить, и т. д., и т. д. Все это хорошо и все нужно для общаго благополучія; но когда этого можно достигнуть? Когда?!. А теперь-то, теперь неужели ждать, пока ограбятъ кого-нибудь, полиція пріѣдетъ, ничего не найдетъ и на томъ дѣло кончится?.. Какъ ни печальна извѣстность въ разбойническихъ хроникахъ: ингушей, борчалинскихъ и елисаветпольскихъ татаръ и кубинскихъ лезгинъ, но нельзя

же допустить, чтобы Господь создалъ специально разбойничье племя. Несомнѣнно, всѣ эти грабительства дѣло десятковъ людей. Пока тамъ культура будетъ проявлять свои результаты, нужно систематично, шагъ за шагомъ, не дѣлая перерыва, беспощадно ловить разбойниковъ. Вѣдь если бы противъ нѣкоторыхъ... извѣстныхъ насѣкомыхъ чернорабочіе люди поднимали войну только подъ впечатлѣніемъ кожного зуда, то этого живого добра наплодились бы міриады. Предпринимаютъ обыкновенно предохранительныя, очень энергичныя мѣры...

— Не преслѣдовать только послѣ свершившагося разбоя, а накрывать разбойниковъ на самомъ промыслѣ ихъ надо, ставя западни и ловушки. Близъ Делижана, напримѣръ, сколько разъ грабили проѣзжающихъ. При появленіи полицейской форменной погони, разбойники, конечно, улетучивались; но вѣдь можно было полиціи явиться подъ видомъ товарнаго обоза или почты, гдѣ вмѣсто тюковъ лежали бы стрѣлки... Мало ли что можно придумать, если специально заняться этимъ дѣломъ. Жители отлично знаютъ разбойниковъ, но боятся ихъ. Подойдите ближе къ жителямъ, помогите имъ, посоветуйтесь съ выдающимися туземцами, заинтересуйте ихъ. Пустите въ дѣло поимки разбойниковъ больше войскъ—для нихъ это будетъ превосходная школа, и кромѣ того дайте возможность губернаторамъ распоряжаться ими за свой страхъ.

— Знаете, господа, не всегда одни «туземцы» виноваты. Я думаю, что у насъ во Владикавказѣ и свои золоторотцы пошаливаютъ?

— Кто ихъ разберетъ теперь. Скорѣе нечистый завелся — потому людей убиваютъ, имущество грабятъ, а кто — неизвѣстно. Нечистый, должно быть...

— Мнѣ, зоговорилъ одинъ изъ «курсовыхъ» офицеровъ, въ 1884 году пришлось наблюдать поимку абрека Шемхина. Въ Ставрополѣ онъ съ товарищами ограбилъ, кажется, церковь и съ добычей пустился въ Кабарду. Полетѣли въ разныя стороны телеграммы съ просьбой военной силой захватить его и указано было мѣсто, гдѣ партія, по расчетамъ, должна была проѣхать, именно Зайцевы хутора. Пока эти телеграммы отъ одного начальства къ другому ходили, тѣ и успѣли проскочить. Драгуны прибыли, да ужъ поздно, слѣдъ простылъ, одну только лошадь брошенную нашли. Черезъ нѣкоторое время тѣ же драгуны шли походомъ и остановились на бивакѣ. Нижніе чины обѣдали, офицеры тоже сѣли закусить. Только вдругъ видятъ летитъ къ биваку ротмистръ К—зовъ и объявляетъ, что, по указанію одного кабардинца, невдалекѣ, въ саклѣ отдыхаетъ абрекъ. Мигомъ взмунштучили лошадей и всѣ офицеры, какъ одинъ, бросились въ сѣдла, а за ними дежурный взводъ. Подлетѣли осторожно. Окружили дворъ. Спѣшились. Офи-

церы взяли у солдатъ ружья и оцѣпили саклю. Въ это время оттуда выглянулъ проснувшійся хищникъ, который и не подозрѣвалъ облавы за собой. Въ правой рукѣ, на всякій случай, у него былъ револьверъ, а въ лѣвой сѣдло. Кто-то изъ офицеровъ крикнулъ: «смотрите, абрекъ!»

— Да, да, абрекъ! — отвѣтилъ, нисколько не смущаясь, разбойникъ, пустилъ моментально пулю въ подтвержденіе и скрылся за дверью. Затѣмъ, показываясь на одинъ моментъ, выпустилъ еще четыре пули. Осаждающіе ждали шестого и послѣдняго выстрѣла, съ тѣмъ, чтобы броситься въ саклю. Абрекъ предугадалъ эти соображенія и, не выпуская конечной пули, успѣлъ зарядить снова револьверъ. Стоявшіе недалеко отъ дверей здоровенный мужчина вахмистръ и трубачъ не выдержали ожиданія и ринулись въ саклю. Послышались изнутри выстрѣлы; трубачъ выскокучь съ разбитой нашкой. Абрекъ закрылся второю дверью и черезъ щель пустилъ въ вахмистра, стиснутаго въ узкомъ чуланѣ, три пули, которыя, пролетѣвъ подъ подбородкомъ браваго молодца не зацѣпивъ его, вонзились въ стѣну. Разгорячившійся солдатъ схватилъ за высунувшійся въ отверстіе конецъ ствола револьвера, желая его вырвать, но пуля пронизала ему руку и онъ шархнулся назадъ. Пользуясь этимъ моментомъ, абрекъ опять успѣлъ зарядить свое оружіе, высунулся изъ дверей и открылъ пальбу по офи-

церамъ, но вдругъ повалился самъ на землю. К—зовъ подбѣжалъ къ нему и наступилъ ногой на правую руку. Кисть разжалась и выпустила револьверъ, а пальцы, судорожно сжимаясь, скребли по землѣ, точно искали оружія. Подскочили и другіе, но ужъ остерегаться было нечего, онъ былъ мертвъ. Его пронизали три пули. Когда присутствующіе немного успокоились, кому-то пришла мысль, а вдругъ убили не Шемхина, а мирнаго, но горячаго какого-нибудь жителя.

— Бываетъ, это бываетъ! вставилъ словцо пожилой пассажиръ.

— Шемхинъ упалъ на правый бокъ и закрылъ свою примѣту, обгрызанное еще въ дѣтствѣ лошадыю ухо. Пока поднимали голову, казалось, цѣлый часъ прошелъ. Слава Богу, оказался дѣйствительно Шемхинъ. Вскорѣ и еще четырехъ человѣкъ изъ его шайки поймали. Повелись они на хуторъ—къ одной русской княжнѣ, у которой управляющимъ былъ туземецъ, ихъ кунакъ. Кормилъ онъ разбойниковъ и деньги откупныя давалъ, наконецъ, это ему наскучило, да и они потребовали у него сто рублей. Довелъ онъ до свѣдѣнія начальства. Помощникъ начальника округа былъ дѣятельный офицеръ, горячій охотникъ. Условились относительно обстановки капкана. Въ назначенный день и часъ вышелъ управляющій въ пустынную балку къ разбойникамъ, съ закуской и деньгами. Сталъ онъ подносить

имъ водку. «Пей, говорятъ, ты первый, а то водка у тебя отравленная». Тотъ и этакъ и такъ, отказывается, водки-де никогда не пьетъ; однако долженъ былъ опрокинуть въ себя рюмку и нарочно поперхнулся, выплюнулъ. Водка, дѣйствительно, была не чистая, а съ хлороформомъ. Почуяли они, видимо, недоброе и не дотронулись. Чѣмъ бы это недоразумѣніе кончилось — неизвестно, но въ это время подоспѣла погоня. Одинъ изъ разбойниковъ, чтобы дать товарищамъ время растреножить лошадей и подтянуть подпруги, бросился впередъ къ подтѣзжавшимъ и на ходу выпустилъ нѣсколько пуль; но тамъ народъ тоже былъ бывалый, налетѣли и уложили всѣхъ четырехъ. Конечно и отъ нихъ досталось, — даромъ жизнь не отдали...

— Обыкновенно не такъ счастлива бываетъ погоня.

— Да ужъ и не говорите! Невѣроятно несчастливо... Такую разбойничью привольную сторону знаю только одну, окраинные парижскіе бульвары, тамъ, пожалуй, еще опаснѣе...

Для лицъ, направляющихся въ Петровскъ, пересадка въ Бесланѣ. Народу набралось такъ много, что отправленіе поѣзда пришлось задержать на два часа: вагоновъ не хватало. Классовъ уже никто не разбиралъ, сажались, гдѣ кто находилъ себѣ мѣсто.

Стемнѣло. Кое-гдѣ въ вагонѣ поддерживается разговоръ.

— Вчера ночью машиниста и кондуктора въ Грозномѣ убили,—слышится голосъ въ одномъ углу.—Господи, Боже мой, что за времена!

— Эхъ, все раздуваютъ! эхъ, раздуваютъ! И всего только помощникъ машиниста, да еще можетъ быть свои же постарались,—зѣвая замѣчаетъ кто-то рядомъ, укладываясь на ночлегъ.

Поѣздъ тихо прорѣзываетъ страну ингушей, этого буйнаго отпрыска чеченскаго племени. Ночь, лучшій покровъ для хищныхъ походовъ, темнымъ покрываломъ спустилась надъ нами. Отъ разговоровъ о постоянныхъ разбояхъ начинается, что подлѣ полотна мелькаютъ тѣни грабителей, собирающихся напасть на какую-нибудь сторожку или караулку. Что это? Слышится жалобный голосъ и какой-то подозрительный стукъ. Высовываюсь изъ окна. Отъ паровоза потянуло нефтью, а степной вѣтеръ силится сорвать дорожную фуражку. Въ полѣ, подлѣ смутно очерченныхъ громадныхъ скирдъ, виднѣется костеръ и теперь уже ясно слышится зурна, бубенъ и мѣрные хлопанія десятковъ ладошъ.

Въ эту минуту и оттуда можетъ быть смотреть кто-нибудь на нашъ поѣздъ, смотреть, и грустная дума гложетъ его: зачѣмъ пришли вы сюда, сѣверные варвары? Зачѣмъ принесли порохъ и

шттыкъ въ нашъ когда-то свободный край? Зачѣмъ отняли земли? Зачѣмъ, зачѣмъ?.. И, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, локомотивъ, желѣзный конь цивилизаціи, неистовымъ побѣднымъ посвистомъ оповѣстилъ спавшій край о стихійномъ, неудержимомъ движеніи его повелительницы—культуры...

Утромъ рано мелькнула синяя полоса Каспійскаго моря и поѣздъ остановился въ Петровскомъ портѣ. О разбойникахъ тутъ не говорятъ, здѣсь другіе страхи. Лихорадка, прежде рѣдкая гостя Петровска, свила за послѣднее время въ городѣ гнѣздо. Въ этомъ году малярія свирѣпствуетъ съ особенной силой и, по слухамъ, насчитываютъ нѣсколько смертныхъ случаевъ. Положимъ, въ Дагестанѣ всѣ болѣзни подводятся подъ одну категорію,—заболѣлъ, значитъ, лихорадка; но безспорно малярія достигла здѣсь сильнаго, эпидемическаго напряженія. Горожане пожелтѣли, румяныхъ лицъ не видно.

Сильное развитіе болѣзни объясняютъ поднятіемъ землечерпательницами наносовъ изъ бухты и взрыхленіемъ почвы при постройкѣ желѣзной дороги и замощеніи улицъ. Какъ-то плохо этому вѣрится. Казалось бы прежде всего надо искать причинъ въ плохомъ санитарномъ состояніи жилищъ, плохомъ водоснабженіи и негигіеничномъ образѣ жизни обитателей; но нельзя упускать изъ виду, что всѣ эти условія были и прежде всегда

налицо и малярія не производила такого опустошенія.

Малярія и разбойники — это два кавказских бича и страшные пугалы для переселенцевъ. Пока силы ихъ въ корнѣ не будутъ подорваны, до тѣхъ поръ въ Закавказье неохотно будутъ заглядывать русскіе. Малярія еще губительнѣе разбойниковъ и желательно систематично и неустанно бороться съ нею не только медикаментами, — но принятіемъ ряда санитарныхъ мѣръ. Въ чемъ должны заключаться эти мѣры? Это дѣло врачей — сказать свое вѣское слово и притомъ послѣ обстоятельнаго изученія мѣстныхъ условій. Такъ смотрѣть, какъ теперь: охатъ и раздавать порошки хинина, невозможно...

Отъ Петровска до Баку строится желѣзная дорога, одна изъ вѣтвей цѣлой сѣти путей, «пѣе Владикавказской». Какое пріятное чувство испытываешь, когда видишь осуществленіе тѣхъ мыслей, которыя проводилъ въ печати! Не мало я горячился, говорилъ, спорилъ, доказывалъ и писалъ о цѣлесообразности соединенія Владикавказской дороги съ Закавказьемъ не черезъ горный перевалъ, а по плоскости, черезъ Петровскъ—Дербентъ—Баку. Постепенно истинныя государственныя потребности, сопряженныя съ этой линіей, одержали верхъ надъ другими теоретическими соображеніями и въ будущемъ году, при желаніи, можно будетъ изъ Петербурга до-

катиться въ вагонѣ безъ пересадки до Баку, Тифлиса, Батума и Карса. Постройка новой линіи обойдется въ 12—15 милліоновъ, т.-е. по крайней мѣрѣ въ четыре раза дешевле, чѣмъ постройка «Перевальной», рискованной дороги, которая бы прошла по безлюдной и пустынной мѣстности. Здѣсь же въ Дагестанѣ и въ Бакинской губерніи дорога пролегаетъ большей частью по мѣстности съ экономическимъ будущимъ.

Временное движеніе открыто уже почти до самаго Дербента. Ежедневно къ рабочимъ поѣздамъ прицѣпляютъ нѣсколько пассажирскихъ вагоновъ, набитыхъ туземцами. Предполагали, что мѣстныхъ дагестанскихъ грузовъ почти не будетъ. Оказывается, это ошибочно. Одни рыбныя ватаги, унизывающія берегъ моря, даютъ уже теперь значительный грузъ и строятъ даже свои платформы. Съ сѣвера везутъ кукурузу для здѣшнихъ горцевъ, которымъ далеко не хватаетъ своего хлѣба на прокормленіе. Однимъ словомъ, съ помощью дороги уже начался товаро-обмѣнъ; локомотивъ начинаетъ будить дремавшій край и по рельсамъ разливается по Дагестану новая жизнь. Надѣются на нефтяные грузы не только бакинскіе, но и мѣстные дагестанскіе.

За послѣднее время здѣсь появились признаки нефтяной горячки. Пока, впрочемъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ пріобрѣтенія участковъ, въ которыхъ предполагаются залежи драгоцѣнной

жидкости. Сколько мнѣ извѣстно, буровыя заложены были въ трехъ мѣстахъ: недалеко отъ Петровска, верстахъ въ шестнадцати, у Каякента и въ Берикеѣ. Первыя двѣ попытки были неудачны, большія надежды возлагаются на послѣднюю группу. Здѣсь казенная дача, около 1,000 десятинъ, вся разобрана «подъ заявки». Что-то будетъ впереди? А пока это большой вопросительный знакъ.

Желѣзнодорожныя сооруженія выглядываютъ очень нарядно. Великолѣпнѣйшій желѣзный мостъ, смѣло перекинутый на головокругительной высотѣ черезъ рѣчку Монасъ. Мостовъ вообще по линіи много, такъ какъ приходится пересѣкать сотни ручейковъ и канавокъ.

Владикавказская дорога особенно заботливо относится къ древеснымъ станціоннымъ насажденіямъ и за это исполать ей. Вообще люди, стоящіе во главѣ этого учрежденія, видимо энергичные, заботливые хозяева, неустанно какъ Немвродъ, «промышлявшій передъ Господомъ», такъ они—передъ правительствомъ. За послѣднія двѣнадцать лѣтъ бывшая по началу черепашья линія дала сильныя питательныя ростки: на Новороссійскѣ, Царицынѣ, Ставрополѣ, Минеральныя воды, Петровскѣ, Баку, а теперь идутъ изслѣдованія для соединенія ни больше, ни меньше, какъ съ Челябинскомъ! Отъ Баку до Челябинска—дистанція огромнаго размѣра. Дорога выросла

такимъ образомъ въ страшнаго гиганта, продолжающаго носить имя города, оставшагося теперь совершенно въ сторонѣ отъ большого движенія, очутившагося на слѣпомъ отросткѣ... Вѣроятно съ момента открытія проектированной сѣверо-восточной,—Челябинской вѣтви измѣнится и названіе желѣзнодорожной группы, «пѣе Владикавказской».

Линіи Ростовъ—Баку и Царицынъ—Новоросійскъ имѣютъ первостепенное значеніе и не могутъ быть причислены къ тѣмъ окраиннымъ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ, для осуществленія которыхъ пришлось поступиться самыми животрепещущими интересами центра Россіи. Владикавказская сѣть, несомнѣнно, оживила край, придвинула его къ внутреннимъ губерніямъ, потянула нескончаемые грузы съ юго-востока Россіи къ незамерзающему черноморскому порту, открыла новый выходъ для нефти и дала возможность уменьшить численный составъ кавказскихъ войскъ.

Успѣхи, оказанныя здѣсь въ дѣлѣ строительства и эксплуатаціи, приписываютъ тому, что сѣть управляется частнымъ обществомъ. Нѣкоторые инженерные авторитеты категорично заявляютъ, что «въ интересахъ прегрессивной эволюціи» слѣдуетъ предоставить постройку новыхъ дорогъ частнымъ обществамъ, работы которыхъ-де «неизмѣримо выше нашего казеннаго способа».

Не слишкомъ ли, однако, рѣшительно становится приговоръ надъ системами. Во-первыхъ, дороги дорогамъ рознь... А затѣмъ, если бы явились предприниматели, которые *всецѣло* на свой страхъ взялись бы строить не магистрали, а подъѣздные пути, то такимъ, буде правительство само строить не можетъ, мѣшать не слѣдуетъ. Но гдѣ они—эти чудаки? Прежде о нихъ мало слышно было, теперь стали говорить, но мнѣ какъ-то мало вѣрится въ расцвѣтъ безусловно частной желѣзнодорожной предприимчивости. Что же касается особыхъ преимуществъ свободного творчества въ области желѣзнодорожнаго строительства, то знаетъ ли кто изъ насъ такую дорогу, возведенную частнымъ обществомъ, которая служила бы образцомъ «дешевизны и технического прогреса»? Съ другой стороны, каждый изъ насъ, нисколько не насилуя свою память, можетъ переименовать нѣсколько концессионеровъ, нажившихъ себѣ бѣшенныя деньги на постройкахъ. Недавно еще въ газетныхъ статьяхъ разоблачались очень крупныя безпорядки на одной вновь испеченной частнымъ обществомъ сѣверной дорогѣ. Эти разоблаченія не только не подтверждаютъ дешевизны сооруженія и технического прогреса, а наоборотъ, свидѣтельствуютъ совершенно о противоположномъ.

Для постройки желѣзныхъ дорогъ нужны деньги и люди. Первый элементъ скорѣе и дешевле мо-

жетъ получить правительство, а что касается людей... то это зависитъ отъ выбора ихъ; инженеры не родятся ни спеціально-казенными, ни спеціально-частными дѣятелями. Вопросъ сводится слѣдовательно къ способу составленія и утвержденія смѣтъ, установленія условій подряда, системы разрѣшенія работъ, контроля и другимъ признакамъ административно-бумажной стороны предпріятія.

Надо полагать, что существующія въ настоящее время правила тормозятъ работу. Однако, неужели ихъ нельзя привести къ соотвѣтствію съ насущными жизненными потребностями?! Почему не упростить функціи центральныхъ органовъ управленія и надзора? Отчего матеріально не заинтересовать казенныхъ строителей? Если частное общество находитъ выгоднымъ платить громадныя суммы руководителямъ дѣла, то развѣ не можетъ и правительство, не сообразуясь съ чинами и положеніемъ, заплатить такія же деньги своимъ агентамъ, своимъ выдающимся техникамъ-спеціалистамъ! Вѣдь получаютъ же артисты вдвое, втрое и вчетверо болѣе директора театровъ и никого это не удивляетъ, не тревожитъ. Конечно, расцѣнка заработка спеціалистовъ должна быть «не штатная», уравнивающая талантъ съ посредственностью, а личная. Напримѣръ, за энергію, знаніе, инициативу и силу характера, скажемъ, напримѣръ, К—за безубыточно можно

заплатить 100 тыс. жалованья, а находящемуся на соответствующемъ посту Х—у и 10 тыс. красная цѣна.

Во всякомъ случаѣ сглаживаніе формальностей и сближеніе различныхъ «правилъ» съ дѣйствительностью не такія непреодолимые препоны, предъ которыми приходится отступать и платить за частную предпріимчивость чудовищные, многомилліонные куртажи.

За 1897 г. длина частныхъ дорогъ (12,662 вер.) по отношенію къ казеннымъ (24,816 верстъ) составляла лишь около 50 проц. ихъ; въ этомъ году строится вмѣстѣ съ Сибирской (3,975) всего 11,151 верста и изъ нихъ частныхъ — 5,515, слѣдовательно уже почти поровну; а вновь разрѣшенныхъ къ постройкѣ казенныхъ — 324 версты, а частныхъ 1,942!..

Такимъ образомъ $\%$ отношеніе строящихся частныхъ дорогъ къ путямъ, возводимымъ казною, значительно выросло по сравненію съ $\%$ отношеніемъ уже открытыхъ линій. Лично я этому не радуюсь. Если такъ дѣло пойдетъ, то не далеко то время, когда частная дорога опять осилитъ казенныя линіи. Въ Финляндіи, съ начала постройки желѣзныхъ дорогъ въ этомъ экономномъ краѣ, съ 1862 года, и до сихъ поръ единственнымъ строителемъ и владѣльцемъ является мѣстная областная казна. Исключеніе

сдѣлано только для маленькой, въ 33 километра, Боргоской вѣтки.

Въ этой бѣдной странѣ, съ 2 милліонами лишь жителей, выстроено уже болѣе 2,100 километровъ желѣзныхъ путей, и выстроено прочно и дешево.

Пути сообщенія составляютъ неотъемлемую, очень важную часть государственнаго организма и должны быть собственностью казны. Строить ихъ самому государству, съ соблюденіемъ, конечно, благоразумной экономіи, казалось бы выгоднѣе, чѣмъ выкупать возведенныя уже линіи, такъ какъ всякій предприниматель, не смотря ни на какія предварительныя условія, за уступку своего добра будетъ домогаться получить, помимо дѣйствительно-израсходованной имъ суммы, еще нѣкоторый плюсъ и отказать ему въ этомъ нельзя. Къ тому же, за малымъ исключеніемъ, доходность дорогъ усиливается, слѣдовательно и покупная ихъ стоимость увеличивается. Нельзя также никогда забывать, что ни одинъ долгосрочный контрактъ, ни одно многолѣтнее обязательство частныхъ предпринимателей къ казнѣ никогда не кончались къ благополучію правительства. Это вытекаетъ изъ свойства человеческой природы и сдѣлалось уже правиломъ...

Въ 1897 году чистый доходъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ выразился почтенной суммой 138 милліоновъ, составляющихъ 44,58 проц. валового дохода, что, по сравненію съ 41,86 проц.

за 1895 годъ, является прогресомъ и хорошимъ показателемъ въ смыслѣ желательности расширения казенной сѣти.

Станціонные дома и дорожныя караулки на новой линіи выглядываютъ очень кокетливыми и помѣстительными зданіями. Можетъ быть, только было бы гигиеничнѣе для жилыхъ помѣщеній устраивать вторые этажи, какъ это дѣлаютъ туземцы, жители плоскости. Новая дорога идетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега моря, иногда придвигаясь и очень близко къ Каспію. Горы спускаются на плоскость красивой зеленой декорацией и, ежеминутно мѣняя свой колоритъ и очертанія, веселятъ глазъ.

По сторонамъ полотна виднѣются большіе курганы, могильные слѣды народовъ, двигавшихся черезъ эти ворота изъ Азіи въ Европу и обратно. Былое быльемъ поросло... Когда взглянешь на чудный лазоревый куполъ, покрывающій своей гигантской шапкой и синее море, и невоздѣланную степь, и дикія горы; когда вспомнишь, что за много-много столѣтій человѣчество не оставило здѣсь другихъ слѣдовъ, кромѣ этихъ земляныхъ памятниковъ, этихъ кургановъ, засыпавшихъ тысячи лѣтъ назадъ кости невѣдомыхъ мнѣ воиновъ, становится грустно, тяжело. Но это совсѣмъ не то щемящее и сердце разрывающее чувство, которое охватываетъ при видѣ небольшихъ

бугорковъ съ новенькими деревянными крестами, при видѣ этихъ свѣжихъ могилокъ...

Здѣсь нашли покой себѣ отъ маляріи желѣзнодорожные рабочіе, издалека, изъ внутреннихъ губерній нуждой пригнанные въ незнакомую имъ сторону, въ незнакомыя условія. Бѣдныя головушки! И за нашъ вѣкъ сколько сотенъ тысячъ ихъ слегло такъ, вдали отъ дома, на чужбинѣ, при различныхъ переселеніяхъ и на дальнихъ работахъ... Вотъ и здѣсь, на проложениі новой дороги, останется послѣ нихъ печальный слѣдъ.

Говорятъ рабочему: не пей сырую воду, не ѣшь зелени и фруктовъ, не лежи на землѣ. Гдѣ же ему уберечься отъ этого! Солнце печетъ, жажда одолеваетъ, а въ баклагѣ вода такъ вкусно булькотитъ; вокругъ кусты ежевики осыпаны спѣлыми ягодами и у самой дороги раскинулся баштанъ съ сладкими дынями. Не устоять ему противъ соблазна. На сырую землю ложись — не ложись, все равно спать придется въ землянкѣ, а это не лучше. Не успѣли осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, а въ артели уже заболѣлъ одинъ, заболѣлъ другой, остальные съ перепугу бросились въ «Рассею»... И не только пришлые рабочіе, но и мѣстные жители и вся іерархическая желѣзнодорожная лѣстница качается отъ болѣзни. Этотъ годъ безпримѣрно губителенъ. По словамъ инженера, больныхъ вдвое противъ прошлагодняго, несмотря на

значительное уменьшение количества рабочихъ. Боленъ начальникъ станціи, боленъ желѣзнодорожный мастеръ, боленъ подрядчикъ, умеръ машинистъ, сбѣжали рабочіе,—караулъ!..

Многіе землекопы доставлены сюда «губонинами» съ подводами. Нѣкоторые захватили съ собою и семьи. Дѣти и женщины, съ одной стороны, пріятно оживляютъ желѣзнодорожные bivaki, съ ихъ землянками и куренями; но зато несчастный видъ заболѣвшихъ ребятъ и бабъ наводитъ на тяжелыя мысли. Вотъ у станціи подъ навѣсомъ изъ хвороста виднѣются безучастно относящіяся ко всему окружающему маленькія бѣлоголовыя изможденные фигурки; а подлѣ нихъ, несмотря на грѣющее солнце, сильно закутанная, въ валенкахъ, еле бродитъ женщина съ желтымъ лицомъ и раздуваетъ позеленѣвшій отъ плѣсени самоваръ.

Кто изъ васъ осилитъ болѣзнь? Кто изъ васъ вернется домой? И съ чѣмъ вы пріѣдете? Эхъ, горемычные!..

Надо надѣяться, что малярія этого года—быстро проходящая кара. Дастъ Богъ, къ будущему году примутъ нужныя санитарныя мѣры, и она будетъ стиснута въ рамки негубительной болѣзни.

Прикаспійская дорога пролегаетъ по мѣстности, хотя и не безлюдной, но мало еще населенной; поэтому, не обижая туземцевъ, гнѣздящихся больше въ горахъ, здѣсь есть мѣсто для устрой-

ства русскихъ поселеній. Но поселенцы должны быть здѣсь сразу поставлены въ удовлетворительныя санитарныя условія. Заботливо нужно отнестись къ выбору мѣста для селеній, устроить имъ двухъ-этажные домики, организовать врачебный надзоръ, а также указать и присмотрѣть за веденіемъ сельской культуры, соотвѣтствующей мѣстнымъ климатическимъ, почвеннымъ и экономическимъ условіямъ. На произволъ судьбы переселенцевъ здѣсь нельзя бросать: или перемрутъ, или разбѣгутся. Нужна заботливая, любящая рука. За послѣднее время колонизаторскія наши усилія направлены на крайній Востокъ. Я думаю, что для укрѣпленія нашей силы въ Азіи необходимо не только войсками, но и многочисленными русскими поселеніями прежде всего крѣпко сѣсть въ Зауральскихъ степяхъ, въ Средней Азіи и Прикаспійскихъ областяхъ. Тогда корпусу громаднаго государственнаго корабля не будетъ грозить переломъ въ центрѣ киля. Нельзя упускать изъ виду того, что для нашихъ активныхъ, сухопутныхъ операцій противъ великой морской державы, операцій, о которыхъ очень много говорятъ, надо не только добрую волю, но кой-что и другое, въ число котораго входитъ и вполне обеспеченная база. Послѣднее же будетъ достигнуто тогда, когда по дорогамъ: отъ Петровска въ Персію, отъ Красноводска въ Гератъ, отъ Оренбурга въ Ташкентъ и отъ послѣдняго даже на

бухарскую и западно-китайскую границу вырастет непрерывная цѣпь казачьихъ станицъ, промышленныхъ слободъ, и повсюду на этомъ протяженіи будетъ слышаться русская рѣчь. Можемъ вздохнуть спокойно лишь тогда, когда вмѣсто грязныхъ духановъ съ нашей водкой будутъ здѣсь повсюду виднѣться школы съ русскими учителями, когда по всѣмъ этимъ громаднымъ линіямъ понесутся съ призывомъ къ молитвѣ Всевышнему не только зычные вопли правовѣрныхъ съ высоты минаретовъ, но и радостный звонъ колоколовъ православныхъ церквей.

Надо спѣшить покрыть колоніями болѣе близкія къ центру Россіи и къ тому же богатѣйшія южныя и юго-восточныя наши окраины. Жизнь не ждетъ, и сегодня свободныя земли завтра уже будутъ заняты; тогда поздно будетъ направлять русло переселенія въ инородческую толщу. За послѣдніе годы Эриванская губернія и Карсская область быстро заселились иноземными выходцами, которыхъ никто не просилъ, никто не приглашалъ. Примѣръ поучительный...

Въ сентябрѣ желѣзная дорога еще не дошла вплотную до Дербента и послѣдній перегонъ пришлось сдѣлать на лошадяхъ. Вотъ весь окутанный большими садами аулъ. На околицѣ внушительныя скирды хлѣба. Молотятъ лошадьми и

буйволами. Бѣдныя животныя, понуря головы, вертятся по току, возя за собой платформочку, на которой стоитъ погонщикъ. При этомъ способѣ солома проходитъ точно черезъ соломорѣзку и обращается въ саманъ, главную пищу мѣстныхъ лошадей и скота.

Горная вода, прокопавшая себѣ глубокое дно, привѣтливо журчитъ въ аульной рѣчкѣ. Перезѣжаемъ черезъ не особенно исправный мостъ; правая пристяжная пугливо жметъ и похрапываетъ, бережно сторонясь отъ края моста. Сельское стадо возвращается домой; среди скота не видно коровъ, все черныя, густо вымазавшіяся въ грязи, нескладныя буйволицы, съ страшно бассистыми, скрипящими голосами. Подлѣ нихъ забавно рѣзвятся молодые буйволята и тутъ же, красиво поднимая головки, гордо выступаетъ конскій молоднякъ. Лошади здѣсь не крупныя, но съ темпераментомъ карабахскихъ кровей; нерѣдко встрѣчаются рѣзвые иноходцы золотистой масти.

На желѣзной дорогѣ намъ говорили, что буйволы очень недружелюбно относятся къ рельсовому пути, не обращаютъ вниманія на свистки и пробуютъ взять поѣздъ на рога. Шкура этихъ животныхъ настолько крѣпка и эластична, что колеса паровоза ее не перерѣзываютъ, а обращаютъ животное въ мѣшокъ съ костями.

Съ плоскими крышами двухъ-этажныя сакли изъ сырцоваго кирпича, акуратно обмазанныя

скучной для глазъ глиной, тѣсно прижались другъ къ другу. На крышахъ разложены длинные ряды тыквъ, а балконы унизаны ожерельями кукурузы, крупнаго луку, чесноку, краснаго перца и баклажанъ. Улица узкая. Воздухъ спертый. Собаки злыя. Населеніе почти все на току, на работѣ. Тяжело ступая, показалась изъ-за угла нагнувшаяся женщина съ металлическимъ высокимъ кувшиномъ; за плечами у нея примостился ревущій ребенокъ. Увидѣвъ насъ, она юркнула въ переулокъ, а мальчикъ моментально замолчалъ. Изъ окошка высунулась хорошенькая дѣвочка и игриво показала намъ языкъ. Подлѣ крохотной лавочки съ табакомъ и разной мелочью остановились два откуда-то взявшихся русскихъ рабочихъ въ очень легкихъ костюмахъ и безъ всякихъ котомокъ или другой ноши.

— Куда Богъ несетъ?

— Въ Дербентъ! Слышали, работа тамъ есть. Печники мы. Да вотъ, чортъ татарскій не хочетъ понимать, что намъ спички надо. По-ихнему же говорю ему: «спички варъ?», а онъ лопочетъ безъ толку.

Мой спутникъ пригласилъ рабочихъ къ себѣ въ сосѣднее съ ауломъ имѣніе на работу.

— Долго не заживутся, видны птицы по полету. Видите, съ ними никакихъ вещей нѣтъ; увѣренъ, все пропито. Вотъ и у насъ подкормятся, за недѣлю заработокъ получаютъ и гайда въ Дер-

бентъ, тамъ все и спустятъ. Такія отравленныя водкой перелетныя птицы здѣсь начинаютъ чаще и чаще показываться. У меня въ экономію поступилъ фельдшеръ, тоже такой же путешественникъ. Когда трезвъ—золото, а не человѣкъ. Не пьетъ же только въ то время, когда водки нѣтъ, а въ имѣніи этой влаги достать нельзя. Хотя, впрочемъ... можетъ быть и можно. Въ прошломъ году я поймалъ въ корчемствѣ одного рабочаго, горскаго еврея. Ловкій парень! Жилъ онъ подлѣ виноградника въ общей землянкѣ съ односельцами и надумалъ разбогатѣть на водкѣ. Прежде всего надо было освободиться отъ свидѣтелей, и вотъ отъ тайкомъ проложилъ трубку изъ оросительной канавы въ землянку. Жилье стало затоплять, всѣ выселились, а онъ закрылъ трубку, остался и наединѣ принималъ русскихъ рабочихъ, желавшихъ раздобыть водки. Обиженные, а можетъ быть и конкуренты, донесли мнѣ, а я передалъ акцизному надзирателю. Предпріимчиваго сына Израиля накрыли съ поличнымъ и не помиловали. Это—острастка для другихъ.

Къ печальной сторонѣ кавказской жизни нельзя не отнести постепенное развитіе пьянства. Наша культура подточила мусульманскую испытанную трезвость. Сначала она поколебалась среди привилегированныхъ туземныхъ классовъ, среди тѣхъ лицъ, которыя приглашались хлѣбосольнымъ русскимъ служивымъ людомъ на «закуски» и

обѣды, а теперь дѣло дошло и до простого народа. Скорѣе бы и здѣсь открылась казенная продажа питей! На кавказцевъ спиртъ губительно дѣйствуетъ не только путемъ постепеннаго отравленія организма, но, не отодвигая гибель вдаль, быстро повышаетъ азіатскую возбужденность и приводитъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Въ этомъ самомъ аулѣ, правда, уже давно одинъ изъ вліятельныхъ бековъ, въ личныхъ видахъ, пожелалъ освободиться отъ своихъ сонаслѣдниковъ, родственниковъ и свойственниковъ. Онъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, напоилъ и завелъ между ними ссору. Быстро полилась пьяная кровь, а кто пытался бѣжать, тѣхъ приканчивали во дворѣ нукеры хозяина. Потомъ властямъ немыслимо было разобрать, кто на кого въ общей свалкѣ напалъ... Въ одинъ вечеръ бекъ избавился отъ всѣхъ конкурентовъ.

Теперь бековъ осталось мало и между ними нѣтъ желающихъ устраивать Варооломеевскія ночи. Мѣстная аристократія—вѣроятно одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ и выработала себѣ особый непоколебимо-властный взглядъ на простонародье. Долгая кавказская война разорила ихъ, не позволила подняться образовательно до европейскаго уровня и теперь, подъ наплывомъ новой жизненной волны, они качаются. Не знаю, устоятъ ли? Нельзя не отмѣтить очень тревожнаго признака. У наиболѣе извѣстныхъ дагестанскихъ бековъ,

несмотря на большое у нѣкоторыхъ число женъ, нѣтъ потомства...

Мы догоняемъ длинный обозъ. Везутъ боченки съ цементомъ для строящагося на рѣкѣ Самурѣ моста. Въ арбы запряжены верблюды. Мѣрною поступью, слегка покачиваясь, терпѣливо тянутъ они тяжелый грузъ. Внезапно лошади наши ша-рахнулись въ сторону и по дорогѣ понеслось свирѣлое, негодующее рыданіе передняго верблюда. Непріятный, рѣжущій ухо звукъ. Точно рычалъ вагнеровскій оперный драконъ. Больно ли кораблю пустыни? Тяжело? Или онъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что его, верховое животное, впрягли въ телѣгу и заставляютъ возить матеріалъ для желѣзной дороги, съ проведеніемъ которой верблюдамъ придется исчезнуть...

Навстрѣчу намъ ѣдутъ три всадника, съ локонами на вискахъ. Это цѣлая еврейская семья. Впереди старикъ, съ строгой библейской фигурой. За нимъ красивый, съ красными губами и влажными глазами юноша, рядомъ съ которымъ лихо гарцовалъ жизнерадостный, толстенькій, кругленькій, знакомый мнѣ еврей-садовникъ. Показывая на него, мой спутникъ говоритъ, что на послѣднихъ народныхъ скачкахъ ему хотѣлось взять призъ; онъ задолго началъ практиковаться, но полетѣлъ съ лошадыю и сломалъ себѣ руку. Теперь совсѣмъ оправился. Горскіе евреи вооружены кинжалами и пистолетами, что,

однако, не мѣшаетъ мѣстнымъ мусульманамъ скептически относиться къ ихъ храбрости. Впрочемъ, по рассказамъ старожиловъ, въ шамилевскія времена среди горскихъ евреевъ попадались лазутчики, прославившіеся не только удивительной находчивостью, но и выдѣляющейся отвагой.

Солнце закатывается за горы. На полянкѣ, близъ кустарника, показался фазанъ и тотчасъ же скрылся. Пахнуло вѣтеркомъ и откуда-то пронеслось гоготанье гусей. Сумерки быстро опускаются на землю. Топотъ копытъ явственнѣе разносится въ вечерней тиши. Повѣяло предательской прохладой.

— Накиньте-ка шинель! А то какъ разъ хватите лихорадку.

Мнѣ вспомнилась картина на французской художественной выставкѣ: надъ пышнымъ экзотическимъ пейзажемъ поднимается малярія—сѣрая женщина съ неопредѣленными контурами и съ горящими ужасными глазами; страшное привидѣніе безшумно движется по роскошной странѣ, безжалостно сѣя смерть, оставляя за собой трупы и скрежетъ зубовой... Неужели и тутъ паритъ надъ нами это призрачное, сѣрое, безпощадное созданіе?! Нѣтъ, нѣтъ! Всѣ наши російскіе злые духи проще и наивнѣе западно-европейскихъ. Съ ними и ладить, и справляться легче...

— Это что еще здѣшняя лихорадка!—успокаиваетъ насъ бывалый офицеръ. А вотъ какъ меня трепанула въ 1873 году въ Хивѣ, вотъ это лихорадка! Чтобъ ей на томъ свѣтѣ вспомянулось! Послѣ похода какъ ворвались въ городъ, ну, конечно, пятое-десятое, съѣлъ лишнее, выпилъ какой-нибудь дряни, въ кителѣ вечеромъ посидѣлъ, прапорщикъ восемнадцатилѣтній вѣдь былъ! Какъ трепанула она меня, анаоемская: прощай, братъ, хозяйскіе горшки! Въ обморочномъ состояніи обрѣтался. Ротный командиръ, Тимофей Петровичъ вылечилъ. Пришелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, пятое-десятое, да и говоритъ: «плохо твое дѣло, Василій Александровичъ, не вернуться тебѣ домой».—Неужели,—черезъ силу спрашиваю, — неужели, Тимофей Петровичъ, я умру? — «Самъ, говоритъ, видишь, пятое-десятое, на кого ты похожъ». И такъ мнѣ вдругъ жалко себя стало, такъ не захотѣлось умирать, что... взялъ да и выздоровѣлъ на зло почтенному Тимофею...

Пока мы бесѣдовали о лихорадкѣ,—грандіозная, величественная декорація южнаго осенняго неба уже была готова. На темномъ фонѣ гигантскаго воздушнаго шатра разнообразно свѣтились вѣчныя звѣздочки, а на ярко закраснѣвшемся горизонтѣ изъ-за зардѣвшагося облачка плавно-плавно приподнимался огненный «мѣсяцъ», и невидимый хоръ миріадовъ цикадъ гря-

нулъ свой привѣтственный неумолчный гимнъ ночной царицѣ. Изъ садовъ оставшагося въ сторонѣ аула слышалась заунывная, съ характерной восточной вибраціей, гортанная пѣсня. Мой спутникъ насторожился и сталъ отрывочно переводить содержаніе пѣсни. Неизвѣстный артистъ пѣлъ про старинную славу, про бои и побѣды...

Уже совсѣмъ ночью показались огоньки въ домахъ и на морскихъ судахъ. Мы пріѣхали въ Дербентъ. Ночь не мало способствуетъ украшенію города—старыя городскія стѣны кажутся незыблемыми, дома выступаютъ монументальнѣе и не видно ни пыли, ни грязи на улицахъ...

Пріятно послѣ долгой тряски растянуться на постели. Что это, однако, за подозрительное насѣкомое ползетъ по нижнему карнизу? Изъ соседней комнаты на консультацію приглашается мой спутникъ. Бррр! Скорпіонъ. Казнить его не милосердно! Скорпіонъ небольшой и врядъ ли укусъ его опасенъ. По крайней мѣрѣ въ Дербентѣ не приходилось слышать о губительныхъ послѣдствіяхъ ихъ укусовъ. Какъ извѣстно, у насъ на югѣ скорпіоны встрѣчаются во многихъ пунктахъ. Не избавленъ отъ нихъ ни Петровскъ, ни Тифлисъ, ни другія закавказскія и южно-крымскія поселенія; а потому это насѣкомое не можетъ служить особымъ, присущимъ Дербенту пугаломъ. Въ домахъ, гдѣ солидно устроены полы

и потолки, скорпіоны никогда не появляются. Во всякомъ случаѣ визитъ этого непрошеннаго гостя непріятно на меня подѣйствовалъ и витавшій уже надо мной сонъ совсѣмъ развѣялся.

Потянулся за газетой. Неудача! Это какой-то листокъ объявленій. Однако, будемъ читать съ толкомъ, съ разстановкой. Новость! Учреждается для эксплоатированія горныхъ богатствъ Кавказа универсальное общество съ громкимъ наименованіемъ «русско-кавказскаго». Странное заглавіе! На нашихъ окраинахъ въ просторѣчїи, правда, часто говорятъ: «поѣду въ Россію, привезъ изъ Россіи» и т. п.; но офіціально закрѣпленіе такихъ выраженій нежелательно. Это было бы развносильно: «франко-провансальскому», «германо-ганноверскому» и «итальяно-неаполитанскому» обществамъ. Да притомъ и не слѣдуетъ всуе, ни съ того, ни съ сего, притягивать дорогое слово Россія ко всякимъ коммерческимъ и банкирскимъ операціямъ. Подъ этимъ національнымъ флагомъ особенно любятъ развертывать свою дѣятельность господа инородцы. Почитаемъ далѣе. «Высочайше утвержденное Общество»... Опять «Высочайше утвержденное» — и здѣсь имя пріемлется всуе. Вѣдь всякое Общество можетъ приступить къ дѣятельности лишь послѣ утвержденія, а указанная добавка есть не что иное, какъ вопіющая реклама въ надеждѣ на расположеніе довѣрія къ себѣ потребителя.

Эти громкія и собственно непозволительныя при-
ставки напоминаютъ мнѣ иностранную визитную
карточку одного музыканта, который помѣтилъ,
что онъ артистъ собственныхъ театровъ Госу-
даря Императора Всероссійскаго и выписалъ чуть-
ли не весь малый царскій титулъ. По-своему онъ
былъ правъ и карточки вышли помпезныя...

Размышленія надъ объявленіями подѣйстви-
вали благотѣтельно и я заснулъ.

Какъ извѣстно, въ каждомъ государствѣ есть
нѣсколько своихъ собственныхъ «Швейцарій»,
своихъ «Бисмарковъ», своихъ «Мазини», есть и
свои «Ниццы». У насъ до сихъ поръ титуломъ
этимъ пользовалась одна Ялта, но за послѣднее
время выдвигается на эту же линію Сухумъ, а
съ Божьей помощью и на самомъ русскомъ изъ
морей—Каспійскомъ — можетъ расцвѣсти новая
Ницца, въ видѣ пробудившагося отъ тысячелѣт-
няго сна Дербента.

Здѣсь Кавказскій хребетъ, отдѣляющій гигант-
ской цѣпью сѣверный Кавказъ отъ Закавказья,
подходитъ почти вплотную къ Каспійскому мо-
рю и оставляетъ лишь узкую бережную по-
лосу, ворота для прохода народовъ. Въ этомъ
мѣстѣ издревле воздвигнута была грозная крѣ-
пость, монументальныя стѣны которой уходили
съ одной стороны въ море, а съ другой—тяну-
лись по горамъ, доходя до неприступныхъ вер-
шинъ. Южане, персы, потратили тутъ большія

средства и многіе годы усиленнаго труда, чтобы обезопасить себя отъ вторженія сѣверныхъ воинственныхъ племенъ. Надъ Дербентомъ пронеслось не одно тысячелѣтіе, пока, наконецъ, подѣстѣнами его въ 1722 г. не появились русскія войска, подѣ начальствомъ Петра Великаго. Дербентъ былъ завоеванъ; но при Аннѣ Іоанновнѣ возвращенъ Персіи вмѣстѣ съ другими южными прикаспійскими областями, часть которыхъ и до сихъ поръ не въ нашихъ рукахъ. Дербентъ, взятый въ 1796 году графомъ Зубовымъ, окончательно былъ присоединенъ къ Россіи въ 1806 г. генераломъ Булгаковымъ. Несмотря на почти столѣтнее наше владычество, городъ мало похожъ на русское поселеніе. Несомнѣнно, что желѣзная дорога должна многое измѣнить. Въ «Очеркахъ Кавказа» я уже указывалъ на желательность присоединенія къ Дагестанской области, подѣ одну желѣзную руку военнаго управленія, Кубинскаго уѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ о перенесеніи губернской резиденціи въ Дербентъ. Теперь, съ проведеніемъ дороги, вопросъ этотъ встаетъ еще настоятельнѣе.

Современная дагестанская столица Темиръ-Ханъ-Шура, стоя въ сторонѣ отъ движенія, никогда не расцвѣтая, совершенно завяла. Санитарныя ея условія неважныя. Количество жителей совершенно незначительное. Будущности никакой. Дербентъ, центръ наиболѣе богатаго производительными си-

лами и населеннаго района, имѣетъ всѣ шансы къ развитію. Очень желательно, чтобы ростъ города контролировался ближайшимъ губернаторскимъ надзоромъ. Съ перенесеніемъ губернскихъ учрежденій въ этотъ пока глухой уголокъ, надо полагать, направится сюда интеллигентная волна служащаго люда, которая благотворно воздѣйствуетъ на общее развитіе.

Кромѣ административнаго подъема, для Дербента необходимо учрежденіе реального училища, женской гимназіи и школы садоводства и винодѣлія. Шушинское реальное училище, даже и при перенесеніи губернскихъ учрежденій, не слѣдуетъ закрывать. Необходимо дать возможность мусульманской горской молодежи изучить основательно нашъ языкъ и получить образованіе, которое дало бы ей возможность принести истинную пользу родному краю.

Дагестанцы—геройскій народъ. Послѣ честнаго вѣковаго смертельнаго боя настало время побѣдителямъ и побѣжденнымъ крѣпко пожать руку другъ другу и трудиться на одной нивѣ. Туземцы—прирожденные воины и горская дворянская молодежь превосходный матеріалъ для выработки изъ нихъ истинно-боевыхъ офицеровъ. Многіе изъ дагестанцевъ выказываютъ недюжинныя способности къ разнымъ мастерствамъ. Слѣдовало бы дать возможность подростающему рабочему поколѣнію у себя, въ Дагестанѣ, усовершенство-

ваться въ профессиональной промышленной школѣ, а единственнымъ наиболѣе способнымъ юношамъ пройти курсы высшихъ спеціальныхъ институтовъ.

Серьезнымъ соперникомъ Дербента можетъ выступить Петровскъ, который стоитъ у желѣзной дороги и у порта, а потому также имѣетъ шансы приманить къ себѣ губернаторскую резиденцію. Однако, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Петровскъ далеко уступаетъ теплomu, обросшему прекрасными садами Дербенту, а по богатству и населенности ихъ районовъ нельзя и сравнивать эти два города. Въ Дербентѣ вызрѣваютъ самые нѣжные плоды, морозы здѣсь рѣдкое явленіе и нѣтъ неугомонныхъ, тоску навѣвающихъ и губящихъ фрукты петровскихъ вѣтровъ. Дербентъ—сухопутный ключъ ко всему восточному Закавказью. Наконецъ и по сѣдой тысячелѣтней древности своей онъ имѣетъ право на старшинство и на особый почетъ.

Въ настоящее время городъ представляетъ собою издали очень красивую декорацію, но при болѣе близкомъ осмотрѣ мало радуется глазъ. На берегу моря нѣтъ «променада», нѣтъ никакихъ купальныхъ приспособленій, но за то виднѣются амбары для склада рыбы, что не можетъ быть ни пріятно, ни здорово. Въ городѣ пыль, плохія мостовыя, отсутствіе сносныхъ квартиръ и гостиницъ.

При совмѣстной работѣ администраціи и городского управленія, Дербентъ могъ бы сдѣлаться курортомъ, купальнымъ и вообще лечебнымъ мѣстомъ для нашего Юго-Востока и обратиться дѣйствительно въ «Прикаспійскую Ниццу».

29-го сентября 1898 г.

1898 годъ

ЗАМѢТКИ ПО РАЗЛИЧНЫМЪ ВОПРОСАМЪ

* В. С. КРИВЕНКО.

Два назначенія.

Новый годъ принесъ назначенія на новые посты двухъ популярнѣйшихъ въ Россіи боевыхъ генераловъ—А. Н. Куропаткина и М. И. Драгомирова.

До сихъ поръ дѣятельность обоихъ главнымъ образомъ сосредоточивалась въ подготовкѣ войскъ къ бою съ будущимъ неизвѣстнымъ врагомъ. Одинъ стоялъ часовымъ у Герата, другой—сторожилъ австрійскую границу. Какъ ни почтенны и ни значительны были труды по управленію Закаспійской областью и кievскимъ военнымъ округомъ, но сфера эта въ мирное время не давала простора къ созидательной, творческой дѣятельности двухъ талантливыхъ и широко подготовленныхъ опытомъ и образованіемъ людей.

Талантливыхъ людей вездѣ немного; не составляемъ исключенія въ этомъ отношеніи и мы, русскіе. Поэтому такъ естественно желаніе использовать всю дѣеспособность удачно отмѣтившихъ себя военачальниковъ. Гроза войны, по счастью для человѣчества, разражается не такъ

часто, мирная же жизнь течетъ изо дня въ день и требуетъ способныхъ, мудрыхъ руководителей, а такими несомнѣнно являются А. Н. Куропаткинъ и М. И. Драгомировъ. Царскій выборъ на постъ военнаго министра и кievскаго генералъ-губернатора радостно пронесется по всему отечеству и сочувственно отзовется въ русскихъ сердцахъ. А. Н. Куропаткинъ получаетъ отъ уважаемаго, много и успѣшно потрудившагося своего предмѣстника отлично устроенное и богатое наслѣдство; но жизнь, стремительно двигаясь впередъ, отражается и на военныхъ учрежденіяхъ, которыя, примѣняясь къ требованіямъ минуты, должны входить въ новыя рамки, измѣняться и расширяться. Руководство вѣдомствомъ, стоящимъ государству 280 мил. р. въ годъ, потребуетъ громадной, гигантской работы, но не страшной такой талантливой и желѣзной натурѣ, которою, по счастію, обладаетъ А. Н. Куропаткинъ.

Юго-Западный край, эта колыбель святой Руси, въ наше время требуетъ правительственной опеки за русскими интересами, требуетъ отпора противъ посягательствъ иноплеменныхъ элементовъ. Острый и прозорливый умъ М. И. Драгомирова сумѣетъ отмѣтить наши слабыя стороны и найти лекарство для оживленія въ національномъ духѣ родного края, близко ему извѣстнаго, какъ малороссу и старому мѣстному служивому.

1-го января 1898 г.

Дагестанскія желѣзнодорожныя жертвы.

Со вновь строящагося Петровско-Дербентскаго участка Владикавказской дороги приходятъ неутѣшительныя вѣсти о санитарномъ состояніи рабочихъ. Климатическія и почвенныя условія прикаспійской плоскости Дагестанской области таковы, что при несоблюденіи опытомъ добытыхъ правилъ гигіены даже мѣстные уроженцы становятся жертвами страшной лихорадки. На постройку Петровско-Дербентскаго участка, какъ передаютъ, пріѣзжіе инженеры не взяли туземцевъ, а ими были выписаны русскіе землекопы и безъ надежной санитарной организаціи брошены на жертву губительной болѣзни. По слухамъ, не мало рабочихъ умерло отъ лихорадки, а многіе разбѣжались въ паническомъ страхѣ.

Правда-ли это? Можно ли допустить, чтобы желѣзнодорожное общество такъ безнаказанно обращалось даже и не съ «пушечнымъ», а «подрядчи-

чьимъ мясомъ»? Мѣстныя условія, конечно, хорошо были извѣстны гг. строителямъ, и не хочется вѣрить, чтобы ими было проявлено такое безсердечное отношеніе къ сѣрой, не понимающей, куда ихъ загнали, рабочей массѣ. Англичане, предпринимая экспедиціи въ экваторіальныя страны, такъ обставляютъ своихъ бѣлыхъ согражданъ, что они благополучно преодолеваютъ всѣ препятствія. Были ли приняты въ данномъ случаѣ необходимыя мѣры? Или землекопы причислены къ черной расѣ?

Хотѣлось бы разяснить тревожный слухъ о горестныхъ, напрасныхъ жертвахъ.

10-го февраля.

Борьба съ плутократіею *).

Въ такое время, какъ наше,—говоритъ покойный *Н. Х. Бунге* въ своихъ «Очеркахъ политико-экономической литературы»,—когда поклоненіе фетишамъ, воздвинутымъ разными ученіями, сдѣлалось чѣмъ-то довольно обычнымъ, нельзя не пожелать каждому мыслящему человѣку, серьезно относящемуся къ жизни и наукѣ, дорости до того... чтобы... смѣть свое сужденіе имѣть».

Послѣдніе отголоски «Панамы» и «Дрейфусъ-разврата» дали поводъ къ появленію въ нашей печати ряда интересныхъ статей, знакомящихъ насъ съ угрожающимъ положеніемъ, занятымъ въ современной Франціи инородческой плутократіей. Несомнѣнно, что и въ остальныхъ государствахъ Западной Европы эта народившаяся злая сила пустила глубокіе корни и незамѣтно

*) «Русскій Трудъ», 17 янв. 1898 г.

растлѣваетъ и подтачиваетъ существующій строй. Какъ-же дѣла обстоятъ у насъ? Можно-ли сравнивать западно-европейскую устойчивость въ сопротивленіи всякому кулачеству съ нашей російской непомѣрной, въ этомъ отношеніи, уступчивостью и слабостью?!. Если тамъ зло идетъ такими грозными шагами, то что-же можетъ случиться у насъ, въ странѣ мало культурной, у насъ, среди людей, мало одаренныхъ частной инициативой?..

Дѣйствительно, мы съ тяжелымъ сердцемъ видимъ, какъ за послѣднюю четверть столѣтія русскіе отступаютъ передъ экономическимъ захватомъ инородцевъ-плутократовъ. Законные хозяева страны постепенно обращаются въ покорное быдло, въ безпросвѣтныхъ рабочихъ, да развѣ еще въ услужливыхъ приказчиковъ...

Неужели это положеніе нормально? Неужели желательно видѣть полное экономическое пораженіе русскихъ чужеродными элементами?!

Я вѣрю, что тотъ народъ, который, несмотря ни на какіе историческіе удары, успѣлъ сложиться въ грандіозное государство съ могущественнѣйшимъ правительствомъ, долженъ найти въ себѣ самомъ силы для сопротивленія надвигающейся съ ужасающей силой инородческой эксплуатаціи.

Наша сила—въ силѣ правительства, въ принципиальной абсолютной безпартійности Самодер-

жавнаго его Главы. Никакія постороннія, частныя соображенія не могутъ задерживать наше правительство въ походѣ противъ эксплуатаціи. На нашихъ глазахъ въ очень короткій промежутокъ времени насталъ конецъ нѣкоторымъ, казалось, всемогущимъ желѣзнодорожнымъ обществамъ; также быстро и систематично осуществляется благодѣтельная организація казенной продажи вина. Сколько-бы сопротивленія встрѣтило всякое другое иноземное правительство для проведенія въ жизнь такихъ рѣшительныхъ реформъ! Не слѣдуетъ пріостанавливаться съ пріобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ казну; тѣмъ болѣе, что все выстроенное сдѣлано, такъ или иначе, за счетъ государства и лишь подъ аншлагомъ того или другого концессионера. Ни одна верста путей сообщеній не должна принадлежать никому другому, кромѣ правительства. За это громко говорятъ и матеріальные, и политическіе интересы страны.

Желательно, чтобы государство въ своемъ стремленіи оградить общество отъ эксплуатаціи взяло непосредственно въ свои руки, кромѣ желѣзныхъ дорогъ и продажи питей, морское пароходство, *все страховое, разностороннее банковское и ломбардное дѣло.*

Многіе обыватели, умудренные опытомъ, недовѣрчиво относятся къ казенному хозяйству. Но вѣдь прежде и теперь большая разница,—

всѣ мы это видимъ. *При широкой гласности, правильномъ, не тормозящемъ дѣло контроль и премированіи усердія*, нѣтъ основанія предполагать, чтобы служащіе казнѣ работали хуже, чѣмъ наемники частныхъ компаній. Производительность предпріятія, будь то земля или промышленное учрежденіе, несомнѣнно сильно выигрываетъ, когда у дѣла стоитъ самъ собственникъ, заинтересованный въ каждомъ излишне израсходованномъ рублѣ, въ каждомъ потерянномъ напрасно часѣ; но въ большихъ предпріятіяхъ личность собственника ступшевывается, и нѣтъ основанія утверждать, чтобы служащіе въ такихъ учрежденіяхъ, разбросанныхъ зачастую по обширной территоріи, слѣдовательно удаленныхъ отъ контроля центрального своего управленія, оказывали большее рвеніе въ работѣ и болѣе берегли компанейскую копейку, чѣмъ чиновники—казенную. Если между ними различіе и есть, то, въ большинствѣ случаевъ, оно заключается въ томъ, что на службу государству, какъ болѣе почетную и обезпеченную отъ случайностей, по большей части идутъ лучшія силы, способнѣйшіе люди.

Мнѣ уже случалось обращать вниманіе на странную особенность русскаго челоѣка, зачастую работающаго энергично, умѣло на казенной службѣ и не могущаго справиться съ своими частными дѣлами. Эта печальная оригинальность можетъ сослужить, однако, службу государству.

Казна, имѣя въ своихъ рукахъ почты, телеграфы, телефоны, желѣзныя и шоссейныя дороги, морское и рѣчное пароходство, страхованіе и всѣ ссудныя операціи, оборонить самые сладкіе куски отъ инородческаго захвата и можетъ смѣло взирать въ свое экономическое будущее. Для осуществленія подобнаго расширенія казеннаго хозяйства потребовалось бы, конечно, не одно мгновеніе, а довольно значительное время, громад-ная энергія и твердая неослабная настойчивость.

Казенное хозяйство не новость: и въ былое время оно неоднократно проктиковалась, хотя, сообразно прежнимъ потребностямъ, и не въ большихъ сравнительно размѣрахъ.—Экономическія теоріи ополчились противъ такого порядка вещей, и на сцену выступила частная инициатива и компанейская предприимчивость... Во многихъ случаяхъ не къ добру она приводитъ и нельзя уже теперь безусловно преклоняться передъ ней. Мнѣ вѣрится, что постепенно государство займетъ и въ этой области подобающее себѣ мѣсто. Дѣло дѣлается не сразу. Истина торжествуетъ не путемъ электрическаго тока, не мгновенно, а постепенно озаряетъ все вокругъ себя чистымъ свѣтомъ.

«Исторія экономическихъ ученій подтверждаетъ старую истину, что практика вездѣ предшествуетъ теоріи» — закончу свою бѣглую замѣтку изреченіемъ того-же *Н. Х. Бунге*.

12-го января.

Петербургъ — дачное мѣсто.

Въ печати появились вѣсти о будущемъ украшеніи Петербурга древесными посадками по линіи тротуаровъ нѣсколькихъ улицъ. Что-жъ, въ добрый часъ! Это дѣло хорошее. Петербургъ не избалованъ думскою садовою дѣятельностью, и если за послѣдніе годы и выросъ лѣсъ, то... — электрическихъ столбовъ, обезобразившихъ немало Васильевскій островъ, Театральную улицу и другія мѣста.

Пять лѣтъ назадъ на страницахъ «Нов. Времени» я старался убѣдить петербуржцевъ, что при нѣкоторомъ усилии нашъ городъ могъ бы обратиться въ дачное мѣсто. Климатическія условія Сѣвера дѣлають лѣто наиболѣе сноснымъ временемъ года, а для лицъ, не выносящихъ жары, петербургскіе іюнь и іюль являются даже привлекательными. И вотъ въ это-то время обыкновенно столица перегорожена рогатками, зелени не вид-

но, музеи и театры закрыты, всякіе запахи разносятся отъ «канавъ» и «каналовъ»; однимъ словомъ — «орёръ! орёръ!»..

Новая Дума, вѣроятно, приложитъ старанія къ внѣшнему благоустройству города и, надо думать, не ограничится оповѣщенной газетами небольшою посадкою деревьевъ. Въ приведенномъ въ газетахъ списокѣ мѣстъ, на которыхъ предполагается эта посадка, къ сожалѣнію, не упомянуты такія, на примѣръ, широкія улицы, какъ Невскій проспектъ, Владимірская улица и Литейный проспектъ, изуродованный нестерпимо гулкой мостовой.

У насъ есть части города, въ которыхъ почти нѣтъ общественныхъ садовъ. На примѣръ Васильевскій островъ, растянувшійся на 1,100 десятинахъ, располагаетъ для своего свыше ста-тысячнаго населенія двумя десятинами городскихъ садовъ и бульваровъ, да и тѣ сбиты въ одномъ углу. Здѣсь же, въ этомъ ученомъ центрѣ Россіи, недавно открыто зданіе для помѣщенія въ немъ нѣсколькихъ городскихъ училищъ, что, конечно, удобновъ административномъ отношеніи, но врядъ ли — въ интересахъ санитарныхъ. По внѣшности школьный домъ довольно внушительный, но сада или плаца для дѣтскихъ игръ я не замѣтилъ: виднѣется лишь нѣсколько «березокъ» у тротуара.

Въ Коломенской части на 60 тысячъ жителей

три четверти десятины сада, въ Московской на 150 тыс.—двѣ десятины, въ Казанской на 60 тысячъ — полторы десятины. Вотъ какія неутѣшительныя цифровыя данныя о столичныхъ общественныхъ резервуарахъ чистаго воздуха. Въ небольшомъ городѣ эта бѣда отчасти нейтрализуется возможностью выйти подышать «вольнымъ воздухомъ» въ поле, а въ столицѣ, выйдя изъ одной части города, попадешь въ такую же, если не худшую; выберется человѣкъ за городскую черту,—тоже радъ не будетъ...

Съ каждымъ годомъ становится въ столицѣ народу больше, въ скверахъ тѣснѣе, а частные сады таютъ у насъ на глазахъ, застраиваясь громадами съ темными колодцами вмѣсто дворовъ. Прежде въ скверахъ было просторнѣе, можно было посидѣть, можно было и музыку послушать..

Въ былыя времена, въ 70-хъ, напримѣръ, годахъ, въ городскихъ скверахъ весною играла военная музыка и это доступное даровое угощеніе составляло источникъ удовольствія для массы небогатаго населенія. Теперь военные оркестры рѣдко появляются въ городскихъ садахъ, а перенесли свою дѣятельность къ различнымъ антрепренерамъ... Было бы хорошо вернуться къ старымъ порядкамъ и, хотя бы за плату отъ города, дать возможность жителямъ слушать музыку не по входнымъ билетамъ и не за обязательными

кружками пива. Было бы это недурно и для самих военных музыкантов...

Итакъ, дайте горожанамъ возможность расправить свои легкія! Дайте возможность подвигаться и помечтать на просторѣ, безъ опасенія быть задавленнымъ конкой или каретой.

Я возвращаюсь къ своей старой мысли о засыпкѣ Екатерининскаго канала и устройствѣ на мѣстѣ этой непривлекательной щели громаднѣйшаго бульвара, который бы заставилъ улыбнуться густо населенную, но непривѣтливую мѣстность, вовсе лишенную растительности. Съ засыпкой Екатерининскаго канала слѣдуетъ углубить и расширить Обводный, чтобы объемъ впадины для принятія излишка воды, во-избѣжаніе наводненій, не уменьшился бы.

Широкія линіи Васильевскаго острова ждуть съ нетерпѣніемъ древесной тѣни, а на Смоленскомъ полѣ и у церкви Благовѣщенья на Маломъ проспектѣ найдутся участки для разбивки скверовъ. Въ Коломнѣ и «въ полкахъ» до сихъ поръ еще встрѣчаются пустыри, которые слѣдовало бы поторопиться пріобрѣсти для садиговъ.

Помимо бульваровъ и небольшихъ скверовъ, хотѣлось бы видѣть въ Петербургѣ, хотя въ миниатюрѣ, лондонскій Гайдъ - Паркъ. Выѣзжать на острова могутъ немногіе, да тамъ и катаются, а не ходятъ; мы, петербуржцы, страдаемъ отъ недостатка моціона, и потому весьма и весь-

ма желательно въ центрѣ города устроить паркъ, въ который бы манило погулять, и погулять всласть. И такой паркъ есть возможность создать. Для этого слѣдовало бы обратить Марсово поле въ садъ и, закрывъ проѣздъ по Лебяжьему каналу и соотвѣтствующей части Мойки, соединить Царицынъ лугъ нѣсколькими пѣшеходными мостиками съ Лѣтнимъ и Михайловскимъ садами. Тогда образовалась бы громадная веселая зеленая площадь, на радость многимъ тысячамъ людей. Городское управленіе, не вмѣшиваясь въ завѣдываніе дворцовыми садами, могло бы на Марсовомъ полѣ устроить большія лужайки для игръ и зданія легкой постройки для ресторановъ съ одной кулинарной, безъ кафешантанной, программой.

На Марсовомъ же полѣ можно было бы устроить эстраду съ звучнымъ резонансомъ для «муниципальнаго» оркестра, какимъ для Петербурга является—«пожарный».

Заговоривъ о музыкѣ и о даровыхъ лѣтнихъ концертахъ, укажу кстати на возможность устройства зимнихъ дешевыхъ концертовъ. Для послѣдней цѣли городъ могъ бы воздвигнуть залъ надъ Гостинымъ дворомъ. Просто жалко смотрѣть, какъ на центральнѣйшемъ мѣстѣ столицы пропадаетъ даромъ такое чудное мѣсто, незамѣнимое для устройства выставокъ и общедоступныхъ концертовъ.

Покушаясь на перемѣну фізіономіи Марсова поля, я нисколько не являюсь инициаторомъ-разрушителемъ плацъ - парада. Извѣстно, что въ царствованіе императора Александра III рѣшено было уже дать другое назначеніе Царицыну лугу, и именно здѣсь предполагали воздвигнуть новый оперный театръ. Если это предположеніе и не осуществилось, то никакъ не по нежеланію закрыть плацъ, а по соображеніямъ о нецѣлесообразности расходованія громадныхъ суммъ на устройство новаго театра, при существованіи Марійнскаго.

Гдѣ будутъ тогда парады? Для этой цѣли, конечно, слѣдуетъ выбрать мѣсто за городской чертой, напримѣръ на Волковомъ полѣ, и съ такой площадью, чтобы на ней могли выстроиться всѣ парадирующія войска. Теперь же во время большого смотра часть кавалеріи и артилерія не умѣщаются на Царицыномъ лугу и длинной полосой растягиваются по улицамъ: теряется цѣльность впечатлѣнія и картина выступаетъ съ обрѣзанными краями.

Одно время говорили о проложеніи по Сергіевской улицѣ бульвара, который бы соединилъ, посредствомъ легкаго мостика, Лѣтній садъ съ Таврическимъ. Этотъ проектъ также слѣдовало бы осуществить.

Городское управленіе должно просить и земно кланяться тѣмъ, отъ кого это зависитъ, дабы лѣтомъ музеи и картинныя галереи не были закрыты;

надо кланяться и объ открытіи на это время казеннаго театра на Каменномъ островѣ. Для иностранцевъ и русскихъ провинціаловъ, для учащагося юношества, которое, надо надѣяться, будетъ дѣлать педагогическія поѣздки по Россіи, для всѣхъ пріѣзжихъ эта художественная сторона столицы составляетъ особую привлекательность и сильную приманку.

Пыли лѣтомъ въ Петербургѣ, благодаря Бога, не много, но мыслимо ли мириться съ большею частью нашихъ мостовыхъ и съ безсистемнымъ и продолжительнымъ ихъ ремонтомъ!?. Пора перейти отъ натуральной къ денежной повинности и городскому управленію взять на себя трудъ самому приводить въ должный видъ наши улицы.

Пора, ахъ какъ пора, принять немедленныя мѣры также и къ обеззараживанію загрязненной столичной почвы и недопуску въ рѣки и каналы тѣхъ мутныхъ и зловонныхъ струй, о которыхъ получаетъ такое солидное понятіе всякій петербуржецъ, гуляя не только по Фонтанкѣ или каналамъ, но даже по набережной Большой Невы...

20-го февраля.

Праздникъ мира.

Только что вернулся изъ музея Императора Александра III. Въ то время какъ политическіе громы слышны въ разныхъ концахъ міра, русскій Великій Миротворецъ продолжаетъ напоминать людямъ о лучшихъ дѣлахъ, о другихъ, не кровопролитныхъ задачахъ. Повелѣніемъ Его Величества осуществилась мысль въ Божѣ почивающаго Царя и лелѣянный имъ образъ русскаго музея, гостепріимнаго крова для произведеній отечественныхъ художниковъ, выросъ теперь передъ нашими глазами могучимъ памятникомъ. Самодержца—покровителя искусствъ.

Помолодѣвшее величественное зданіе Михайловскаго дворца раскрыло свои массивныя двери и въ громадныя сѣни льется потокъ зрителей, знатныхъ и незнатныхъ, въ чернобурыхъ лисицахъ и овчинныхъ тулупахъ.

На площадкѣ грандіозной лѣстницы почетными

часовыми стоятъ скульптурныя произведенія, а тамъ, дальше открывается чудная анфилада дворцовыхъ залъ, хранительницъ безцѣннаго художественнаго богатства. Здѣсь собраны плоды думъ, бессонныхъ ночей, тягостныхъ колебаній, поэтическихъ восторговъ и вдохновеній многихъ первоклассныхъ талантовъ, гармоніей красокъ и экспрессіею фигуръ вызывающихъ хорошія, человѣчныя стремленія и порывы. Съ почтеніемъ и любовью смотрѣлъ я на эти полотна, бронзу, мраморъ и, по мѣрѣ того какъ подвигался въ глубь музея, пріятное сознаніе землячества съ ихъ авторами овладѣвало мною все болѣе и болѣе. Когда, наконецъ, въ большомъ залѣ развернулась цѣлая могучая галерея историческихъ типовъ съ ихъ горестями и радостями, побѣдное чувство національной гордости охватило меня, и я ощутилъ тотъ сладостный трепетъ, который испытывалъ при чтеніи лучшихъ страницъ нашихъ выдающихся писателей. Дай Богъ, чтобы и въ другихъ областяхъ проявленія человѣческой мысли могли мы со временемъ стать на ту высоту, на которой находится искусство въ нашей плоской, холодной и, казалось бы, не располагающей къ художественному творчеству странѣ.

Здѣсь, въ этихъ роскошныхъ дворцовыхъ палатахъ, все говоритъ, все взываетъ къ поклоненію добру и красотѣ здѣсь царитъ духъ Миро-

творца, Вѣнценоснаго Мецената, ненавистника
лжи, захвата и насилія.

Идите, господа, идите подъ эту грандіозную
сѣнь! Спѣшите сюда и отведите душу, потѣньте
ее впечатлѣніями, чуждыми золотому звону и
пороховому грому!

10-го марта.

Россійское благодуще.

Было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно.

Сегодня прочелъ удивительно благодущное рѣшеніе одного изъ Россійскихъ ученыхъ обществъ. Это учрежденіе командируетъ экспедицію для изысканія каменно-угольныхъ копей въ Манчжуріи. Самое рѣшеніе ученаго собранія, поставленное безотносительно, конечно, можно лишь привѣтствовать, но, при сколько нибудь внимательномъ разсмотрѣніи отечественной промышленности, нельзя не придти къ выводу, что не намъ, не съ нашей коммерческой инертностью забираться въ чужіе края и заниматься тамъ промышленными предпріятіями. Знаемъ ли мы о минеральныхъ богатствахъ нашихъ внутреннихъ губерній? Да, я думаю, даже незастроенные участки ближайшихъ петербургскихъ окрестностей, представляющихъ изъ себя, къ немалому удивленію

иностранцевъ, пустыню, менѣе изслѣдованы, чѣмъ Тибетъ или Новая Земля... А то, что найдено въ нѣдрахъ земли, то оказывается не по русскимъ зубамъ. Въ «Русскомъ Трудѣ», въ этомъ храбромъ экономическомъ застрѣльщикѣ, заведенъ теперь краснорѣчивый скорбный листокъ перехода русскихъ подземныхъ, земныхъ и наземныхъ богатствъ въ иностранныя руки. Оказывается, что ежедневно нарождается какое-нибудь иностранное общество съ миллионными капиталами для процвѣтанія на русской территоріи; а благодушные россияне, отдѣльные лица и учрежденія, захлебываясь отъ удовольствія, приглашаютъ западныхъ гостей облюбовать еще новые и новые лакомые куски.

Благодушные російскіе города, у которыхъ больныхъ помѣщать некуда, школъ не хватаетъ, мостовыя уродливыя, погулять негдѣ, въ воздухѣ стоитъ «такая капуста», что носъ зажимай,—эти самые города, вдругъ одушевленные движеніемъ инициативы, бросаются въ объятія агентамъ, предлагающимъ и электрическое освѣщеніе, и электрическую конку, и все самое новѣйшее...

Да умойтесь вы, ради Бога, и лобъ перекрестите, раньше чѣмъ наряды надѣвать! Въ Парижѣ въ 1896 году я еще не видѣлъ электрической тяги, а вамъ и X-у, и Y-у, и Z-у, даже захолустью, вынь ее да положь... Впрочемъ, во многихъ отно-

шеніяхъ Парижъ намъ не указъ. Въ бытность мою въ этомъ городѣ, да и теперь, пересматривая французскіе журналы, я напрасно искалъ анонсовъ о спектакляхъ иностранныхъ труппъ. А у насъ? Если бы въ афишахъ не обозначать города, то можно подумать, что идетъ дѣло о германскихъ или итальянскихъ отечественныхъ сценахъ. Сколько у насъ прогремѣло итальянскихъ знаменитостей—и оперныхъ, и драматическихъ! Ни преклонный возрастъ артиста, ни отсутствіе голоса у пѣвицы, ни сценическая неопытность и извѣстность «извѣстности» лишь одному антрепренеру,—ничто не останавливаетъ благодушнаго россиянина отъ стремленія внести свою лепту въ иностранную кассу.

И какую дань берутъ заѣзжія труппы съ соблазняющихся россиянъ! Не только возьмутъ деньги, а вѣдь сколько они натѣшатся. Я думаю, нѣмецъ-антрепренеръ животики себѣ надрыываетъ, глядя на спящихъ томительнымъ сномъ кавалеровъ, заплатившихъ по 15 рублей за право дремать въ креслахъ подъ звуки вагнеровскихъ оперъ послѣдняго періода, которые такъ хорошо понимаютъ люди, лишенные музыкальнаго слуха, и знатоки оркестровой математики. Да что опера! Какой нибудь заурядный инородецъ-фокусникъ продѣлываетъ разную чепуху и, несмотря на громадныя цѣны, народъ валомъ валитъ къ нему въ театръ, гдѣ самый комическій номеръ—это

видъ театральныхъ зрителей, раскопелившихся рублями вмѣсто копѣекъ. И негодованія не слышно,—благодушіе насъ и здѣсь не оставляетъ.

Да, чуть было не позабылъ,—анишлагы, спасибо, напомнили,—а выставки иностранныхъ художниковъ! Устраиваются онѣ къ тому же съ благотворительной цѣлью... Уже не для русскихъ ли художниковъ? Во-истину велико россійское благодушіе!..

26-го марта.

По морскимъ дѣламъ.

«Кронштадтскій Вѣстникъ» говоритъ о рѣшеніи морского вѣдомства приступить теперь же къ постройкѣ трехъ броненосцевъ, которые не будутъ обшиваться въ подводной части деревомъ и мѣдью, «что дастъ экономіи въ вѣсѣ свыше триста тоннъ и не принесетъ замѣтнаго ущерба, такъ какъ новые броненосцы предполагаются для службы въ слабо соленомъ Балтійскомъ морѣ».

Можно ли заранѣе ограничить сферу дѣятельности судовъ? Признаюсь, я совсѣмъ сухопутный человѣкъ, стыдно сказать,—боюсь морской качки и во флотскихъ вопросахъ смекаю, какъ истинно русскій человѣкъ, т.-е. совсѣмъ по-дилетантски; но однако же интересно знать...

— Зачѣмъ же вы тогда беретесь толковать о незнакомыхъ вамъ вопросахъ?

Во-первыхъ, если бы я зналъ, то и не спра-

пиваль, а во-вторыхъ, у меня заговорило военное сердце офицера, хотя сухопутнаго и отставнаго. На сухомъ пути организація военныхъ частей зиждется на такихъ устояхъ, которые даютъ возможность каждой единицѣ перекинуться изъ Калиша въ Портъ-Артуръ. Ни громоздкость понтонныхъ парковъ, ни тяжесть крѣпостной артилеріи, ни малая подготовка ополченцевъ не остановятъ военное начальство, въ интересахъ государственной обороны, передвинуть ихъ изъ Москвы въ Афганистанъ или за Торнео. Въ данномъ же случаѣ кругъ дѣйствій большихъ броненосцевъ заранее будетъ локализованъ. Мнѣ, сухопутному военному, это кажется нежелательнымъ. Я не знаю, какого типа «Пересвѣтъ» и «Ослябя», но если и они тоже предназначены для дѣйствія лишь во внутреннихъ мало-соленыхъ водахъ, то приходится сожалѣть о такихъ неудобныхъ для борьбы типахъ.

Недавно одинъ извѣстный и предприимчивый французъ предлагалъ соединить Балтійское море съ Чернымъ — каналомъ и среди мотивовъ въ пользу такого гигантскаго сооруженія указывалъ на необходимость въ случаѣ войны соединенія нашихъ флотилій для дѣйствія совокупно на южномъ или сѣверномъ боевомъ морскомъ театрѣ.

Наивный французъ! Да мы сами не хотимъ совокупнаго дѣйствія, и если точны свѣдѣнія

«Кронштадтскаго Вѣстника», то еще до постройки трехъ новыхъ судовъ, заблаговременно, на всю судовую жизнь приписываемъ ихъ къ балтійскимъ мало-соленымъ портамъ...

Хотѣлъ было умолкнуть, но еще одинъ наивный вопросъ на ту же тему не даетъ мнѣ покоя. Неужели обшивка подводной части судна деревомъ и мѣдью не придаетъ ему вообще большей прочности отъ всякихъ случайностей, или это есть специфическое средство только отъ обрастанія «ракушками и травами»? Можно ли считать современный типъ подводныхъ частей судна настолько гарантированнымъ отъ аварій, что дѣлается возможнымъ принимать чрезвычайныя мѣры къ обезопасенію судна почти исключительно отъ непріятельскаго оружія, а не отъ мелей и подводныхъ скалъ?.. Сухопутному человѣку дѣло кажется иначе. Кавалерійскій офицеръ прежде всего и главнымъ образомъ смотритъ на ноги оцѣниваемой имъ лошади, а потомъ уже окинетъ взглядомъ остальной экстерьеръ.

— Договорились!—буркнулъ ученый морякъ.— Ужъ это совсѣмъ наивно примѣнять легкія кавалерійскія сужденія къ нашему большому морскому дѣлу. На-дняхъ мой племянникъ, бравый корнетъ, говоритъ: «Если бы на кавалерію и конную артилерію отпускали весь морской бюджетъ, такъ я бы, говоритъ, и Азію, и Европу всю поперекъ прошелъ, завоевалъ и флотъ ино-

странный отобралъ». Ему извинительно: вѣдь онъ безусый юноша, а вы—мужчина брадатый.

Что же, можетъ быть, онъ и правъ. На лошади русскій человѣкъ больше дома, чѣмъ на водѣ...

3-го апрѣля.

Тридцать пять лѣтъ.

Исполнилось тридцать пять лѣтъ артистической службы Н. Θ. Сазонова.

Тридцать пять лѣтъ, это — средняя продолжительность жизни человѣка, не у насъ, къ сожалѣнію, а на Западѣ. А жизнь прожить — не поле перейти! Каково же пробыть такой періодъ времени на сценѣ, талантливо, съ честью подвизаться на ней и въ теченіе этого долгаго срока удержатъ за собою симпатіи и неизмѣнное расположеніе публики!

Каково горѣть нервной жизнью артиста, изучать сотни пьесъ, непрестанно наблюдать и ловить типы, воплощать ихъ на сценѣ, страдать и смѣяться вмѣстѣ съ театральными героями, заставляя и зрителей переживать съ собою всѣ сложные переливы трагедіи, драмы и комедіи! И не только работать надъ созданіемъ роли, но затрачивать много нравственныхъ силъ на неиз-

бѣжныя закулисныя передраги, на борьбу самолюбія, на залечиваніе душевныхъ ранъ, наносимыхъ не всегда безпристрастной критикой. И кто только не является судьей артиста — «юный корнетъ и сѣдой генералъ», серьезный театральный критикъ и случайный скоропалительный репортеръ?!..

За 35 лѣтъ службы самый скромный по занимаемому положенію чиновникъ награждается владимірскимъ крестомъ и достоинствомъ дворянина. Отличіе лестное, отличіе завидное; талантливому-же артисту, сверстнику по службѣ чиновника, не получить такой награды... Увы, статья закона ограничиваетъ права артиста на орденскіе знаки. Въ этомъ еще замѣтенъ стародавній, отжившій взглядъ на артистическое поприще, какъ на нѣчто зазорное.

Жизнь однако ушла впередъ. Державные русскіе Меценаты много разъ оказывали самое сердечное вниманіе выдающимся артистическимъ силамъ и тѣмъ свидѣтельствовали, насколько цѣнятъ ихъ заслуги искусству. Талантливые артисты стали теперь въ обществѣ желанными гостями, и притомъ не въ качествѣ собутыльниковъ или забавниковъ, а полноправныхъ, всѣми уважаемыхъ членовъ. Царское личное поощреніе, аплодисменты и восторги публики, широкая всероссійская популярность — вотъ истинная награда художникамъ-артистамъ за то, что они стремятся разбудить

лучшія человѣчныя чувства зрителя, за то, что они властью своего таланта отрываютъ отъ будничной, сѣрой, промзглой, колеблющейся дѣйствительности и переносятъ въ міръ концентрированныхъ типовъ, гдѣ страсть кипитъ, гдѣ смѣхъ гремитъ и любовь все покрываетъ... Истинныхъ артистовъ привязываютъ къ театру не матеріальныя выгоды; конечно, имъ не чужды вожделѣнія о земномъ благѣ, — но главнымъ образомъ и прежде всего для нихъ необходима сцена, безъ которой имъ жизнь не только не мила, но положительно невозможна...

Публика чутка къ талантамъ. Лишь только появилась новая звѣздочка, въ видѣ очаровательной Комиссаржевской, какъ извѣстность ея разлилась по Россіи, быстро, широко, какъ круги по водѣ. Велика популярность талантливыхъ артистовъ! Кто въ Россіи не знаетъ Мельникова, Жулеву, Медвѣдеву, Ермолову, Савину, Сазонова, Давыдова, Варламова, Фигнера, Стравинскаго, Южина, Ленскаго, Садовскихъ и еще нѣсколько артистическихъ именъ?! На Невскомъ проспектѣ, на Кузнецкомъ мосту, на Волгѣ и на Днѣпрѣ, на Кавказѣ и въ Крыму, вездѣ на Руси, — при встрѣчѣ, казалось бы, съ посторонними, незнакомыми людьми, — эти артисты могутъ быть увѣрены, что на нихъ направленъ благодарный взглядъ ихъ поклонниковъ и поклонницъ.

И при упоминаніи именъ даровитыхъ сцени-

ческих дѣятелей у многихъ тысячъ людей—у стариковъ и молодыхъ, у весельчаковъ и закоренѣлыхъ буквъ—по лицу разливается добрая улыбка, а въ памяти встаютъ хорошія, незлобныя минуты, проведенныя въ театрѣ, въ обществѣ талантливыхъ людей, вдали отъ бумагъ, отчетовъ, коммерческихъ выкладокъ,—вдали отъ винта и спорта,—вдали отъ междоусобной злобы и сплетень...

5-го апрѣля.

Двѣ статуи.

Сегодня въ Консерваторіи я любовался мраморной статуей Чайковскаго. Какъ ни хорошо было произведеніе талантливаго Беклемишева въ глинѣ, но только теперь оно выступило во всей красѣ и въ томъ именно видѣ, какъ было задумано художникомъ. По изваянію русскаго поэтичнаго скульптора итальянскіе рабочіе изъ глыбы чуднаго бѣлаго мрамора отчеканили симпатичную фигуру дорогого намъ композитора, охваченнаго приливомъ музыкальнаго вдохновенія. Глядя на статую, мнѣ думалось, что чуткіе къ эстетикѣ итальянцы, хотя и путемъ механическихъ пріемовъ, но съ любовью копировали модель и рады были, что ихъ родина, колыбель музыки, отдавая мраморъ, частицу своей территоріи, вноситъ и свою лепту на памятникъ знаменитому композитору...

Чѣмъ долѣе вглядывался я въ сидѣвшаго передо мною мраморнаго Чайковскаго, тѣмъ болѣе

оживалъ Петръ Ильичъ и казалось, что въ этой милой, склонившейся на правую руку головѣ дѣйствительно роятся планы, проносятся созданные образы и чудятся гармоничные звуки, заставляющіе пальцы лѣвой руки нервно двигаться по воображаемой клавиатурѣ.

Работая надъ созданіемъ памятника, художникъ понялъ композитора, полюбилъ его, сроднился съ нимъ, живо представилъ себѣ его въ моментъ творческаго настроенія, и вотъ — вылился типъ естественный, скромный и прекрасный. Счастливые художники! Увѣковѣчивая память знаменитости, талантливый скульпторъ и самъ становится знаменитъ...

Я слышалъ, что музыкальное общество въ Санъ-Франциско, гдѣ Чайковскій пользуется большою популярностью, желаетъ заказать для своего концертнаго зала репродукцію статуи. Пріятно было услышать эту вѣсть, но невесело мнѣ стало, когда я узналъ, что подписка на постановку въ Консерваторіи статуи ея знаменитаго учредителя, Антона Рубинштейна, дала очень небольшіе, даже просто незначительные результаты. Боже! Боже!.. Если бы при своей жизни могучій царь піанистовъ далъ концертъ на постановку себѣ памятника! Какъ бы всѣ ринулись въ кассу, какія огромныя цѣны платили бы за мѣста и какой неслыханный сборъ получилъ бы великій маэстро!..

Но онъ не заботился о своей статуѣ, онъ думалъ о другихъ, онъ сотни тысячъ рублей подарилъ бѣднымъ всего свѣта, онъ создалъ въ Россіи высшее музыкальное учрежденіе, разсадникъ просвѣщенныхъ дѣятелей въ области гармоніи, онъ чаровалъ слушателей обоихъ земныхъ полушарій, его появленіе повсюду было триумфомъ русскаго виртуоза, триумфомъ русскаго композитора. И было это, господа, еще такъ недавно...

Вспомнилось мнѣ, какъ на одномъ юбилеѣ, послѣ обѣда, Антонъ Григорьевичъ, окруженный цѣлымъ цвѣтникомъ не спускавшихъ съ него глазъ обожательницъ, съ неподражаемымъ искусствомъ сыгралъ нѣсколько пьесъ. Вдругъ, высоко взмахнувъ своей львиной головой, могучимъ напоромъ обрушился онъ на рояль и по залу, наполненному веселыми гостями,—дамами, художниками, артистами, писателями, государственными дѣятелями,—понеслись величественные звуки погребальнаго марша Бетховена. Все содрогнулось и замерло. Защемило у меня сердце, защемило оно, конечно, и у другихъ, а по лицу большого мастера пробѣгала черная туча, точно онъ хоронилъ что-то дорогое, хоронилъ свою жизнь, свое творчество... Но и въ эти моменты налетѣвшаго шквала, въ эти мгновенія сомнѣній и музыкальнаго рыданія могло ли пригрезиться ему, что такъ скоро остынутъ его поклонники, такъ скоро замрутъ въ нихъ тѣ звуки, которые бывало за-

крадывались въ самые далекіе тайники ихъ души...

Нѣтъ, онъ не могъ думать объ этомъ — не могъ потому, что многочисленные поклонники и ученики Антона Григорьевича все такъ же горячо почитаютъ его, какъ и прежде, и если не внесли еще своей лепты на памятникъ, то по недоразумѣнію или незнанію, куда направить взносы. Я глубоко убѣжденъ, что скоро въ Консерваторіи, по сосѣдству со статуей элегичнаго Чайковскаго, воспрянетъ мраморная фигура властнаго, полного огня Рубинштейна.

7-го апрѣля.

Соперники *).

(Изъ современной хроники).

И вотъ они столкнулись. Соперниками — были старый баронъ и богатый промышленный домъ. Первый жилъ въ прадедовскомъ замкѣ родового помѣстья и никакъ не могъ помириться съ условіями новой, подступавшей отовсюду жизни. Былое богатство и безграничная власть отошли въ преданіе; приходилось или бросить барскую беззаботную лѣнь и обратиться въ дѣльца, или отказать отъ шумныхъ пировъ, турнировъ, парадныхъ охотъ и уединиться въ своемъ замкѣ, предоставивъ своимъ слугамъ возиться съ землями, обремененными долгами. Старый баронъ предпочелъ послѣднее, заперся въ древнихъ сводчатыхъ залахъ, требовавшихъ ремонта, ворчалъ на современные порядки и принималъ лишь очень немногихъ, особенно избранныхъ.

*) По поводу испано-американскаго столкновенія.

Управляющіе барона, люди стараго закала, проникнутые феодалными стародавними взглядами, не признавали новшествъ и позволяли себѣ слишкомъ круто обращаться съ рабочими и арендаторами; въ особенности доставалось тяжело обитателямъ одного отдаленнаго имѣнія, считавшагося золотымъ дномъ.

Сосѣдомъ барона по заморскому имѣнію приходилась сильная торговая фирма, главными пайщиками которой были многочисленныя дѣти умнаго и оборотливаго переселенца-раскольника, разбогатѣвшаго отъ захватовъ у «дикихъ инородцевъ» громадныхъ территорій. Предпріимчивые наслѣдники образовали торговый домъ и продолжали отцовское дѣло: округляли свои земли, дѣлали чудовищныя по размѣрамъ запапки, сводили лѣса тысячами десятинъ, построили массу фабрикъ и заводовъ, открыли банки и лавки и все богатѣли и богатѣли. Сметливые негоціанты давно уже засматривались на сулившее большія коммерческія выгоды сосѣднее имѣніе, и лѣтъ сорокъ тому назадъ предлагали за него значительную сумму, но титулованный владѣлецъ, гордый своими предками, добывшими славу и богатство силою оружія, отвергъ тогда всякую мысль о куплѣ-продажѣ.

Однако, барское имѣніе продолжало сидѣть бѣльмомъ на глазу милліонеровъ и, глядя на

мѣстныхъ неурядицы, они задумали всенародно объявить стараго барона расточителемъ, насильникомъ и учредить надъ нимъ опеку.

Потомъ, возбужденные слухами о новыхъ экзекуціяхъ въ сосѣдскомъ имѣніи, попробовавъ почву, пришли къ убѣжденію, что въ томъ отдаленномъ краѣ, гдѣ безсильны европейскіе культурные законы, можно попросту завладѣть лакомымъ кускомъ, не заплативъ даже и того отступного, о которомъ говорилось сорокъ лѣтъ назадъ. Искушеніе было велико, и наконецъ, взяло верхъ надъ осторожностью.

— Мы не можемъ допустить, чтобы по сосѣдству съ нашимъ имѣніемъ происходили постоянные безпорядки. Въ концѣ XIX столѣтія немислимо терпѣть подобныя безобразія, насилія и попираніе свободы личности. Помимо нравственныхъ соображеній, это становится опаснымъ для спокойствія нашихъ земель и потомъ, наконецъ, намъ это лично непріятно, раздражаетъ, выводитъ изъ себя... Пусть баронъ немедленно вызоветъ управляющаго, а мы пришлемъ на его мѣсто своего приказчика!—начали, не стѣсняясь, кричать повсюду негоціанты, и глава ихъ торговаго дома въ такомъ же смыслѣ написалъ старому барону вызывающее письмо.

— Какъ?! Что такое?! Кто смѣетъ со мною такъ разговаривать?! Они забываются! Хотя я и

разоренъ, а они богаты, но я не позволю себя третировать какъ какого-нибудь невмѣняемаго...

Побагровѣвшій отъ злобы старый баронъ много наговорилъ колкостей зазнавшимся, по его мнѣнію, купцамъ. Въ тотъ же день изъ замка полетѣло письмо къ престарѣлому духовнику, съ которымъ баронъ поспѣшилъ раздѣлить свое негодованіе.

Почтенный патеръ слыхалъ уже объ угрозахъ милліонера и, при видѣ изящнаго конверта съ хорошо знакомымъ гербомъ, догадался о содержаніи письма. Старикъ скорбѣлъ за своего духовнаго сына и уже нѣсколько дней назадъ тайно отъ барона написалъ горячее посланіе семьѣ раскольника-переселенца, взывая къ миру, убѣждая сильныхъ негоціантовъ не доводить до крайности ослабѣвшаго, но гордаго и пылкаго барона. Онъ указывалъ имъ, что если они дѣйствительно хотятъ мирнаго и справедливаго разрѣшенія вопроса, то не слѣдуетъ ставить людямъ ребромъ ultimatum... За нимъ всегда скрывается оскорбленіе, человекъ ставится въ безвыходное положеніе и ему остается лишь одно — очертя голову бросаться на соперника. При терпѣннѣи и уваженіи чужихъ интересовъ все можно привести къ доброму концу и безъ угрозъ.

Изъ торговаго дома получена была лаконическая телеграмма: «Поздно. Терпѣніе лопнуло. Будьте здоровы».

Надѣвъ очки, духовникъ принялся разбирать не совсѣмъ четко отъ волненія написанныя барономъ строки; только рѣшительный, привычный размахъ подписи рельефно выдѣлялся на общемъ фонѣ.

— А какая была прежде сила! Какая мощь! Ну, времена!.. Боже мой! Боже мой!.. шепталъ престарѣлый пaterъ, выводя старательно латинскія буквы въ отвѣтномъ письмѣ барону. Ничего въ немъ не было бодрящаго и веселящаго душу. По выраженію лица и движенію губъ умнаго монаха можно было приблизительно составить схему письма: «Не совѣтую тебѣ, мой сынъ, съ нимъ ссориться. Ну, что хорошаго? А главное, вѣдь для него традиціи—нуль, признаетъ онъ лишь силу, а мы съ тобой, увы... Управы же на него тамъ, за горами, за долами, не найдешь».

Получивъ письмо, поникъ головою старый баронъ; грустный, убитый сидѣлъ одинъ онъ въ раздумьи, весь окруженный клубами сигарнаго дыма. А со стѣнъ сурово и горделиво смотрѣли на него портреты знаменитыхъ предковъ.

Въ этотъ вечеръ долго свѣтился огонь въ цвѣтныхъ художественныхъ окнахъ громаднаго кабинета и слышались тяжелые шаги стараго барона.

Ночью ему снился громадный паукъ, спускавшійся съ потрескавшагося плафона на постель. Чудовище страшно растопыривало свои холодныя

длинные лапы, точно хотѣло схватить несчастнаго обезсиленнаго рыцаря. Отъ ужаса у него леденѣло сердце, онъ вскакивалъ и принимался курить. А лишь только забывался сномъ, вновь появлялся цѣпкій, мохнатый гигантъ - паукъ... Снились ему и тяжелыя, жестокия, кровавыя сцены изъ былой жизни его предковъ...

На утро владѣлецъ замка всталъ весь изломанный, разбитый. На серебряномъ подносѣ, вмѣстѣ съ кофе, благообразный, но видимо разстроенный старикъ-камердинеръ подалъ синеватый дѣловой пакетъ съ печатнымъ адресомъ фирмы ненавистныхъ ему капиталистовъ.

Единодушная семья милліонера увѣдомляла барона, что если черезъ двое сутокъ не будетъ исполнено высказанное уже ранѣе требованіе, то они силою займутъ имѣніе и ничьего суда надъ собою не признаютъ. Рука задрожала у барона, старинная фарфоровая чашка выпала изъ рукъ и разбилась о серебряный подносъ.

— Такъ нѣтъ же, не позволю оскорблять себя! Можетъ быть я и виноватъ, но не передъ ними. И чѣмъ они гуманнѣе меня? Еретики нечестивые! Съ оружіемъ въ рукахъ я буду защищать прадѣдовское наслѣдіе. Святые угодники Фердинандъ и Изабелла! помогите мнѣ одолѣть врага, и клянусь вамъ, что остатокъ жизни своей посвящу на водвореніе благополучія въ моихъ помѣстьяхъ. Крошку своего внука я воспитаю въ

этомъ духѣ и буду стараться, чтобы всѣмъ у меня жилось легко и свободно...

И старый баронъ приказалъ вѣрному камердинеру подать ему старинные боевые доспѣхи. Въ это время къ замку неожиданно подкатила роскошная коляска. То пріѣхала провѣдать барона двоюродная его сестра, болѣзненная, малокровная женщина, сохранившая еще слѣды удивительной красоты. Она почти весь годъ проводила на водахъ и въ разныхъ курортахъ; считалась богатой, но имущественныя дѣла ея были очень запутаны; по рукамъ и ногамъ кузина связана была банкирами-евреями, которые ссужали ей за хорошіе проценты громадныя суммы. Княгиня крайне была удивлена воинственными приготовленіями товарища дѣтскихъ игръ.

— Что съ тобой, cousin!? Неужели ты думаешь бороться съ этимъ могучимъ кулакомъ. Брось! Вѣдь сколько ихъ тамъ братьевъ, да какіе все молодцы,—я вѣдь ихъ встрѣчаю на водахъ. Вооружены они отличными ружьями, а ты, посмотри, выходишь съ мечомъ и копьемъ. Да и будемъ, mon cher, откровенны; ты дѣйствительно выпустилъ управляющихъ; у тебя Богъ знаетъ что тамъ дѣлается,—не мудрено, что сосѣдямъ наскучило все это. Махни рукой на него. Худой миръ, знаешь, лучше доброй ссоры...—мягко, кокетливо по привычкѣ улыбаясь, заговорила элегантная *grande-dame*.

Въ отвѣтъ на эти осторожныя рѣчи старый баронъ метнулъ злобно черными огненными глазами и воскликнулъ:

— Ужъ не думаешь ли ты, что я струсилъ! Для меня честь дороже безопасности! Въ полѣ судьба рѣшить, кто правъ...

Онъ думалъ было прежде обратиться къ кузинѣ за матеріальною помощью, но, услышавъ ея слова и взглянувъ на ея блѣдное, истомленное скучающее лицо, баронъ сердито махнулъ рукой, величественно выпрямился и, блистая позолоченными латами, твердой поступью направился къ подъѣзду, у котораго ждалъ его боевой конь да вѣрный старый слуга.

Скоро оба всадника исчезли изъ виду, а малокровная и сентиментальная кузина, выйдя на балконъ и граціозно опершись на балюстраду, долго еще смотрѣла имъ вслѣдъ, пока набѣжавшія горькія слезы не затуманили глаза.

Что-то будетъ? Что-то будетъ?..

9-го апрѣля.

На рѣкѣ.

По Невѣ идетъ ледъ, а финляндскіе пароходики свободно бороздятъ рѣку, перевозятъ тысячи пассажировъ, дѣлаютъ хорошія дѣла.— Ну, и пусть ихъ! Завидно вамъ что ли? скажете вы. Нѣтъ, не то, а меня занимаетъ вопросъ: если крохотные пароходики свободно порхаютъ черезъ ледъ, то неужели нельзя настолько укрѣпить металлическими листами носовыя части мостовыхъ баржъ, чтобы онѣ могли выдерживать толчки плывучаго льда? Я не говорю о первомъ напорѣ при вскрытіи рѣки, этомъ остромъ періодѣ ледохода, а меня занимаетъ вопросъ о хроническомъ движеніи ладожскаго льда, который то и дѣло заставляетъ разводить мосты и нарушаетъ правильное сообщеніе съ зарѣчными частями.

У меня есть знакомый морякъ, который увѣряетъ, что при современной возможности взрывать ледъ и даже просто ручнымъ путемъ раз-

рѣзывать его канавками на части и тѣмъ ослаблять силу напора, устроеннаго на надежно укрѣпленныхъ металлическихъ баржахъ моста не надо разводить во время ледохода.

Тогда не нужно и каменныхъ миллионныхъ быковъ!..

— Не смѣшите вы, ради Бога, инженеровъ. Гдѣ же строить металлическіе пловучіе мосты?.. Да потомъ, батюшка, иная желѣзная баржа втяпается дорожке каменнаго быка... Удивительные вы, право, люди! Ну, точно маленькія дѣти. Все вамъ скажи, да Расскажи, какъ и почему; да просто потому, что такъ надо и не нами это заведено. Зачѣмъ новшества вводить?..

— Боюсь еще больше насмѣшить васъ, а то бы спросилъ, неужели нѣтъ болѣе совершеннаго способа устройства спусковъ на ледъ, чѣмъ тѣ, которые нынѣ практикуются? Ледъ станетъ въ ноябрѣ, а спускъ откроютъ въ январѣ. День-деньской надсаживаются рабочіе надъ дубинушкой, вбивая сваи зимой, а весна придетъ, ихъ начнутъ вытаскивать назадъ. Тутъ ужъ безъ крику дѣло обходится. Зацѣпятъ веревкой бревно и, точно дантистъ зубы, раскачаютъ и дергаютъ. Однако, множество свай остается въ водѣ; подлѣ нихъ образуются наносы и даже цѣлыя мели. Неужели нельзя вмѣсто этихъ сооруженій заготовлять заранѣе у берега постоянный металлическій плотъ?

Толкуя на берегу Невы объ этихъ маленькихъ дѣлишкахъ, я былъ не мало удивленъ, увидѣвъ два буксирныхъ парохода съ именами: «Донъ-Жуанъ» и «Донъ-Карлосъ». Ужъ не заблудилась ли испанская эскадра?!

19-го апрѣля.

Уподобленія.

Несогласенъ я съ поэтической вольностью талантливаго фельетониста, уподобляющаго Петербургъ—Квириналу, а Москву—Ватикану. Самъ писатель признается, что ему «не давалась никогда московская топографія». Это несомнѣнно, и не только московская, но, скажемъ отъ себя, и петербургская. Начнемъ съ топографіи. Квириналъ одинъ изъ семи римскихъ холмовъ, а какіе же холмы въ Петербургѣ? Правда, на окраинахъ города, на мѣстѣ свалки снѣга, по веснѣ виднѣются значительныя горы, но къ іюню онѣ уже обращаются въ мусоръ и навозъ, будущую формацію наиновѣйшаго наслоенія. Что же касается исторіи, то Квириналъ окутанъ цѣлою пеленой болѣе сѣдыхъ преданій, чѣмъ ватиканскія воспоминанія. Слѣдовательно, и тутъ нельзя дѣлать уподобленіе его Москвѣ, которая приходится бабкой Петербургу.

Но, оставя въ покоѣ историческія преданія, не трогая географіи и топографіи, будемъ лишь вглядываться въ населеніе двухъ русскихъ столицъ.

Какъ и въ Ватиканѣ, по словамъ фельетониста, «засѣлъ какой-то духъ въ Москвѣ» и поддерживаетъ за ней «первенство въ сердцахъ» русскихъ людей.

Безспорно, бывшая бѣлокаменная старушка, пріюти русскихъ баръ и сосредоточіе провинціальной торговли, говорила много сердцу.

Помѣщики крѣпко были связаны съ деревней; торговцы, пришедшіе недавно изъ села, также пропитаны были крестьянскими интересами, близки имъ были надѣлъ и изба, соха и нива.

Теперь баръ на Москвѣ осталось мало, потомки былыхъ сѣрыхъ торговцевъ незамѣтно переродились въ джентльменовъ и городъ изъ дворянскаго обратился въ ситцевый, съ «нохомъ» еврейско-нѣмецкихъ придатковъ. Вывелись въ Москвѣ Аксаковы, Самарины, Хомяковы, нѣтъ и Михаила Никифоровича. Нѣтъ большихъ властныхъ публицистовъ-патріотовъ; зато «патріотовъ своего отечества», ограниченнаго городскою чертой, сколько угодно. Вотъ тутъ-то сказывается особый московскій «духъ». «Все для Москвы и нѣтъ лучше Москвы» — это девизъ москвичей. Въ этомъ направленіи много есть хорошаго, но, какъ всякое эгоистическое стремленіе, и оно — грѣховно.

Петербургъ дальше Москвы отъ бывшего источ-

ника силы и величія Россіи, а нынѣ худосочныхъ губерній, въ которыхъ нужда свила себѣ гнѣздо; Петербургъ дальше отъ тѣхъ злополучныхъ мѣстностей, гдѣ народъ физически вырождается, мельчаетъ и слабѣетъ, гдѣ лошади и скотъ переводятся числомъ, а по качеству обращаются въ «тасканскую» породу; вопіющая бѣдность не на околицѣ нашего города, отскочившаго на окраину государства; не стучитъ къ намъ сюда въ окошко палка ушедшихъ «въ кусочки» крестьянъ, не видимъ мы ихъ у себя на подѣздѣ. Однако Петербургъ, подобно глубокимъ сѣвернымъ снѣгамъ и толстымъ льдамъ, — мало-помалу, не быстро, но все-таки начинаетъ оттаивать, согрѣваться и проявлять сочувствіе къ крестьянской нищетѣ.

Какъ же оказалъ себя по этому поводу московскій духъ ситцевыхъ джентльменовъ? Что называется — ни слуху, ни духу... А вѣдь отъ Москвы рукой подать до худосочныхъ мѣстностей...

Еще маленькія подробности о московскомъ «духѣ».

Въ фельетонѣ подчеркивается дѣйствительно отрадное явленіе — собраніе частнымъ лицомъ несравненной картинной галереи въ подарокъ Москвѣ. Удивительно плодовитый коллекціонеръ заслужилъ всероссійскую популярность, но московскій «духъ» сказался въ постановленіи собира-

тельнаго лица — думы, которая, въ недалекія еще времена, отказывалась отъ подарка г. Третьяковымъ верещагинскихъ туркестанскихъ картинъ, такъ какъ боялась расхода на галерею.

Для всей Россіи съ великимъ трудомъ устроили, благодаря Бога, женскій медицинскій институтъ на частныя пожертвованія. Заведеніе только-только становится на ноги, нуждается въ деньгахъ, а многіе москвичи уже начинаютъ кричать: стоитъ ли жертвовать на сторону! «На наши деньги подавай намъ и институтъ въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ». Шумятъ и мошну не развязываютъ.

«И при всемъ томъ», какъ писывалъ въ многочисленныхъ докладахъ согбенный чиновникъ, и при всемъ томъ Москву я люблю, конечно не за «духъ» ея современный, а за старину, за воспоминанія, за Кремль и древніе храмы, и за ея холмы и русское, не чухонское солнце, за сотни тысячъ «картузниковъ», за всю ту среду, отъ которой географически удалены несимпатичные почтенному фельетонисту «департаменты, правленія и управленія».

И достается бѣднымъ этимъ «присутственнымъ мѣстамъ» отъ всякаго, каждый норовитъ пошпынять, лишь лѣнивый ихъ не трогаетъ. «Канцелярщина», «казенищина» стали синонимы волокиты, отсталости и вредоносности.

«Едва ли!» — не могу не воскликнуть словами того же почтеннаго и очень опытнаго чиновника. Безъ

казенной и канцелярской «печати», повѣрьте, господа, едва ли «духъ» ситцевыхъ джентельменовъ долго удержался бы и едва ли сама Россія осталась бы Россіей, а не превратилась въ сѣверную Палестину съ нѣмецкимъ акцентомъ... Едва ли...

20-го апрѣля.

Pro domo.

Въ редакцію «Нов. Вр.» пишутъ, что я, купно съ другимъ лицомъ, говорю о Третьяковской галереѣ, какъ о созданіи одного лишь П. М. Третьякова, а надлежитъ упоминать при этомъ и брата его. Въ своей замѣткѣ никакихъ инициаловъ для обозначенія имени Третьякова я не ставилъ и описаніемъ знаменитой галереи не занимался. Указавъ на «собраніе частнымъ лицомъ несравненной картинной галереи въ подарокъ Москвѣ», я обратилъ вниманіе на то, что «единичный человѣкъ, удивительно плодовитый коллекціонеръ, заслужилъ всероссійскую популярность»; почтенную же фамилію Третьякова цитировалъ лишь одинъ разъ по поводу бывшего отказа московскаго городского управленія отъ постройки галереи. Итакъ, я былъ далекъ отъ замалчиванія уважаемаго имени покойнаго московскаго городского головы С. М. Третьякова, котораго зналъ за очень симпатичнаго человѣка, виднаго общественнаго дѣятеля и мецената. Теперь

онъ въ могилѣ, царствіе ему небесное! Не будемъ тревожить заслуженный имъ покой.

Оба брата имѣли, сколько извѣстно, отдѣльныя галереи, которыя послѣ смерти Сергѣя Михайловича слились воедино.

Если же желательно знать, кого я подразумѣваю подъ титуломъ «удивительно - плодовитаго коллекціонера», то это несомнѣнно П. М. Третьякова, здравствующаго, благодаря Бога, и понынѣ. Обладая рѣдкимъ художественнымъ чутьемъ, не щадя средствъ, съ непреклонной волей, послѣдовательно и твердо онъ шелъ къ заранѣе намѣченной цѣли. На художественныхъ выставкахъ ожидали всегда съ нетерпѣніемъ появленія П. М., который пріобрѣтеніемъ картинъ какъ бы раздавалъ высшія преміи, своего рода *médailles d'honneur*. Удивительный коллекціонеръ замѣчательно вѣрно намѣчалъ гвоздь выставки и всегда билъ прямо въ точку. До начала покупокъ картинъ для музея Императора Александра III онъ не встрѣчалъ себѣ въ этомъ отношеніи конкурентовъ.

Въ результатѣ завидной, плодотворной и самостоятельной дѣятельности явилось собраніе несравненной колекціи работъ *отечественныхъ* художниковъ, собраніе такой галереи, которая составляетъ существенно необходимыя и интереснѣшія страницы исторіи молодой русской художественной школы.

26-го апрѣля.

Переименованія.

28-го мая исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ преждевременно погасла жизнь В. Г. Бѣлинскаго, слабаго тѣломъ, но сильнаго духомъ борца за идеалы, за правду, за истинное искусство.

Громадное литературное имя знаменитаго критика не омрачено воспоминаніями о какихъ-либо компромиссахъ съ совѣстью и скорбный образъ Бѣлинскаго свѣтитъ намъ чистымъ и хрустальнымъ, достойнымъ самой пылкой хвалы и увѣковѣченія.

По поводу этой годовщины слышатся нареканія на Петербургъ за то, что онъ до сихъ поръ готовится къ «чествованію» памяти незабвеннаго Виссаріона Григорьевича; предлагаютъ назвать именемъ могучаго критическимъ анализомъ писателя одну изъ столичныхъ улицъ; раздаются голоса и за устройство школы въ память талантливаго работника, не покладая рукъ, до

гробовой доски трудившагося надъ великимъ дѣломъ человѣческаго просвѣщенія.

Къ послѣднему пожеланію нельзя не присоединиться. Желательно очень и очень устроить образцовое учебное заведеніе, сдѣлать тѣмъ доброе дѣло и порадовать душу Виссаріона Григорьевича. Хотя знаменитый писатель въ юности и былъ не въ ладахъ съ неоцѣнившей его формальной школой и не окончилъ курса ни гимназіи, ни, яко бы «по неспособности», университета, но хорошую школу онъ лелѣялъ и жаждалъ ея для горячо любимой имъ родины.

Что касается двухъ первыхъ предположеній, то они меня ставятъ втупикъ. Вошло за послѣднее время въ обыкновеніе *празднованіе* юбилейныхъ годовщинъ *смерти* знаменитостей. Я понимаю празднованіе годовщины: рожденій великихъ людей, знаменательныхъ событій, появленія въ свѣтъ выдающихся, талантливыхъ работъ,— однимъ словомъ, понимаю привѣтствіе моментовъ проявленія творческой силы; но чествовать день горести и печали, чествовать годовщину разрушенія и смерти... Не понимаю! Единственно, по моему мнѣнію, что мы можемъ сдѣлать въ такой день — помолиться за почившаго, какъ кто умѣетъ, въ церкви или на дому. Думаю, что покойникъ былъ бы крайне удивленъ, узнавъ о торжествѣ по поводу того, что истекло пятьдесятъ лѣтъ со дня его смерти...

Переименованія улицъ и площадей въ честь великихъ людей я также не привѣтствую. Красиво или некрасиво названіе, но разъ оно существовало много лѣтъ, оно связало съ собою цѣлый рой воспоминаній и заслужило право на существованіе. Для однихъ дико звучать: «Загородный» проспектъ, находящійся въ центрѣ города, «Козье Болото», «Озерная» и «Болотная» улицы, пролегающія по давно осушенной мѣстности; а мнѣ кажется, что эти названія лучше писанныхъ исторій рисуютъ ростъ и постепенное улучшеніе города. Можетъ быть, для уроженца Гороховой или Офицерской улицы кровной обидой будетъ переименованіе ихъ родины въ Бѣлинскій и Лермонтовскій проспекты. Педагогическая поучительность для населенія отъ уличныхъ досокъ не велика, а старина безвозвратно пропадетъ. Конечно, это самый легкій способъ «закрѣпленія» памяти дѣятелей — переписать уличные доски и по извѣстному рецепту: «преврати порося въ карася», — все готово...

Указываютъ на нашихъ друзей французовъ, широко пользующихся именами знаменитыхъ своихъ соотечественниковъ для уличныхъ заглавій.

Но они, сколько я знаю, рѣдко, и то по политическимъ больше мотивамъ, перемѣняютъ старыя наименованія. Большинство улицъ и до сихъ поръ связаны главнымъ образомъ съ храмами, есть же не мало названій, обратившихся

въ звукъ пустой, но никто ихъ не осмѣлился до сихъ поръ измѣнить: Rue Royal, Promenade de la Reine, Boulevard des Italiens, — des Capucines, — Poissonnière.

Другое дѣло въ новыхъ кварталахъ или во вновь разбиваемыхъ улицахъ въ Старомъ городѣ; въ этихъ случаяхъ французы не обращаются за названіями въ кулинарную книгу и не справляются съ географической картой, какъ это дѣлаютъ наши думы, а прямо разворачиваютъ исторію, вѣрнѣе — цитируютъ ее на память. И дѣйствительно, въ районѣ, на примѣръ, Place de l'Étoile улицы, бульвары и аллеи гремятъ именами ученыхъ, писателей и полководцевъ.

Надо сознаться, что русскій человѣкъ во времена оны не отличался изобрѣтательностью номенклатуры и не заботился о благозвучіи. «И, мать моя! да на Руси — говоритъ сваха въ «Женитьбѣ» Гоголя, — есть такіа прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь».

Одни изъ самыхъ древнихъ дворянскихъ фамилій поражаютъ непривычное ухо своею неизысканностью. Красивыя фразы, сонеты и мадригалы родились не на русской почвѣ; другое дѣло русское слово — оно всегда было присуще отечественной, не писанной «словесности» и своимъ букетомъ и разнообразіемъ приводило въ восторгъ даже морскихъ волковъ, большихъ экспертовъ, какъ увѣряютъ, въ этой терминологіи...

Разсаживаясь на петербургскомъ болотѣ, русскій человѣкъ не затруднялъ себя придумываніемъ названія: рѣка уже величалась аборигенами Невой, пусть такъ и будетъ. А затѣмъ «очень просто»: Большая Нева, Малая Нева, Большая Невка, Малая Невка. Ладно, теперь нужно сочинить новенькое; стоитъ задумываться!.. Мойка, Фонтанка, Черная рѣчка, Таракановка... Мосты на протокахъ и каналахъ тоже съ прозаическимъ отпечаткомъ чисто внѣшнихъ признаковъ. Нѣтъ ни Ріальто, ни Pont des Soupirs, а проще: Прачешный, Цѣпной, Каменный, Синій, Красный, Полицейскій... И, однако, со всѣми этими именами мы сжились, а нѣкоторыя изъ нихъ стали даже историческими.

Называйте именами писателей и другихъ выдающихся людей новыя улицы, новыя сооруженія, но не трогайте старыхъ, а главнымъ образомъ чествуйте ихъ чѣмъ-нибудь болѣе возвышеннымъ, болѣе культурнымъ.

20-го апрѣля.

Н е н а в и с т ь.

Многихъ посѣтившихъ итальянскую выставку заинтересовала своимъ сюжетомъ картина «Не-нависть» художника Пажетто. Въ числѣ догадокъ, сдѣланныхъ въ «Новомъ Времени», относительно сущности представленной на полотнѣ драмы, кажется, не упомянуто злобы оскорбленнаго мужа. Я не могу допустить, чтобы художникъ задался цѣлью трактовать судебно-медицинскій вопросъ объ извращеніи страстей; невѣроятнымъ для меня кажется и предположеніе о безпредѣльномъ гнѣвѣ человѣка, любовь котораго была не признана, отвергнута. Охваченный самой искренней любовной страстью, но не вкусившій матеріальной взаимности, хотя бы только купленной бракомъ, по странности человѣческой природы, не испытываетъ того чувства ревности, которое дѣлается присуще многимъ и многимъ обиденнѣйшимъ мужьямъ, сожителямъ, вообще собственникамъ

женщины. Да простятъ меня дамы за это рабовладельческое выраженіе! Издревле вещное право на женщину такъ всосалось въ плоть и кровь огромнаго большинства мужчинъ, что посягательство на него посторонняго лица задѣваетъ болѣе тягостно, чѣмъ насильственный захватъ самаго драгоценнаго имущества и является причиной особаго, чрезвычайнаго возбужденія. Это опасное для человѣка нравственное состояніе—ревность. Обидное ощущеніе потери живой собственности объединяется и срастается съ наиболѣе горячими порывами самаго дорогого, самого завѣтнаго для человѣчества чувства—любви.

Тысячелѣтія совмѣстной жизни развили аналогичную болѣзнь и въ сожительницахъ мужчинъ, прекрасныхъ созданійхъ, ангелахъ доброты и кротости, словомъ—въ женщинахъ... Вотъ это губительное чувство, страшная ревность заставляетъ пылкія натуры и послѣ смерти оскорбительницы горѣть смертельной ненавистью, испытывать адскія муки и терзанія.

Гордый итальянецъ случайно и неожиданно, по найденнымъ письмамъ своей покойной жены или другимъ намекамъ, узнаетъ объ измѣнѣ этой холодной, неприступной матроны съ классическимъ профилемъ, узнаетъ о преступной ея связи съ неизвѣстнымъ. Обманутаго мужа бьетъ страшная губительная лихорадка ревности, онъ хочетъ бить, ломать, уничтожать, онъ жаждетъ

узнать имя оскорбителя. Она, опозорившая его, смѣялась съ своимъ милымъ надъ нимъ! О! исчадіе ада!.. Она, она лишь одна могла назвать своего мерзкаго сообщника. Но жена спокойно спитъ въ гробу въ то время, какъ онъ, осмѣянный, ограбленный и поруганный, не знаетъ своего ненавистнаго, торжествующаго, живого врага, не знаетъ, на кого броситься, кого задупить и исковеркать... Вокругъ все безмолвно, все спитъ; одинъ онъ въ ночной тиши не можетъ найти покоя: онъ мечется въ постели, сбрасываетъ давящее его одѣяло, рветъ рубашку и глухо рычитъ... Нѣтъ, нельзя больше терпѣть, сердце разорвется или лопнетъ голова. Охваченный всесокрушающей ревностью и ненавистью къ своимъ кровнымъ врагамъ, бѣжитъ онъ изъ дома и крадется на кладбище, въ фамильный склепъ; здѣсь, быть можетъ, зарыта разгадка супружеской измѣны, ключъ къ ужасной тайнѣ.

Гробовая крышка сорвана... Покойница невозмутима, горда, холодна и безмолвна... Имя!? Имя!? Все напрасно. Секретъ умеръ, унесенъ на тотъ свѣтъ. Съѣдаемый приступомъ страшной болѣзни, несчастный ревнивецъ казнится надъ прахомъ жены, для которой онъ прежде готовъ былъ отдать и жизнь, и состояніе. Но она взяла больше, она похитила его честь. Горе тебѣ, ехидна! Будь проклята ты!..

И художникъ, тайно слѣдившій за поруганіемъ

могилы, содрогнулся при видѣ перекосившагося отъ злобы лица мужа и поспѣшилъ скрыться.

Напрасно. Въ этотъ именно моментъ преступнику, потревожившему родовой склепъ, показалось, что покойница пошевелилась, отрицательно покачала головой и протянула къ нему холодную руку. Незъяснимый страхъ, могильный ужасъ внезапно сковалъ, обледенилъ все его существо, сердце замолкло, мысль порвалась и онъ, какъ подкошенный, свалился мертвымъ къ ногамъ неразгаданнаго сфинкса...

25-го апрѣля.

На досугъ.

«Бродилъ я тихою стопою»...

Въ ясную весеннюю погоду, въ вечерній часъ чудно-красива Нева съ панорамой заходящаго солнца надъ биржей, рельефно выступающей на закрашѣвшемся фонѣ небосклона. Постепенно меркнутъ послѣдніе прощальные лучи, выплываетъ серебристая луна и на голубой Невѣ вспыхиваютъ на парходикахъ и баркахъ цвѣтные огоньки. Тянетъ пріятной, не пронизывающей тѣло прохладой отъ многоводной, могучей рѣки, разливающейся за дремлющей крѣпостью, на свободѣ, въ широкое, широкое плесо.

Вечеромъ жизнь на набережной умолкаетъ, прохожихъ немного, извозчики, по счастью, не останавливаются, а шумъ отъ ѣзды рѣдкихъ экипажей смягчается торцами. Свободно можно тогда любоваться рѣкой и погрузиться въ мечты. Из-

рѣдка пройдетъ влюбленная парочка, съ расплывшимися отъ удовольствія молодыми лицами,— пройдетъ, не замѣчая ревниво наблюдающаго за ними сѣдѣющаго зрителя; пронесется вихремъ велосипедистъ, точно его, гдѣ-то тамъ, ждетъ невиданное счастье и блаженство, а не бутылка пива и колода картъ...

И въ такой вечеръ большинство петербуржцевъ сидятъ замуравленные въ свои каменные ящики. Бѣдная молодежь изнываетъ надъ сухими учебниками, надъ толстыми «записками», дрожитъ и готовится къ экзаменаціонной пыткѣ; взрослый людъ погруженъ въ тревоженія винта и всякіе пересуды. А на набережной въ это время такъ привольно, живописно, хорошо...

Незамѣтно, шагъ за шагомъ, подвигаюсь вверхъ по Невѣ, и только горбатый, несуразный Прачешный мостъ заставляетъ оторвать взглядъ отъ рѣки. Прилунномъ свѣтѣ даже и Фонтанка кажется очень красивой. Еще недѣля, другая—и этотъ невскій протокъ превратится въ сплошной дровяной дворъ, на которомъ будетъ больше лѣса, чѣмъ во всѣхъ столичныхъ садахъ и паркахъ. Пока же Фонтанка выглядываетъ по вечерамъ очень нарядной и даже поэтичной. Совсѣмъ Венеція! Но вмѣсто оперныхъ мотивовъ, распѣваемыхъ плавающими въ гондолахъ по Canale di Grando пѣвцами, раздается свистъ финляндскаго парходика, слышится несмолкаемый грохотъ сердя-

щейся на грубыя колеса булыжной мостовой, да перекликиванія судовщиковъ.

Чудный спортъ — ходьба. Какимъ себя чувствуешь бодрымъ и крѣпкимъ, когда, вдыхая полной грудью чистый воздухъ, двигаешься все дальше и дальше впередъ, а мысль продолжаетъ работать съ особенной энергіею и укладывается въ правильныя, стройныя колонны! Хорошія рессоры и каучуковыя шины собственныхъ экипажей убаюкиваютъ; извозчики, вмѣстѣ съ несносными ихъ дрожками, чмоканіемъ и вѣчнымъ передергиваніемъ вожжей, раздражаютъ; верховая лошадь заставляетъ быть насторожѣ, а велосипедъ и вовсе отнимаетъ всякую возможность предаваться на немъ размышленію. Философія и бисиклетъ не могутъ мириться другъ съ другомъ и анализирующій или мечтательный педалистъ рискуетъ своею головою или костями ближняго.

Кончилась торцовая мостовая. На той сторонѣ рѣки постепенно засвѣтились окна Клиническаго госпиталя и прильнувшее къ рѣкѣ длинное зданіе выступило громадной картинной декораціей. Александровскій мостъ обдаетъ грохотомъ, шумомъ нескончаемаго обоза неладно скроенныхъ, но крѣпко сшитыхъ ломовиковъ и усерднымъ звономъ галопирующихъ коночныхъ четвериковъ.

Сильный буксирный пароходъ стремительно тянетъ внизъ шесть громадныхъ барокъ, дружно

сбившихся въ одну линію по фронту. Вотъ онѣ грозной фалангой, поднимая передъ собой бѣлую пѣну, несутся къ мосту, точно въ атаку, скрылись подъ аркой, черезъ минуту ушли ужъ далеко и... не подняться имъ вверхъ никогда, пойдутъ онѣ, — увы! — на дрова...

Недавно пустынная Воскресенская набережная начинаетъ за послѣдніе годы обстраиваться, хотя и до сихъ поръ виднѣются еще пустыри, да дома, отвернувшіеся отъ Невы и предпочитающіе смотрѣть на узкую Шпалерную, чѣмъ на широкую красавицу-рѣку. Прохожіи, будь внимателенъ, не забывай, что гранитной набережной здѣсь ужъ нѣтъ, а торчатъ лишь, и то не вездѣ, деревянные надолбы надъ подмываемыми берегами. Обернись, посмотри на строгую, холодную громаду тюрьмы, раскинувшейся на Выборгской сторонѣ — и поторопись впередъ, такъ какъ подлѣ Воскресенскаго проспекта шумно ниспадаетъ въ Неву безымянный, но постоянный каскадъ съ недобрымъ содержимымъ.

Пароходныя пристани ладожскихъ пароходовъ послѣ зимней спячки, наконецъ, ожили, зато караванъ сѣнныхъ барокъ совсѣмъ отощаль и сильно порѣдѣлъ.

Нѣсколько огромныхъ, красивыхъ солдатъ возятся у рѣки со швабрами. Одинъ изъ нихъ весь ушелъ въ созерцаніе развернушагося передъ нимъ пейзажа и еле-еле пошевеливаетъ въ водѣ

громадную мочальную кисть, точно собирается писать декорацию Петербурга...

А вотъ и конецъ набережной. Дальше по берегу нѣтъ проѣзда. Здѣсь владѣнія водопроводной башни, которая грубо, по-американски, захватила прекрасное мѣсто на берегу, передъ дворцомъ Таврическаго князя. Каланчеобразная, неопрятная дылда гордо выпятилась до небесъ, смѣло коптитъ клубами чернаго дыма всю окрестность и, страдая адской жаждой, изо-дня въ день глотаешь миллионы ведеръ воды.

Послѣ водопроводнаго гиганта и широко, побарски раскинувшася Таврическаго дворца, — аракчеевскія казармы кажутся вросшими въ землю, скучными, форменными, точно такими же, какъ ихъ суровый строитель.

Лишь на большихъ павловскихъ гербахъ отдыхаетъ глазъ, да радуешься за солдатъ, глядя черезъ окна на опрятныя, изящныя ихъ постели, кокетливо обрамленныя въ изголовьяхъ вышитыми полотенцами.

Длинные, пасмурныя аракчеевскія казармы образуютъ невеселый коридоръ, но тотъ, кто не отступитъ, не побоится скуки — дойдетъ до конца его, тотъ не раскается и на этой заброшенной окраинѣ вновь попадетъ въ изящный вѣкъ императрицы. Здѣсь во всей красѣ открывается художественное произведеніе итальянскаго маэстро

на русской почвѣ — Смольный соборъ съ окружающими его постройками.

Какая соразмѣрность! Какое изящество! Какая легкость и красота линій! Обходя вокругъ собора, любуешься храмомъ, не нагладишься и на стройно, кокетливо рисующіеся павильоны, связанные одной общей творческой идеей архитектора-художника. Сколько въ этихъ зданіяхъ должно быть свѣта и какъ привѣтливо глядятъ отовсюду въ окна деревья и кусты! Да, это истинно художественное, поэтическое произведеніе, и оно можетъ такъ же растрогать поклонника изящнаго, какъ и талантливый произведеніи кисти и скульптурнаго рѣзца.

Итальянскіе мастера вносили свою лепту при старинномъ украшеніи Москвы, приложили свою художественную руку они и къ Петербургу, оставивъ послѣ себя рядъ изящныхъ сооружений.

Какъ рѣзко отличается по постройкѣ собственно Смольный монастырь отъ Смольнаго института! Въ первомъ Растрелли вдохновлялся завѣтами того стиля, который вполне соответствовалъ современному ему женскому царству въ Европѣ; а Гваренги, какъ мы привыкли его выговаривать, строилъ уже болѣе строгіе и тяжелые крѣпости-дома эпохи братьевъ императоровъ.

Очень далеки отъ растреллевскаго изящества многія современные намъ монументальныя зда-

нія, въ которыхъ больше видна рука техника-инженера, чѣмъ архитектора-художника. Въ новѣйшихъ постройкахъ принимается все въ расчетъ, все высчитано правильно, все обосновано на строительномъ уставѣ, а въ результатѣ—по большей части получаютъ уродливыя коробки съ тяжелыми наружными украшеніями, съ ломанными «вавилонами» крышами, темными коридорами и сумрачными, тѣсными, могильными дворами. Исключенія есть, но онѣ, къ сожалѣнію, не часты.

Усталъ. Пора и домой на покой.

26-го апрѣля.

Воинствующие инородцы.

Можно ли представить себѣ не военного россиянина расхаживающимъ изо дня въ день по улицамъ мирныхъ селъ и городовъ съ кинжаломъ на поясѣ, револьверомъ въ кобурѣ и шашкой черезъ плечо? Прежде всего это вооруженіе вызвало бы улыбку у всякаго прохожаго, а затѣмъ чины полиціи не преминули бы убѣдить несовременнаго любителя ратныхъ доспѣховъ въ неумѣстности подобнаго маскарада. А между тѣмъ мы видимъ, что нѣкоторымъ гражданамъ дана въ этомъ отношеніи льгота. Къ кумачевой рубашкѣ, къ плисовой безрукавкѣ, наконецъ къ пиджаку или фраку никому безнаказанно не допустятъ прицѣпить холодное или огнестрѣльное оружіе; но стоитъ только облачиться въ кавказскій костюмъ, какъ и ружье, и пистолетъ, а главнымъ образомъ кинжалъ являются вполне дозволенными его аксесуарами.

Нашъ доблестный «линейный» казакъ, по натурѣ истинно русскій человѣкъ, несмотря на кавказскій туземный костюмъ, въ домашней, рабочей обстановкѣ быстро отвыкаетъ отъ постоянного цацанья съ оружіемъ. Долгіе годы порубежной боевой охраны русской линіи закалили военный духъ казака, но не привили къ нему чуждую славянской расѣ кровожадность и обожаніе неразлучныхъ съ ней смертоносныхъ инструментовъ. Въ 1886 году, во время волненій въ Терской области мнѣ лично доводилось видѣть въ поляхъ и на бакшахъ, близъ самаго очага тогдашнихъ недоразумѣній, казаковъ, которые лишь по папахѣ да по бешмету отличались отъ туляковъ или курянъ. Тутъ же, по дорогѣ, я встрѣчалъ скрипучіе чеченскіе и ингушскіе обозы; на арбахъ виднѣлись длинныя ружья въ косматыхъ чехлахъ, и не только взрослые были вооружены, но и у восьмилѣтнихъ «баранчуковъ» висѣли, чуть не касаясь земли, кинжалы въ бѣлой деревянной оправѣ.

Воинственность и даже кровожадность горцевъ можетъ сослужить службу Россіи въ случаѣ, чего Боже упаси, войны. Нѣсколько тысячъ отчаянныхъ, беззавѣтно-храбрыхъ наѣздниковъ, брошенныхъ искусной рукой на непріятельскія сообщенія, могутъ произвести тамъ страшный переполохъ — хуже динамита, бомбъ, картечи и прапнели...

Но всему свое время. Въ годы мира и покоя желательно встрѣчать вооруженныхъ «черкесовъ», какъ ихъ называетъ народъ, не только

Кавказѣ, но и въ чисто-русскихъ деревняхъ .. хотѣлъ-было сказать въ городахъ тоже чисто-русскихъ, но спохватился — такихъ городовъ, какъ известно, нѣтъ.

Россійскіе помѣщики и южные наши заводчики, прельстившись сторожевыми способностями, трустрашимостью и удалью кавказскихъ горцевъ, стали приглашать этихъ вооруженныхъ людей въ имѣнія караульщиками. Какъ теперь начинаетъ выясняться, наприглашали они «черкесовъ» на свою голову. Не мало утѣсненій терпѣли отъ нихъ крестьяне, теперь же вооруженная стража добралась и до своихъ прежнихъ городовъ.

Кромѣ сельскихъ сторожей, появилась въ большихъ русскихъ городахъ новая швейцарская гвардія. Вооруженные кинжалами и пистолетами, офицеры заняли должности какихъ-то ассистентовъ при швейцарахъ и выездныхъ лакеевъ; имѣть фигу въ черкескѣ считается *à la mode*. Нужно ожидать, чтобы и эти дѣти воинственной страны пустили въ ходъ кинжалъ и револьверы?

Не пора ли на всѣхъ такъ-называемыхъ «черкесовъ» распространить дѣйствіе общихъ правилъ, общихъ законовъ о ношеніи оружія. Или же оставить свободной частную инициативу

въ вербовкѣ современной швейцарской гвардіи, то въ очень недалекомъ будущемъ, пожалуй, можно будетъ увидѣть банкирскаго барона съ эскортомъ сотни «черкесовъ», джигитующихъ по Невскому или Кузнецкому мосту за коляской финансоваго сіятельства...

Бравые кавказцы держатъ въ осадномъ положеніи Донецкій бассейнъ и Владикавказскій районъ; ополчаются противъ русскихъ и другіе инородцы. Въ астраханской думѣ, если точны переданныя во вчерашнемъ номерѣ свѣдѣнія, армянская партія, почувствовавъ свою силу, не только бранными словами поносила редактора мѣстной русской газеты, но и угрожающе наступала на него съ воинственными криками и угрозами побить. Думская баллотировка также оказалась въ пользу воинствующаго армянина, а не мѣстнаго русскаго... Это ужъ не въ Тифлисѣ, а «въ Россіи», какъ говорится, на окраинахъ. Неужели придется вспомнить Грознаго царя и вновь завоевать Астрахань?! Въ Минскѣ евреи громаднымъ скопомъ избили военный патруль, бросались даже на офицера. Наши солдаты, получивъ приказъ не употреблять въ дѣло оружія, обороняли лишь его отъ наглої еврейской толпы и забывали о своемъ личномъ спасеніи. Честь и слава русскому солдату за беззавѣтное исполненіе долга, но срамъ и поношеніе тѣмъ русскимъ негодникамъ, примкнувшимъ къ еврей-

ской «хеврѣ», которые поднимали руку заодно съ изступленными изуверами противъ своихъ кровныхъ братьевъ солдатъ. До сихъ поръ мнѣ не приходилось слышать ничего подобнаго, и я съ омерзениемъ прочелъ сегодня въ «Судебной Хроникѣ» тѣ строки, въ которыхъ говорится о русскихъ членахъ еврейскаго союза, о «Володькѣ и тряпичникѣ Ермошкѣ»... А какъ пораздумать, такъ вѣдь это не совсѣмъ новость. Давно, очень давно во всѣхъ слояхъ общества зародились свои «тряпичники Ермошки», всячески, въ видимый ущербъ русскимъ, поддерживающіе воинствующихъ евреевъ и другихъ воинствующихъ же инородцевъ. Давно народились и такіе «тряпичники Ермошки», которые за сребренникъ готовы вѣрой и правдой служить еврейской «хеврѣ» и постепенно губить въ угоду ей все русское, все отечественное...

29-го апрѣля.

Вѣкъ живи—вѣкъ учись.

«Вѣкъ живи—вѣкъ учись», говоритъ народная мудрость. Но то ли мы видимъ въ дѣйствительности? Съ одной стороны, правда, послѣшкельные годы накладывають на каждаго чело-вѣка тотъ отпечатокъ, тотъ опытъ, который на языкъ переводится словами: «за битаго — двухъ небитыхъ даютъ»; но въ этомъ случаѣ дѣло идетъ только о своеобразной сферѣ опытнаго познанія жизненныхъ отношеній, о воздѣйствіи такихъ не-научныхъ факторовъ, которые могутъ лишь «про-учить», а не «научить».

Если приобрѣтеніе научныхъ познаній чело-вѣкомъ во время прохожденія имъ жизненной стези выразить графически, въ видѣ канала, то никто, надѣюсь, не будетъ упрекать чертежника въ не-вѣрности и преувеличеніи, если увидитъ, какъ узенькая сначала трубка начинаетъ на дѣленіяхъ, соотвѣтственныхъ семилѣтнему возрасту, пухнуть

и раздуваться; какъ затѣмъ, достигнувъ 12—13 лѣтъ, неокрѣпшіе, нѣжные покровы непомерно растягиваются и обращаются въ пузырь. Начиная отъ этого возраста до совершеннолѣтія, стѣнки канала не перестаютъ раздуваться и отъ чрезвычайнаго напряженія поминутно грозятъ лопнуть. Затѣмъ, по истеченіи «учебнаго періода», каналъ внезапно стремительно сѣуживается и мало-по-малу у громаднаго большинства, такъ называемой, интеллигенціи полость его обращается въ чуть замѣтный протокъ. Правда, у нѣкоторыхъ особей наблюдаются спорадическія послѣдующія вздутія, но далеко не достигающія предѣла напряженія юныхъ лѣтъ, что, вѣроятно, происходитъ отъ потери стѣнками эластичности и упругости. На другихъ же чертежахъ каналъ атрофируется совершенно, зарастаетъ и обращается въ одну линію безъ всякихъ признаковъ просвѣта.

Такова дѣйствительность. Взамѣнъ постепеннаго, въ теченіе всей жизни, усвоенія теоріи, попутно съ практической стороной жизни, мы стремимся въ дѣтскую и юношескую голову, какъ въ кладовую, собрать цѣлый запасъ знаній на всю жизнь, а въ результатѣ матеріалъ этотъ попадаетъ по большей части не въ свѣтлую, устроенную уже и снабженную хорошими полками кладовую, а въ темный чуланъ, гдѣ все валяется на полу и перемѣшано въ безпорядкѣ. Возможно

ли въ нужную минуту почерпнуть оттуда, изъ этой каши, запасы для работы, данныя для справки и провѣрки. Но и въ хорошей кладовой складъ такъ переполненъ старьемъ, что некуда помѣстить свѣжіе, новые продукты...

Китайцы давно прозрѣли невыгодную сторону ненормальности мною указанныхъ вздутій и потому у нихъ формула «вѣкъ живи—вѣкъ учись» строго, хотя формально, примѣняется и научное обученіе продолжается чуть не всю жизнь, въ зависимости отъ чего по экзаменамъ и повышается общественное и служебное положеніе нашихъ восточныхъ друзей. Конечно, китайцы народъ особенный и имъ нельзя буквально подражать; они и порохъ изобрѣли не на страхъ врагамъ, а для собственнаго испуга... И потому желательно было бы, соотвѣтственно болѣе цѣлесообразному пользованію порохомъ, пересадить къ себѣ болѣе основательное распредѣленіе изученія наукъ, безъ китайскихъ церемоній, безъ китайскихъ экзаменовъ на чины и отличія. Хотѣлось бы видѣть такъ организованной воспитательную сторону школы, чтобы, отнюдь не насилуя и не ослабляя ткани, она воздѣйствовала укрѣпляюще на стѣнки сосуда, воздѣйствовала въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ впослѣдствіи всю жизнь своими временными и небольшими сокращеніями возбуждали постоянный апетитъ къ новымъ и новымъ пріемамъ научныхъ порцій.

Въ молодости учиться, и учиться усердно, необходимо, но не надо доходить до чрезмѣрности и отбивать охоту къ дальнѣйшей работѣ; не надо видѣть въ полученіи атестата, патентовъ и дипломовъ такихъ документовъ, которые освобождаютъ отъ послѣдующей научной самодѣятельности; не надо принимать ихъ за обязательные тампоны, закупоривающіе возможность притока новыхъ учебныхъ свѣдѣній, новыхъ элементовъ для умственного развитія. Здѣсь къ слову сказать о преувеличенномъ значеніи диплома. У насъ есть не мало искреннихъ радѣтелей просвѣщенія и общественнаго блага, которые убѣждены, что лишь только атестатъ объ окончаніи курса высшаго учебнаго заведенія можетъ гарантировать правительству пригодность къ дѣятельности сколько-нибудь замѣтныхъ его агентовъ. А что говоритъ жизнь? Насколько школьные успѣхи служатъ предсказаніемъ плодотворной дѣятельности человека. Какъ часто надежды на премированныхъ воспитанниковъ разбиваются въ прахъ... Нерѣдко случается, что наиболѣе сильныя, энергичныя натуры, въ виду различныхъ, помимо ихъ воли сложившихся обстоятельствъ, лишены возможности пройти черезъ формальную высшую школу и не имѣютъ атестата, но тѣ же лица путемъ самообразованія и постоянной надъ собой работы, по развитію и пригодности къ дѣлу, несравненно выше атестованныхъ студентовъ. Неужели ихъ

нужно отодвигать и пользоваться услугами дипломированных. Вѣдь это было бы противно здравому смыслу и общей пользѣ...

Какъ продащица въ кондитерской, обкушавшаяся при поступленіи въ магазинъ сладостей, отвертывается потомъ всю жизнь отъ нихъ, такъ и современный многочисленный интеллигентъ съ аттестатомъ зрѣлости и университетскими дипломами въ карманѣ воротитъ лицо отъ серьезной книги, отъ научныхъ работъ по своей специальности. Ничего онъ не даетъ отъ себя въ міровую умственную сокровищницу и съ годами, пріобрѣтая лишь практическій, шаблонный навыкъ къ разнымъ манипуляціямъ, все болѣе и болѣе забываетъ и то немногое, вынесенное изъ школы, что въ началѣ хотя смутно, освѣщало лучами мысли и научнаго анализа его работу. Сколько способностей, сколько умственныхъ силъ, надорванныхъ, усталыхъ отъ непосильной и форсированной работы въ дѣтствѣ и юности, дремлютъ всю жизнь или упиваются придуманными развлеченіями, въ родѣ картъ!..

Если бы одна сотая затрачиваемыхъ въ Россіи ежегодно на карты умственныхъ силъ, энергіи и нервностремленности направлялась на ученіе, на серьезную мозговую работу, государство обогатилось бы тысячами изобрѣтеній, открытій, дѣльныхъ проектовъ и въ то же время выросла бы армія знающихъ людей, умѣющихъ все это толково примѣнить на прак-

тикѣ. Но, увы, мысль спитъ, процвѣтаетъ винтъ и выступаетъ новый врагъ ученья — увлеченіе спортомъ...

Никакіе послѣдующіе служебные экзамены и испытанія, никакія формальныя требованія и предписанія не могутъ подвинуть человѣка на ученье; только истинные, вѣрные школьные за-вѣты способны всю жизнь нашептывать чело-вѣку: «вѣкъ живи — вѣкъ учись». Въ такой бла-годѣтельной школѣ спасеніе нашего потомства, а съ нимъ и отечественной будущности.

1-го мая.

Здоровье.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я вѣскія слова А—та о «прелестяхъ современной канализаціи». Приходится только удивляться, какъ культурные города идутъ на встрѣчу предложеніямъ минировать ихъ грозной для здоровья системой трубъ и отравлять свои окрестности невыносимымъ для обонянія орошеніемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили о приборѣ русскаго технолога, который остановился на мысли разбѣсывать жидкость отъ твердыхъ частей при паденіи ихъ въ пріемники, устраиваемые въ каждомъ домѣ. Работали ли техники въ этомъ направленіи? Занимались ли развитіемъ перваго проекта? Дѣлались ли опыты и какіе получены результаты?

Въ 1892 году, въ своей замѣткѣ «Петербургъ—дачное мѣсто», я высказывалъ свои мечты о городскомъ благоустройствѣ и находилъ желательнымъ, чтобы въ городскія трубы попадали воды, профиль-

трованныя уже въ каждомъ домѣ, а твердые отбросы, перемѣшанные съ торфомъ и тѣмъ обеззараженные, вывозились, а не выталкивались по трубамъ. Вопросы санитарнаго благополучія заслуживаютъ того, чтобы городское управленіе каждого города надъ ними задумалось и призвало бы путемъ премій или другихъ поощреній къ выработкѣ наиболѣе цѣлесообразнаго, спеціально для такого-то пункта, способа освобожденія жителей отъ нечистотъ.

Быть можетъ, собственно къ вывозу городскихъ отбросовъ можно было бы приурочить конно-железныя дороги и болѣе расширить судовой сплавъ. Мириться съ современнымъ положеніемъ, а также и принимать слѣпо иностранную не выдержавшую экзамена канализацію нельзя.

4-го мая.

Гладстонъ въ ипподромѣ.

Это было въ Парижѣ въ 1889 году, во время послѣдней международной выставки. Набѣгавшись до-сыта по различнымъ отдѣламъ грандіознаго всемірнаго базара, наше маленькое общество тихо возвращалось домой черезъ мостъ d'Alma. Надъ выставкой стоялъ стонъ отъ музыки и разговоровъ несмѣтной толпы. Электрическіе, пронизывающіе воздухъ лучи съ высоты Эйфелевой башни устремлялись въ догонку за нами, точно артиллерійскій огонь за бѣгущими, оставляющими поле сраженія, на которомъ, казалось, сбилось все населеніе многолюдной столицы. Но и по эту сторону Сены жизнь не переставала бить ключомъ, народу хватало, помимо выставки, и на всѣ улицы и закоулки Парижа. На площади передъ мостомъ шла обычная суета. Гудѣли по прекрасной мостовой экипажи, щелкали бичи кучеровъ, звучалъ рожокъ трамвая, спѣшно двигались пѣше-

ходы и у столиковъ передъ ярко освѣщенными кафе слышалась веселая бесѣда.

Ряды газовыхъ фонарей отъ площади разбѣгались въ разныя стороны, намѣчая улицы и бульвары. Наугадъ мы двинулись по одному изъ бульваровъ, на которомъ горѣлъ громадный щитъ со словами «Hippodrome. Le lion et Scobeleff».

Еще днемъ видѣлъ я движущійся по городу на особой яркой платформѣ громадный аншлагъ съ этой надписью, и тогда же рѣшилъ посмотрѣть спектакль съ загадочной программой. Не зайти ли теперь? На улицѣ подлѣ кассы толчился народъ. Билеты были уже всѣ проданы. Это еще болѣе насъ раззадорило и мы съ помощью вездѣ услужливыхъ барышниковъ скоро нашли доступъ въ циркъ.

Трибуны, окружающія громадную арену, предназначенную для конныхъ ристалищъ, были полны разнообразнѣйшей публикой, представителями, вѣроятно, всѣхъ національностей. Громко рекламированный левъ оказался небольшою львицею, гарцовавшей вмѣстѣ съ собакою въ большой клѣткѣ на сдружившейся съ ними лошаdkѣ. Никакого отношенія къ Скобелеву звѣрь не имѣлъ. Нашъ герой появился въ пантомимѣ, во главѣ русскихъ войскъ, гнавшихъ передъ собою турокъ, которые, при его появленіи, валились истинно «какъ чурки». Скобелевъ былъ на бѣломъ традиціонномъ конѣ и отлично загримированъ; солдаты: пѣхота,

артилерія и кавалерія также, сверхъ ожиданія, вполнѣ походили на російскихъ воиновъ въ сѣрыхъ шинеляхъ и браво лѣзли на красныя фески. Когда, разгромивъ турокъ, Скобелевъ, окруженный штабомъ и сопутствуемый развѣвающимся русскимъ знаменемъ, подъ звуки побѣднаго марша, вѣхалъ вновь на сцену, то ему устроили овацію. Присутствовавшіе въ циркѣ французы видимо рады были выразить зарождавшіяся тогда симпатіи къ русскому знамени и къ русскому солдату.

Какъ ни пріятно мнѣ было сознавать себя землякомъ побѣдоноснаго генерала, но наиболѣе глубокое чувство оставило во мнѣ въ этотъ памятный вечеръ не пантомима, а нѣчто другое. На аренѣ дѣйствовали подставныя лица, статисты, театральное знамя и бутафорское оружіе, а передъ нами въ тотъ вечеръ появилась во весь ростъ истинная фигура великаго — Гладстона.

Во время представленія по цирку разнеслась молва, что пріѣхалъ Гладстонъ, пріѣхалъ достойный, неутомимый политическій борецъ за правду. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на декорированную ложу, въ которой долженъ былъ показаться «великій старикъ». Представленіе замолкло, неистовствовавшіе турки не выдержали приближенія друга балканскихъ славянъ, глашатая знаменитаго тезиса «руки прочь!» и поспѣшно ретировались за прикрытія...

Наконецъ въ ложу вошло нѣсколько человѣкъ

и передъ нами ясно обрисовался благородный профиль маститаго старца. Десять тысячъ разноплеменныхъ зрителей сразу вскочили на ноги! По инодрому пронеслась буря аплодисментовъ и разноразличныхъ привѣтственныхъ кликовъ въ честь Гладстона, въ честь истинно честнаго и доблестнаго человѣка...

Оркестръ нѣсколько разъ принимался играть англійскій гимнъ, а зрители продолжали стоя кричать, хлопать, махать платками и шляпами. Долго раскланивался растроганный старикъ и благодарилъ за пылкое, шумное привѣтствіе. Въ этотъ вечеръ онъ долженъ былъ себя чувствовать особенно хорошо, и какъ, вѣроятно, тогда горделиво и радостно билось сердце старушки, вѣрной его подруги и спутницы, теперь осиротѣвшей. Да, частному человѣку, скромному путешественнику, быть предметомъ такой оваціи со стороны иноземной публики — рѣдкое великое счастье! Громадная, прочная и всесвѣтная популярность Гладстона здѣсь, на моихъ глазахъ, проявилась съ особой яркостью и торжественностью.

И, вспоминая всемірную выставку съ ея чудесами и великолѣпіемъ, вспоминая вечеръ въ иподромѣ, я думаю, что первую, высшую премію, самую цѣнную медаль d'honneur получилъ въ Парижѣ, осенью 1889 г., «великій» старикъ, и получилъ ее въ награду «за человѣколюбіе».

10-го мая.

Война и народное хозяйство.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла недавно изъ-подъ пера подполковника Г'улевича очень солидная работа. Авторъ, наблюдая надъ существованіемъ тѣсной связи между дѣятельностью вооруженной силы и остальной жизнью государственнаго организма, стремится выяснить вліяніе общихъ условій веденія большой европейской войны будущаго на экономическую жизнь воюющихъ сторонъ и опредѣлить степень подготовленности въ хозяйственномъ отношеніи къ войнѣ шести главнѣйшихъ государствъ Европы.

Война была всегда бичомъ человѣчества, но современные боевыя столкновенія націй должны производить страшныя опустошенія и парализовать промышленную дѣятельность, которая является главнымъ источникомъ европейскихъ богатствъ, единственнымъ способомъ добыть кусокъ насущнаго хлѣба для десятковъ милліоновъ народа.

Зависимость экономического строя западно-европейских государств отъ условій международнаго товарнаго обмѣна возрастаетъ все болѣе и болѣе, увеличивая этимъ опасность, грозящую ихъ народному хозяйству, а иногда и просто голодомъ, отъ вѣроятной остановки правильныхъ сношеній въ военное время.

Война ложится страшнымъ грузомъ на народное хозяйство. Напримѣръ, по вычисленіямъ Матьё-Бодэ, если исключить контрибуцію, то оказывается, что расходъ на содержаніе вооруженной силы во время кампаніи 1870—77 гг. составилъ для Франціи лишь 37⁰/₁₀₀ общихъ расходовъ, вызванныхъ войною; 63⁰/₁₀₀ пришлось на долю другихъ убытковъ, неизбѣжно лежащихъ на государственное хозяйство воюющихъ сторонъ.

Между экономической жизнью промышленныхъ государствъ Западной Европы, сгруппированныхъ на сравнительно маленькихъ территоріяхъ, не могущихъ обезпечивать себя собственными естественными произведеніями для питанія какъ человѣческаго организма, такъ фабрикъ и заводовъ, нуждающихся въ постоянныхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, и между жизнью безконечной по пространству Россіи, обладающей своими продуктами для удовлетворенія насущныхъ потребностей, — громадное различіе. Нѣкоторую лишь аналогію съ нами по богатству своимъ хлѣбомъ представляетъ Австро-Венгрія.

Нѣтъ худа безъ добра. Малая населенность, большіе пустыри, недостаточное развитіе производительности, самая бѣдность городовъ и селъ— все это во время войны дѣлаетъ насъ менѣе уязвимыми, чѣмъ западно-европейцевъ, обладающихъ сложнымъ, драгоцѣннымъ и хрупкимъ хозяйствомъ. Утѣшима хотя на этомъ... Еще покойный И. Ѳ. Горбуновъ утверждалъ, что намъ не страшно воевать съ Германіей. По началу она разоритъ наши города и деревни, пустое дѣло — не много возьмешь; а вотъ какъ мы потомъ перекинемся къ ней, тутъ музыка пойдетъ другая. У насъ-де исторія — тоненькая, Иловайскаго, пусть ее нѣмцы сожгутъ—скоро напишемъ новенькую; а вотъ у нихъ исторія Вебера, во-какая толстая! Новую такую не скоро воздвигнешь...

Быстро возрастающая численность населенія, давая обильную живую силу, также говоритъ въ пользу нашего военного могущества.

Въ теченіе XIX столѣтія населеніе Россіи возросло на 269⁰/₀, въ то время, какъ въ Англіи на 143⁰/₀, въ Германіи — на 123⁰/₀ въ Италіи — на 82⁰/₀, въ Австро-Венгріи — на 80⁰/₀ и во Франціи лишь на 41⁰/₀. Въ началѣ столѣтія населеніе Россіи составляло лишь $\frac{1}{3}$ населенія пяти остальныхъ переименованныхъ государствъ, а теперь отношеніе это измѣнилось въ благопріятную для насъ сторону и уже выражается $\frac{2}{3}$. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, по переписи 1722 года,

въ Россіи насчитывалось лишь 14 милліоновъ людей, а въ 1897 году народонаселеніе чуть не удесятирилось и достигаетъ 129 милліоновъ.

Однако есть и отрицательныя стороны нашего экономического строя, могущія вредно вліять на успѣхъ военныхъ предпріятій. Мы бѣдны денежными средствами, у насъ недостатокъ въ производствѣ фабрично-заводскихъ предметовъ, необходимыхъ для арміи и флота, и, сравнительно съ громадными пространствами, очень мало желѣзныхъ дорогъ.

Въ интересахъ боевой готовности, г. Гулевичъ стоитъ твердо за образованіе отдѣльнаго «военнаго капитала» и при этомъ «особое вниманіе,—рекомендуетъ онъ,—необходимо обратить также въ Россіи на соотвѣтствующее снабженіе всѣхъ правительственныхъ кассъ и учрежденій особыми средствами, назначенными исключительно для производства расходовъ въ первые дни по объявленіи войны».

Желательны также заготовки въ широкихъ размѣрахъ всякаго рода запасовъ боевыхъ и иныхъ припасовъ для арміи и правильная организація пополненія ихъ въ военное время.

Что касается желѣзныхъ дорогъ, то, помимо возможно большаго расширенія ихъ сѣти, авторъ особенно подчеркиваетъ необходимость единства ихъ управленія, такъ какъ только при этомъ условіи представляется возможнымъ для вооруженной

силы обезпечить наиболѣе широкое пользованіе рельсовой сѣтью и въ то же время быстро перебрасывать, смотря по потребностямъ населенія, предметы первой необходимости съ одного конца территоріи на другой.

Подполковникъ Гулевичъ совѣтуетъ, дабы не быть захваченнымъ войной врасплохъ и не поставить народное хозяйство въ безвыходное положеніе, заранѣе разработать планъ экономическихъ мѣропріятій, подобно тому, какъ составляются планы мобилизаціи и сосредоточенія войскъ.

Книга г. Гулевича полна статистическими данными, которыя онъ щедрой рукой приводитъ для иллюстраціи своихъ положеній.

Статистика—дѣло растяжимое и цифры, имѣющія отношеніе къ одному и тому же предмету, у разныхъ лицъ приводятъ къ различнымъ итогамъ. Возьмемъ для примѣра интересныя таблицы о стоимости шести большихъ войнъ XIX столѣтія.

	По вычисленіямъ Мюльхоля въ мл. рублей.	По вычисленіямъ Энгеля въ мл. рублей.
Крымская война	2,900	3,700
Итальянская 1859 г.	480	550
Сѣверо-американская (63—65 г.)	6,980	12,580
Австро-прусская	200	610
Франко-прусская	3,000	5,550
Русско-турецкая	1,800	2,025

По вычисленіямъ, это ожесточенное ратоборство между культурными націями, ратоборство,

приведшее къ большимъ вооруженіямъ и увеличенію арміи,—обошлось по Мюльхолю—въ 15 миллиардовъ, а по вычисленіямъ Энгеля—въ 25 миллиардовъ рублей.

По подсчетамъ Hübbe-Shleiden, на этотъ разъ въ сферѣ неизвѣстнаго будущаго, въ 2000 году населеніе Россіи достигнетъ 300 милліоновъ, въ то время какъ въ Германіи будетъ 80 мил., а во Франціи 50 мил.; другіе же увѣряютъ, что уже въ 1985 году Россію наполнятъ 400 милліоновъ! Ихъ бы устами да медъ пить, въ особенности, если всѣ эти сотни милліоновъ нашихъ замляковъ будутъ не мертвыя души, а здоровые, упитанные и уравновѣшенные вѣрноподданные Русской монархіи...

Предположенія и дѣйствительность зачастую сильно расходятся. Чаше всего это бываетъ, какъ извѣстно, при сопоставленіи смѣтъ, при чемъ обязательная разница происходитъ отъ непомѣрнаго повышенія цифръ грубой, тяжелой дѣйствительности, сравнительно съ воздушными сантиментальными предположеніями. Найдется ли среди россіянъ зрѣлаго возраста столь наивный чловѣкъ, который, при взглядѣ на красиво и добросовѣстно составленную архитекторскую или инженерную смѣту, про себя, мысленно, не прибавитъ процентовъ 25, «на ростъ», какъ шились въ былое время платья подросткамъ!..

А иногда случается... Впрочемъ, не о томъ рѣчь,—мало ли что случается...

Итакъ самыя, казалось, вѣскія предположенія коварная судьба комкала и совершенно измѣняла. Въ пышное время Людовика XIV французскій элементъ въ общемъ числѣ европейскихъ народовъ составлялъ 38⁰/о; кто бы тогда, въ вѣкъ великолѣпнаго Roi Soleil, могъ думать, что теперь это соотношеніе выражается лишь—12⁰/о.

Будемъ надѣяться, что это печальное явленіе немислимо у насъ, и мы, обезпеченные пространствомъ и населеніемъ, обратимъ вниманіе на наши изъяны и недочеты въ сферѣ экономической жизни. Г. Гулевичъ освѣщаетъ въ своей интересной книгѣ сравнительное положеніе этихъ вопросовъ въ Европѣ, за что нельзя не поблагодарить его.

16-го іюня.

Нападеніе и отпоръ.

Прочелъ рапортъ начальника андижанскаго гарнизона. Намѣченная уже по первымъ оффиціальнымъ сообщеніямъ картина нападенія вырисовалась теперь съ полной яркостью и силою. Сердце обливается кровью и скорбитъ душа за несчастныхъ солдатъ, перерѣзанныхъ предательскою рукою, въ просонкахъ, въ беззащитномъ состояніи; въ то же время то же сердце наполняется гордостью при чтеніи описанія геройскаго отпора. Какъ истинно доблестно велъ себя подпоручикъ Карселадзе! Неожиданность и внезапное пробужденіе не сбили съ толку воинственнаго грузина. Онъ не сталъ, подобно европейцамъ, потягиваться, протирать глаза; какъ истый сынъ славнаго боевыми преданіями Кавказа, г. Карселадзе схватилъ всегда готовое къ отпору оружіе и ринулся на враговъ, не спрашивая, кто они и сколько ихъ... Разрядивъ на мятежниковъ свой

револьверъ, доблестный офицеръ не поддался обманчивому, но весьма понятному инстинкту самосохраненія, не помышлялъ онъ запереться съ ротой въ бараки, а смѣло повелъ своихъ достойныхъ сподвижниковъ на «ура» противъ громаднаго скопища.

Этотъ геройскій натискъ обратилъ въ бѣгство растерявшагося непріятеля и видимо спасъ наше положеніе въ Андижанѣ. Растеряйся подпоручикъ, оплошай немного 5 рота и, несомнѣнно, отъ полубаталіона осталось бы одно тяжелое для русскаго сердца воспоминаніе. Мятежники первые захватили бы тогда пороховой погребъ вмѣстѣ со всѣмъ запасомъ патроновъ, нашимъ войнамъ пришлось бы остаться съ одними голыми ружьями и... погибнуть. Съ уничтоженіемъ же этихъ ротъ Андижанъ былъ бы беззащитенъ и, вѣроятно, подвергся разгрому неистовыхъ кровопійцъ. Первый успѣхъ — для азіата великое дѣло. Возмнили бы они тогда о себѣ не вѣсть что, да и мирныхъ жителей могли ввести въ соблазнъ!

Конечно, бунтовщиковъ скоро бы смирили; но кто вглядывался пристально въ азіатскія войны, тотъ знаетъ, что для озвѣрѣвшихъ восточныхъ наѣздниковъ не нужно много времени, чтобы мирные города и села обратить въ груды пепла и безжалостно перерѣзать тысячи людей, не пожелавшихъ присоединиться къ ихъ нестройнымъ,

но ужаснымъ ордамъ. Достаточно вспомнить губительныя для населенія наскоки персовъ на Закавказье въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ 1826 году, въ послѣдній періодъ «цезарства» Ермолова. Слабая въ военномъ отношеніи Персія, благодаря своей по-разбойничьи предпріимчивой, безжалостной конницѣ, производила опустошенія и панику, совсѣмъ непонятную для лицъ, знакомыхъ лишь съ современными европейскими войнами.

Да, честь и слава подпоручику Карселадзе! Честь и слава молодцамъ нижнимъ чинамъ 20 туркестанскаго резервнаго баталіона!

Въ то время, какъ въ Андижанѣ были заняты принятіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности противъ нападенія мятежниковъ,—молодецки, по старо-кавказски дѣйствовалъ и штабсъ-капитанъ Агабековъ. Не убоаяся онъ числа возмущившихся и съ горстью людей бросился въ погоню за ишаномъ; настигъ главу повстанцевъ, арестовалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и приближенныхъ къ фанатику-муллѣ лицъ. Этимъ плѣненіемъ главныхъ зачинщиковъ вопросъ умиротворенія края самъ собою быстро завершился.

При чрезвычайно неблагоприятныхъ условіяхъ войска съумѣли постоять за доброе имя русскаго оружія и еще болѣе укрѣпили въ туземцахъ обаяніе силы нашего солдата, не боящагося не только открытаго врага, но и западни повстанцевъ.

По поводу ферганскаго наскока вновь задаешь себѣ вопросъ: что же можетъ окончательно умиротворить наши экзотическія, богато природой одаренныя окраины? Усмирить край оружіемъ и держать его силою въ рукахъ — это только начало дѣла. Надо его сдѣлать мирнымъ и русскимъ, такъ какъ эти области кровью пріобрѣтались не для какого-то федеративнаго соединенія съ Россіею... Прочное присоединеніе края возможно только путемъ русской школы и направленія на югъ переселенческаго движенія, въ видѣ организаціи казачьихъ поселеній, этихъ испытанныхъ вѣками дѣйствительно живучихъ русскихъ колоній.

Несомнѣнно, устройство переселенцевъ на Кавказѣ и въ Туркестанѣ потребуетъ рѣшительныхъ мѣръ къ «отысканію» свободныхъ и удобныхъ земель, находящихся обыкновенно въ состояніи «скрытаго теплорода»; потребуются и нѣкоторыя затраты, а главное — неослабное попеченіе надъ колонистами, пока они совершенно не акклиматизируются. Въ оны времена нѣмецкимъ колонистамъ, направлявшимся изъ Германіи на Кавказъ, на казенный счетъ покупали прекрасные крытые фургоны, рослыхъ лошадей, давали подъемныя деньги, выкраивали лучшіе куски земли и учреждали надъ ними дѣятельное попечительство, которое сильною рукою ограждало колонистовъ отъ разныхъ матеріальныхъ, санитарныхъ и нрав-

ственныхъ даже бѣдствій. Теперь очередь за русскими...

Прочно сѣвшіе на южныхъ окраинахъ русскіе казаки-колонисты не только будутъ способствовать умиротворенію края, но при добромъ руководствѣ обработкою необходимыхъ для насъ растеній, требующихъ теплаго, субтропическаго климата, матеріально съ избыткомъ заплатятъ отечеству.

12-го іюня.

Комплектованіе войскъ инструкторами.

Иностранныя арміи все растутъ,—приходится и Россіи поневолѣ также усиленно вооружаться, тѣмъ больше, что и защищаемая нашей арміей государственная территорія расширилась и подвинулась громадной полосой къ Великому Океану.

Въ былое время малодоступная, холодная, непривѣтливая, безлюдная восточная наша окраина не привлекала къ себѣ взоровъ непріятеля и затраты на оборону обширной Сибири сводились къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ. За послѣдніе же годы, съ тѣхъ поръ, какъ началъ оживать далекій край, когда желѣзная дорога направилась въ людныя китайскія области и когда за нами тамъ зорко слѣдятъ англичане и японцы, обстоятельства измѣнились и въ приамурскомъ военномъ округѣ стали сосредоточиваться значительныя силы, которыя, несомнѣнно, должны

большимъ плюсомъ отразиться на численномъ составѣ арміи и ея бюджетѣ.

Армія требуетъ милліоновъ рядовыхъ солдатъ, сотенъ тысячъ лошадей, а также соотвѣтственнаго грандіознаго вооруженія, снаряженія, обмундированія и продовольствія; требуетъ она и десятковъ тысячъ развитыхъ, вполне подготовленныхъ людей для начальствованія и руководства рядовой массой. Этотъ избранный персоналъ, именуемый офицерами, составляетъ мозгъ и нервы арміи и вполне заслуживаетъ особаго заботливаго къ себѣ отношенія и попеченія.

Привлеченіе желательнаго для комплектованія корпуса офицеровъ состава сопряжено съ большими трудностями, въ виду невозможности обставить этотъ родъ службы особенно благопріятно съ матеріальной стороны. Денежное «разнаго наименованія» офицерское довольствіе сухопутныхъ войскъ въ настоящее время выросло до 45 милліоновъ и, несмотря на эту солидную сумму, всѣ знаютъ, что современное офицерское содержаніе крайне недостаточно; но, съ другой стороны, каждая ничтожная, какая-нибудь десятипроцентная прибавка отражается на государственномъ бюджетѣ милліонами; а если довести оклады до сравнительной обезпеченности, то это грозитъ казначейству непомерными суммами.

Бюджетный вопросъ не можетъ быть игнорированъ, но, конечно, въ угоду лишь экономіи

нельзя защищать облегченный способ комплектованія арміи офицерами. Нельзя допускать послабленій въ цензовыхъ требованіяхъ отъ лицъ, вступающихъ въ ряды этого доблестнаго корпуса. Въ Россіи есть столько неудачниковъ, которые охотно съ излишкомъ пополняютъ всѣ офицерскія вакансіи; откройте имъ только двери и будьте снисходительны къ ихъ умственному и нравственному уровню... Но вѣдь никто этого, конечно, не пожелаетъ и рѣчь идетъ не о численномъ только комплектованіи, а о персоналѣ вполне подготовленномъ, вполне солидномъ.

Если офицерское содержаніе довести до завидныхъ размѣровъ, то нѣтъ сомнѣній, что привлекательность военной карьеры моментально вырастетъ, и на всѣ военныя училища будетъ производиться ежегодно такая же атака, какъ это дѣлается на институтъ инженеровъ путей сообщенія. Но подобная мѣра, помимо страшной и, вѣроятно, непосильной тяготы для бюджета, отняла бы у отечества часть молодежи, которая необходима для правильной и поступательной работы государственнаго организма, и притомъ въ ряды арміи вошло бы тогда не мало людей безъ особаго призванія къ военной службѣ, а лишь привлеченныхъ въ нее матеріальными выгодами.

Думается, что къ разрѣшенію вопроса можно было бы подступиться съ другой стороны. Попробуемъ ее намѣтить.

Сберегая государственную копѣйку и дорожа лишь офицерами, хорошо подготовленными и имѣющими склонность къ военному дѣлу, число которыхъ не можетъ не быть ограниченнымъ, не слѣдовало бы увеличивать численный составъ офицеровъ, а желательно возвысить содержаніе строевымъ и продолжить начатый въ 80-хъ годахъ походъ противъ замѣщенія многихъ мирныхъ, канцелярскихъ и хозяйственныхъ, должностей офицерами.

Въ интересахъ же организаціи достаточнаго по числу, надежнаго младшаго команднаго института, желательно принять мѣры къ комплектованію частей такими инструкторами — унтеръ-офицерами, которые въ военное время могли бы замѣнять субалтернъ-офицеровъ, а въ мирное — служили бы образцовымъ войсковымъ кадромъ и опытными учителями новобранцевъ.

Унтеръ-офицерскій вопросъ давно дебатруется, давно не сходитъ со страницъ военныхъ журналовъ.

Дѣйствительно, ощущается во всѣхъ арміяхъ жгучая необходимость въ толковыхъ, нетребовательныхъ и проникнутыхъ духомъ военной дисциплины младшихъ инструкторахъ для нижнихъ чиновъ. Какъ нельзя въ каждой сельской школѣ посадить преподавателя, кончившаго успешно университетскій курсъ, такъ безплодны будутъ и усилія поставить на всѣ начальныя военныя

посты офицеровъ. Поневолѣ надо ограничиться менѣе сложными требованіями, тѣмъ болѣе, что это и не можетъ вредить дѣлу. Въ этихъ видахъ, въ нѣкоторыхъ арміяхъ существуетъ двойная система комплектованія офицеровъ: одна нормальная—съ предъявленіемъ къ воспитанникамъ военныхъ школъ серьезныхъ требованій, и другая—съ болѣе облегченными условіями достиженія офицерскаго чина. Я не могу мириться со вторымъ форсированнымъ способомъ выращиванія военныхъ начальниковъ и думаю, что хорошій, надежный капральный полезнѣе и желательнѣе оранжерейнаго офицера. Я увѣренъ, что значеніе и престижъ офицеровъ несомнѣнно проиграютъ отъ вторженія въ ихъ составъ лицъ, не вполне отвѣчающихъ этому почетному званію. Въ настоящее время въ высшей степени трудно образовать изъ новобранцевъ, поступающихъ на четыре года, унтеръ-офицеровъ, вполне отвѣчающихъ предъявляемымъ къ нимъ запросамъ. Случается, правда, нерѣдко видѣть современныхъ нашивочныхъ, подающихъ большія надежды; но срокъ службы такъ коротокъ, что бравый унтеръ только мелькнетъ въ ротѣ или эскадронѣ, а тамъ или опять у сохи, а вѣрнѣе — швейцаромъ у подѣзда или городовымъ...

Въ былое время въ Россіи количественно процвѣтали школы, даже цѣлые батальоны кантонистовъ. Насильственное опредѣленіе, въ осо-

бенности евреевъ, и суровый, больше того — жестокий режимъ этихъ школъ, соотвѣтствовавшій вообще прежнему духу шагистики и палки, оставилъ въ памяти знавшихъ или слышавшихъ о нихъ плохую память. Для войскъ они не могли дать ничего новаго, такъ какъ при 20-ти-лѣтнихъ срокахъ службы старые унтеръ-офицеры являлись сами дядьками молодыхъ офицеровъ, а рядовые были выпколены безподобно. Учрежденіе кантонистовъ перестало существовать и лишь остались осколки его, въ видѣ школъ солдатскихъ дѣтей при нѣкоторыхъ воинскихъ частяхъ. Современные школы готовятъ исключительно почти писарей и музыкантовъ и не вливаютъ въ строй никакой живой струи. Я думаю, что если бы школы кантонистовъ были воскрешены на гуманныхъ, современныхъ началахъ, то цѣль ихъ—подготовка съ ранняго дѣтства закаленныхъ воиновъ, была бы блестяще достигнута,—и въ этой молодежи армія и нашла бы необходимый для нея контингентъ вполне подготовленныхъ унтеръ-офицеровъ.

Въ интересахъ экономіи и съ цѣлью съ дѣтства приучить будущихъ унтеръ-офицеровъ къ своему полку, батальону, батареѣ или флотскому экипажу, слѣдовало бы школы организовать при отдѣльныхъ воинскихъ частяхъ. Устройство обособленныхъ училищъ повлекло бы къ возведенію многомилліонныхъ зданій, къ удорожанію ежегод-

наго содержанія и лишило бы дѣтей постояннаго и благотворнаго въ воспитательномъ отношеніи соприкосновенія съ дисциплинированной воинской частью. Въ эти заведенія доступъ надо открыть предпочтительно здоровымъ, матеріально нуждающимся мальчикамъ-сиротамъ и полусиротамъ, т.-е. тѣмъ, которые въ ранней молодости зачастую гибнутъ безслѣдно отъ болѣзней физическихъ и нравственныхъ.

При неприхотливой, но здоровой солдатской пищѣ, вполнѣ регулярной, строго размѣренной жизни, постоянныхъ правильныхъ гимнастическихъ и фронтовыхъ упражненій и ежегодной трехмѣсячной лагерной рабочей сельской или судовой жизни есть надежда, что даже и городскіе жители выправятся въ крѣпкихъ юношей, закалятъ свой организмъ и будутъ вполнѣ пригодны къ военной службѣ.

Помимо учебныхъ занятій фронтомъ и гимнастикой, есть возможность воспитанниковъ обучать въ своихъ войсковыхъ же мастерскихъ различнымъ мастерствамъ, а также музыкѣ и пѣнію. Впрочемъ, эти отдѣлы образованія должны быть поставлены въ скромныя, ограниченныя рамки, такъ какъ иначе можно рисковать обратить школы въ портняжныя или сапожныя заведенія, а скорѣе всего въ пѣвческія и музыкантскія команды, что мы, къ сожалѣнію, замѣчаемъ теперь въ гвардейскихъ школахъ солдат-

жихъ дѣтей. Однако, нѣкоторый навыкъ къ мастерствамъ необходимъ каждому человѣку, желающему себя чувствовать на ногахъ во всякой обстановкѣ.

Въ специальныхъ войскахъ: во флотѣ, кавалеріи, артилеріи и саперныхъ частяхъ, на долю воспитанниковъ и ихъ воспитателей выпадаетъ, гдѣтъ сомнѣнія, больше работы, чѣмъ въ пѣхотныхъ школахъ; но зато для службы можно, такимъ образомъ, выработать драгоцѣнныхъ инструкторовъ, въ которыхъ теперь терпятъ такой недостатокъ всѣ арміи, съ быстро мѣняющимся составомъ нижнихъ чиновъ.

Воспитанники, находясь въ школѣ, должны сами держать въ чистотѣ свое помѣщеніе и, если мѣстныя условія позволяютъ, обрабатывать свой школьный огородъ. Кромѣ того, лѣтомъ надлежало бы подыскивать подходящія ихъ возрасту и силамъ сельскія и полевые работы. Полевые работы, служа небольшимъ подспорьемъ для школьной артели, въ то же время приближали бы къ землѣ молодежь и пріучали бы ее съ почтеніемъ относиться къ этому благородному труду.

При даровыхъ учителяхъ офицерахъ и при условіи спартанскаго воспитанія, полное содержаніе воспитанника, смотря по мѣстности, обошлось бы вмѣстѣ съ квартирой отъ 60 до 100 р. въ годъ; за восемь среднимъ числомъ лѣтъ — 480 — 800 р., и считая убыль только въ видѣ

смертей и исключеній изъ школъ по болѣзни или за порочное поведеніе, но отнюдь не за малоуспѣшность въ наукахъ, окончившій восьмилѣтній курсъ школы обошелся бы правительству менѣе 1,000 руб. Такой цѣною государству сохраненъ былъ бы порядочный человѣкъ, а армія получила бы истиннаго солдата, который сроднился бы съ дисциплиной съ дѣтства и въ деталяхъ ознакомился съ служебными требованіями. Изъ военныхъ школъ выходили бы не только физически правильно развитые и дисциплинированные солдаты, но также въ большинствѣ и образованные унтеръ-офицеры, которые явились бы хорошими инструкторами, а въ военное время могли бы заступать и мѣста офицеровъ.

Въ теченіе продолжительнаго пребыванія въ школѣ, съ помощью офицеровъ-преподавателей, можно съ успѣхомъ пройти учебный курсъ въ размѣрѣ программы 3-хъ класснаго городского училища, а по военнымъ наукамъ усвоить тѣ знанія, которыя нынѣ требуются отъ экзаменующихся на прапорщика запаса. Такъ какъ въ средѣ мальчиковъ, поступающихъ въ военныя школы, могутъ встрѣтиться дѣти съ выдающимися способностями, то ежегодно можно было бы давать возможность наиболѣе даровитымъ воспитанникамъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ переходить въ особую образцовую сиротскою военную школу, человѣкъ на 500, съ учебнымъ курсомъ кадетскаго корпу-

са и съ спартанскимъ режимомъ военныхъ школъ. Окончившіе здѣсь курсъ могли бы поступать въ военныя училища наравнѣ съ другими вольноопредѣляющимися.

Послѣдніе два года въ спеціальному, такъ сказать, отдѣленіи воспитанниковъ военныхъ школъ слѣдовало бы считать уже на службѣ и лагерные сборы полностью проходить въ строю своей части.

Въ настоящее время воспитанники сохранившихся еще школъ солдатскихъ дѣтей обязательно должны прослужить за свое образованіе шесть лѣтъ; поэтому не можетъ показаться какой-либо драконовской мѣрой, если учениковъ предполагаемыхъ школъ обязать службой въ войскахъ годъ за годъ ученья, т.-е. въ среднемъ восемь лѣтъ.

Тѣ изъ бывшихъ воспитанниковъ школы, которые прослужатъ 15 лѣтъ, могли бы получить преимущественное право на занятіе различныхъ низшихъ правительственныхъ должностей, напри-мѣръ: околоточныхъ надзирателей, урядниковъ, счетчиковъ, оберъ-кондукторовъ, продавцовъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ и др. Права на полученіе такихъ должностей должны быть опредѣленно установлены и организованы такъ, чтобы дѣло не ограничилось одними платоническими пожеланіями. Въ этихъ видахъ желательно, чтобы высшее военное начальство принимало

лично мѣры къ осуществленію этихъ правъ ихъ подчиненныхъ.

При этихъ условіяхъ унтеръ-офицерская служба и при самомъ незначительномъ вознагражденіи была бы все-таки приманкой, такъ какъ радовала бы впереди возможностью устроиться относительно недурно.

Итакъ, при бюджетѣ въ 5 — 6 милліоновъ и добромъ желаніи воинскихъ частей, ежегодно можно выпускать въ войска 5,000 унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ навѣрное третья часть окажется способной толково замѣщать на службѣ, во время мира и на войнѣ, субалтернъ-офицеровъ и тѣмъ оказать громадную услугу государству, сберегая его средства отъ непосильныхъ затратъ на увеличеніе корпуса офицеровъ.

15-го іюня.

На храмъ Божій.

«Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ...

Какую трогательную библейскую картину представляетъ собою Власть, старикъ-сѣдой, пожелавшій «потрудиться для души спасенія»! Съ «непокрытой головой», съ сильно загорѣлымъ, открытымъ, хорошимъ лицомъ, изрѣзаннымъ глубокими морщинами, съ небольшою котомкой и длинною клюшкой, ходитъ онъ по селамъ и городамъ, по большимъ дорогамъ и проселкамъ, зимою и лѣтомъ, въ стужу и зной собираетъ съ православныхъ по копѣечкѣ, да по грошику на святой храмъ въ своей захолустной деревнѣ, собираетъ на построение и украшеніе. При видѣ этой старческой согбенной фигуры, неустанно пробирающейся съ церковной кружкой все дальше и дальше, по дорогѣ къ святымъ мѣстамъ и мощамъ великихъ угодниковъ, невольно рука опускается въ кар-

манъ за лептой: развязываются крестьянскіе кошель и вынимаются на Божье дѣло послѣдніе мѣдяки. Каждая копѣйка, собранная дядями Власами, доходитъ къ церковному сундуку, сами же они питаются Христа-ради; возить ихъ не чугушка или пароходъ, а носятъ собственныя старческія, больныя ноги... Этими-то лишеніями, этой усталостью и истомой при сборѣ они «трудятся», въ нихъ-то именно, да въ молитвѣ почтенные старцы и находятъ сладость и цѣль своего богоугоднаго подвига.

По Руси Великой безымянными Божьими странниками построено и украшено тысячи храмовъ. И, благодаря безкорыстію и усердію странниковъ, ни въ одной странѣ нѣтъ такого благолѣпія, по сравненію съ окружающей бѣдностью и неприглядностью деревенскихъ построекъ, какъ у насъ.

Золотыми крестами уходя въ небо, величественно стоятъ церкви среди крестьянскихъ хибарокъ; однѣ лишь онѣ своимъ видомъ украшаютъ незатѣйливыя сѣрыя наши села, радуя сердце православныхъ, доброхотной копѣйкой воздвигнувшихъ домъ Божій для утоленія духовной жажды.

Насколько русскій человѣкъ охотно дѣлится и теперь съ ближними своей копѣйкой на построеніе храмовъ, можно видѣть изъ того, что въ сравнительно короткое время при Канцеляріи Комитета Министровъ собрано болѣе шестисотъ ты-

сячть рублей на благое дѣло церковностроительства по линіи Сибирской желѣзной дороги.

За послѣдніе годы я все рѣже и рѣже встрѣчаю «Власовъ»; по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Петербурга ихъ что-то не видно. Теперь на смѣну ихъ прибыли по желѣзной дорогѣ сборщики въ «справной» одежѣ, съ хорошо выправленными документами и даже планами церквей; появились сборщики не старые, вполне способные къ сельскому труду, съ зычнымъ голосомъ и съ цѣлыми заученными тирадами призыва къ пожертвованію. Прибыли они не проѣздомъ, а специально въ такой-то городъ или такую-то населенную мѣстность, и здѣсь ежедневно по нѣсколько разъ обходятъ тѣ же дома и дачи и не одну недѣлю, а мѣсяцъ и болѣе. Нѣкоторые сборщики новаго типа, какъ мнѣ передавали, «идутъ съ $\frac{1}{3}$ », иначе говоря, получаютъ треть собраннаго, а иные, будто бы, прямо уплачиваютъ въ церковную кассу опредѣленную сумму за полученіе сборной книжки.

Правда ли это? Возможенъ ли такой отхожій промыселъ? Несомнѣнно, причтъ выдастъ свидѣтельства на сборъ только честнымъ людямъ, но, тѣмъ не менѣе, если задѣльная плата существуетъ, то все-таки въ этомъ заработкѣ есть что-то нежелательное...

Знаю, что среди многихъ добрыхъ христіанъ убѣжденіе въ оплатѣ сборщиковъ жалованьемъ на-

чинаеть распространяться, и я не разъ видѣлъ, какъ, при появленіи во дворѣ дюжаго сборщика съ назойливымъ громкимъ выкрикомъ къ «милостливымъ благодѣтелямъ», изъ оконъ съ досадой отмахиваются руками...

Какъ бы хотѣлось опять видѣть симпатичнаго старика Власа!

18-го іюня.

Размышленія сухопутнаго человѣка.

Американскій флотъ «приноситъ народу въ даръ, по случаю національнаго праздника независимости, полное уничтоженіе эскадры Серверы, изъ которой не спаслось ни одно судно», такъ оповѣщаетъ весь міръ телеграфъ. Сказано — сильно, а сдѣлано дѣло — «чисто», какъ говорятъ наши казаки. Обычная, получившая все-свѣтную извѣстность оригинальность американцевъ сказалась здѣсь съ полной яркостью: подарокъ сдѣланъ путемъ уничтоженія!.. Какъ ни жестоко звучать въ концѣ XIX столѣтія слова американской телеграммы о торжествѣ разрушенія и разгрома, но, дѣйствительно, нельзя не отдать справедливости боевымъ качествамъ американскаго флота. На Филиппинскихъ и Антильскихъ островахъ ихъ адмиралы умѣлой и сильной рукой притиснули къ берегу испанскія суда и обратили непріятельскій флотъ въ жалкое морское

кладбище, окруженное плавающими обугленными обломками.

Жалко бѣдныхъ испанцевъ, но для меня, сухопутнаго человѣка, непонятно, зачѣмъ было имъ строить военный флотъ для завѣдомаго разстрѣла и взрыва? Несмотря на свои обширныя колоніи, Испанія никогда истинно морской державой не была, такъ какъ по натурѣ испанецъ — отличный сухопутный солдатъ, безстрашный гверильясъ, но никакъ не морякъ. Подавленный бурями и неизвѣстностью, испанскій экипажъ возропталъ и началъ бунтоваться противъ генуэзца Колумба; Непобѣдимая Армада погибла въ морской пучинѣ; и вообще испанскому сердцу любезнѣе разныя сухопутныя кровавыя тревоженія, чѣмъ борьба съ моремъ и морскими волками. Конечно, среди испанцевъ есть бравые, храбрые моряки, но нельзя не считаться съ тѣмъ установившимся положеніемъ, что водная стихія особенно пришлась по сердцу англичанамъ, скандинавамъ и другимъ прибрежнымъ жителямъ морей Балтійскаго, Нѣмецкаго и Ламанша. Эти суровыя воды, надо полагать, обладаютъ особеннымъ военно-морскимъ воспитательнымъ элементомъ... Янки изъ Англіи перенесли въ Новый Свѣтъ боевыя морскія качества, съ ними они родились и, какъ видно, до сихъ поръ не разстались.

По моему сухопутному размышленію, такой странѣ, какъ Испанія, военный флотъ окажетъ

всегда лишь медвѣжьёю услугу. Знаю, какъ тщетно упражняться въ философствованіи на тему: «что бы было, если бы ничего не было»... Однако не будемъ смущаться и помечтаемъ немного.

Если бы гордые кастильцы во-время воздержались отъ всемірнаго гипнотическаго стремленія къ увеличенію во что бы то ни стало флота и ограничились бы содержаніемъ небольшой военно-полицейской флотиліи для наблюденія за своими берегами, то въ современную кампанію, газетными обозрѣвателями которой мы всѣ теперь состоимъ, до настоящаго момента американцы не имѣли бы ни одного рѣшительнаго успѣха и вся война перенеслась бы на сухопутье, гдѣ счастье могло бы обернуться радостнымъ лицомъ и въ сторону испанцевъ.

Потопленіе военнаго корабля, а тѣмъ болѣе уничтоженіе цѣлой эскадры, по весьма сложнымъ психологическимъ причинамъ, производитъ на потерпѣвшее государство и на общее міровое политическое настроеніе болѣе тягостное и импонирующее впечатлѣніе, чѣмъ гибель въ полѣ отъ гранатъ, картечи, пуль, штыка и шашекъ десятка тысячъ людей или сотенъ тысячъ отъ болѣзней и голода. Вѣдь это такъ!

Упорствуя быть военно - морскою державою, испанцы сами подготовили врагамъ своимъ легко достававшійся успѣхъ и не могли имъ при этомъ нанести сколько-нибудь замѣтнаго вреда;

въ то же время тѣ же испанцы подъ стѣнами Сантъ-Яго, на сушѣ, геройски дрались и побѣда досталась американцамъ дорогой цѣной. За послѣднія же двадцать лѣтъ много, вѣроятно, миллионовъ утекло изъ мадридскаго государственнаго казначейства на свои и чужеземныя верфи, на нѣмецкіе и англійскіе орудійные и «броневые» заводы для постройки и вооруженія погибнувшихъ или еще ранѣе сдѣлавшихся инвалидами судовъ.

Если бы, вмѣсто этого несчастнаго расточительства на содержаніе непосильнаго военнаго флота, средства, составлявшія морской бюджетъ, были употреблены главнымъ образомъ на подъемъ матеріальнаго и нравственнаго положенія колоній, кряхтѣвшихъ отъ непомѣрныхъ налоговъ и коснѣвшихъ въ животномъ невѣжествѣ, а оставшіяся за этими расходами деньги—пошли бы на усиленіе сухопутнаго могущества, то теперь картина была бы другая...

Вѣроятно же всего, что войны совсѣмъ бы тогда не было, а возгорись она, — Америка или иная держава встрѣтила бы въ колоніальныхъ туземцахъ не союзниковъ, а отчаянныхъ враговъ, — да и непріятелю пришлось бы наткнуться на грозныя инженерныя укрѣпленія, снабженныя обильными боевыми запасами и продовольствіемъ...

26-го іюня.

Взаимопомощь.

Нѣмецъ внесъ яблоко раздора въ нашу прессу.

Предпріимчивый антрепренеръ устроилъ спектакль въ пользу *кассы взаимопомощи* литераторамъ и ученымъ. На газетныхъ столбцахъ появилось указаніе на неудобство пользованія подобными подачками опереточныхъ труппъ. Въ отвѣтъ появились строки воинствующаго оправданія и грянулъ бой... Вотъ обстановка бумажнаго театра войны.

Мнѣ кажется, что прежде всего слѣдуетъ остановиться на наименованіи и существѣ того учрежденія, въ пользу котораго въ потѣ лица пѣли веселую оперетку и совершали забавные вицы почтеннѣйшіе нѣмецкіе артисты. Главнымъ, краеугольнымъ камнемъ этой «кассы», какъ я ее понимаю, поставлено условіе «взаимопомощи». Это понятіе исключаетъ возможность принесенія какой-либо ленты отъ постороннихъ кассъ лицъ,

будь это сборы отъ спектаклей, концертовъ, другихъ зрѣлищъ и разныхъ единоличныхъ карманныхъ сбереженій, пожертвованій: митрополичьими пѣвчими, Сальвини, Фигнеромъ, Дуровымъ, спортсменскимъ тотализаторомъ, «кружкомъ» велосипедистовъ или кѣмъ бы то ни было.

Этотъ вопросъ, по-моему, рѣшается просто. Но нельзя съ легкимъ сердцемъ бросать камнемъ въ организаторовъ подвижничества опереточной нѣмецкой труппы на пользу кассы не своей, а общественной. Въ этомъ случаѣ надо считаться съ давно-сложившимися понятіями и взглядами на благотворительные поборы. Многія и многія благотворительныя общества зиждутъ свое существованіе не на лѣнивыхъ и слабосильныхъ членскихъ взносахъ, а на значительномъ пожертвованіи какого-нибудь благодѣтеля, да на вылазкахъ въ сферу театральныхъ, концертныхъ и большихъ залъ. Эти «общества», «кружки» и «кассы» ежегодно вяжутъ сѣти, въ кои должны попасть съ одной стороны благодушные артисты, а съ другой публика, неосторожно встрѣчающаяся съ администраторами благотворительнаго побора. Въ обществѣ нашемъ далеко еще не окрѣпло точное представленіе о правахъ собственности на произведенія свободныхъ профессій. Правда, теперь рѣдко встрѣчаются предприниматели, выпускающіе въ свѣтъ изданія, наполненныя даровымъ матеріаломъ; правда, художники рѣже слышатъ

наивныя просьбы: «нарисуйте мнѣ картинку», — но сценическіе артисты и музыканты до сихъ поръ широкой рукой расточаютъ Богомъ данныя имъ матеріальныя средства... Никому въ голову не придетъ попросить у знакомаго въ подарокъ: дивидендъ отъ брянской акціи, мѣсячное чиновничье жалованье или дневную чистую выручку кондитерской; но попросить артистку X спѣть въ концертѣ и Y сыграть въ спектаклѣ въ пользу Z — дѣло совсѣмъ обычное, и въ этомъ ничего неудобнаго множество лицъ не находятъ.

Учащаяся молодежь въ области устройства благотворительныхъ зрѣлищъ особенно далека отъ всякихъ, такъ сказать, предразсудковъ; смѣло она ополчается на артистическій насущный хлѣбъ и не только этимъ не стѣсняется, но крайне враждебно относится къ неговорчивымъ лицамъ, стоящимъ за свои права. Организаторы ученическихъ благотворительныхъ платныхъ зрѣлищъ, несмотря на юные года, доводятъ до высокой виртуозности умѣнье приглашать артистическія силы и размѣщать входные билеты.

Подобное установившееся и окрѣпшее отношеніе къ артистической помощи отъ чисто благотворительныхъ обществъ перешло и къ учрежденіямъ «взаимопомощи».

Я не позволю себѣ нападать на лицъ, которыя, несмотря даже на лѣтнее общеканикулярное время, не дремали, а всетаки проявили свою дѣя-

тельность на пополненіе небогатаго имъ ввѣреннаго общественнаго сундука. Пока что, я поблагодарилъ бы гг. организаторовъ спектакля; но затѣмъ обратилъ бы ихъ вниманіе, дабы на будущее время изыскивать иныя средства, черпая ихъ, какъ и литературное вдохновеніе, «изъ самихъ себя» (*Honny soit qui mal y pense*).

Отъ сцены же и концертовъ должны кормиться артисты, жизнь которыхъ, за сравнительно небольшимъ исключеніемъ, въ матеріальномъ отношеніи покрыта терніями...

Заговоривъ о литературной «кассѣ», невольно задумываешься о «литературномъ фондѣ» и о «союзѣ писателей». Какъ бы хотѣлось видѣть всѣ учрежденія, предназначенныя для поддержанія работающей перомъ братіи, соединенными въ одно крѣпкое, дружное и дѣловитое цѣлое. Безъ шума и рѣзкихъ пререканій, правомѣрно и цѣлесообразно расширяясь и пополняя свою кассу истинной взаимопомощи обязательнымъ процентомъ со всякаго литературнаго гонорара, такое общество могло бы явиться твердой интеллигентной силой и принесло бы труженикамъ печатнаго слова громадную пользу.

4-го іюля.

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ.

Съ громаднымъ интересомъ прочелъ въ «Прав. Вѣстн.» медицинскій отчетъ по вѣдомству учреждений Императрицы Маріи; въ немъ собраны глубоко назидательныя свѣдѣнія о здоровьѣ обучающагося юношества. Рѣдко приходится знакомиться съ такой откровенной исповѣдью о вліяніи учебной системы на организмы подростающаго поколѣнія. Въ институтахъ учебныя программы и классныя росписанія такъ составлены, что у дѣтей недостаетъ времени на отдыхъ и некогда заниматься физическими упражненіями. Какое же должно доставаться «классическимъ» труженикамъ?!

Въ газетахъ уже приведены цифровыя данныя о количествѣ малокровныхъ, золотушныхъ и расположенныхъ къ чахоткѣ дѣвицъ. Неутѣшительно, и болѣе того—становится страшно.

Трудно достается дѣтямъ школьная жизнь, но и до поступленія въ нее организмы оказываются

уже расшатанными и не подготовленными къ сопротивленію различнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Давно мы кричимъ, что въ школѣ неблагополучно,—теперь сами «вѣдомства» уже не отрицаютъ существованія «переутомленія» и сопряженной съ нимъ чахлости дѣтей. Но неблагополучіе не ограничивается школьными стѣнами,—оно проявляется еще дома.

Съ самаго ранняго дѣтства, начиная съ «учебныхъ игрушекъ», открывается нами длинная ожесточенная кампанія противъ самыхъ дорогихъ существъ, нашихъ же крошекъ-дѣтей. И чѣмъ любвеобильнѣе отчее и материнское сердце, тѣмъ яростнѣе нападеніе на лучшее, незабвенное прежде время дѣтства. Лишь только ребенокъ начинаетъ лепетать, какъ у родителей гвоздемъ впивается уже мысль о подготовкѣ его «въ заведеніе». Съ этихъ минутъ сказки дитя «прости» свѣтлому отдыху, неомраченному думой о заданномъ урокѣ. И чѣмъ ребенокъ старательнѣе, чѣмъ натура его совѣстливѣе, тѣмъ глубже опускается въ него этотъ страшный винтъ постоянной заботы о подготовкѣ. Бѣдныя, бѣдныя дѣти!

Родители видятъ, что дѣти ихъ блѣднѣютъ, худѣютъ, что имъ слѣдовало бы побольше быть на воздухѣ, побольше двигаться, сытно завтракать и во-время ложиться спать; но мысль о конкурсѣ при поступленіи въ «заведеніе» заставляетъ, съ горестнымъ вздохомъ отбросивъ попеченія о

здоровьѣ, посылать ихъ въ тѣсныя, душевныя «дѣтскіе сады», называемые такъ, должно быть, въ насмѣшку, потомъ въ — «подготовительныя пансіоны», и слѣдить за неукоснительной подготовкой уроковъ...

Школьный вопросъ — вопросъ громаднѣйшей, краеугольной государственной важности — нельзя разрѣшать здѣсь, въ нѣсколькихъ строкахъ, а потому я подчеркиваю сейчасъ одну изъ тысячи составныхъ частей этого наиважнѣйшаго изъ всѣхъ вопросовъ. «Прав. Вѣстн.» говоритъ, что «немногіе институты, по преимуществу губернскіе, нашли возможнымъ за свой страхъ освободить воспитанницъ отъ приготовленія уроковъ на нѣкоторые дни недѣли». Результаты получились очень утѣшительные. Такъ, на примѣръ, въ казанскомъ институтѣ «всѣ воспитанницы выиграли въ вѣсѣ тѣла, поправились питаніемъ и видимо окрѣпли». Важно также, что «сдѣланное облегченіе по прохожденію учебно-умственныхъ уроковъ ни мало не повліяло на успѣшность ученія», напротивъ — «оно даже выиграло». Этотъ поучительный примѣръ немедля слѣдовало бы распространить на всѣ низшія и среднія учебныя заведенія и не задавать впредь на послѣпраздничные дни никакихъ уроковъ.

Только при этомъ условіи, стряхнувъ съ себя тяжкую заботу объ урокахъ, дѣти почувствуютъ настоящій отдыхъ въ праздники. Теперь же за-

боглые преподаватели пользуются именно этимъ предназначеннымъ и церковью, и правительствомъ временемъ для отдыха, чтобы задать побольше письменныхъ работъ и «повтореній».

Вѣроятно, за школами послѣдовали бы семьи и освобождали бы своихъ птенцовъ отъ праздничной работы, отъ которой увольняютъ всѣхъ казеннослужащихъ и даже фабричныхъ рабочихъ.

«Неученье», конечно, тьма, но и «переученье» — истинная каторга. Будемъ учить дѣтей понемногу, но требовать полного усвоенія ими предмета; а для подготовки къ этому достаточно и пяти вечеровъ въ недѣлю. Оставимъ субботній вечеръ Богу, а воскресный — дѣтскимъ и юношескимъ утѣхамъ.

12-го іюля.

Русская кормилица и воскресающій Лазарь.

Г. Розановъ, вдохновившись видомъ двухъ смуглыхъ армянскихъ мальчиковъ, конвоировавшихъ по Кисловодскому парку бѣлокурую русскую дѣвочку, написалъ интересный очеркъ на тему «послужиши всѣмъ—да и тебѣ послужать». Талантливый авторъ замѣтокъ «съ юга» скорбитъ за нашу «окраинную политику» и подчеркиваетъ видимое воскрешеніе политическихъ «Лазарей», которые могутъ стать «тучами на горизонтѣ, а могутъ стать и свѣтлыми зарницами». По мнѣнію г. Розанова, наша ошибка заключается въ томъ, что «мы наступаемъ на нравы, на языкъ, иногда и хотъ чуть-чуть—на вѣру: намъ отвѣчаютъ политикой».

Прочелъ я эти строки, переѣзжая финляндскую границу *въ тридцати двухъ* «километрахъ» отъ столицы государства. Переѣзжалъ границу и вступалъ въ одну изъ русскихъ окраинъ, завоеванную послѣ ряда долгихъ войнъ. Тщетно старался

я подмѣтитъ проявленія нашего варварскаго обращенія съ нравами, языкомъ и религіей гиперборейскаго, давно воспрянувшаго «политическаго Лазаря». Наоборотъ, мнѣ казалось, что еще въ Петербургѣ, на финляндскомъ вокзалѣ, царствовали не русскіе нравы, не русскій языкъ; а здѣсь въ Куоколи, Перкіярви, Випури, въ Кореліи, въ мѣстностяхъ, за обладаніе которыхъ бились и русскіе князья, и русскіе цари, въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Имперіи на общихъ основаніяхъ мощною рукою политическаго гиганта, здѣсь — и помину не было о русской власти, о русскомъ преобладаніи. Не только языкъ, религія, нравы остались неприкосновенны, какъ мѣстный гранитъ, но край пользуется еще автономнымъ правительствомъ и созданъ особый видъ человѣка: «финляндскій подданный». Этотъ диковинный господинъ, глядя на Россію, упорно повторяетъ: «что твое, то мое, а что мое, то мое». На нашей азіатской границѣ встрѣчаются кочующія племена — «двуподданцы», т. е. подданные и Китая и Россіи. Оказывается, и каждый финнъ также двуподданинецъ: онъ «финляндскій подданный» и въ то же время во всей Россіи пользуется правами жителя «внутреннихъ губерній». Служить, получать чины и другія милости онъ можетъ и тутъ и тамъ, что отнюдь недозволено обитателямъ другихъ русскихъ областей...

Г. Розановъ говоритъ о заслугахъ русской

простой няни-прислуги, потрафляющей на всѣхъ русскихъ и инородцевъ. Да, Россія была заботливой няней, баловавшей много лѣтъ худосочнаго, слабенъкаго ребенка. Дитя выросло, окрѣпло и знать теперь не хочетъ своей няни, своей кормилицы, а въ мирное время воротить лицо отъ своей пѣстуны. Кажется, здѣсь Россія «послужила всѣмъ (финляндцамъ)», но тщетно она дожидается: «да и тебѣ послужатъ». Вотъ это не «почти мечта», а фактъ, съ которымъ нельзя не считаться. Люди здѣсь, въ Финляндіи, живутъ бравые, честные, но благодарности за русскую доброту и политическое попустительство они не чувствуютъ и Россіи чуждаются.

Оставимъ пока эту лейбъ-область, эту окраину, пользующуюся конституціоннымъ строемъ на основаніи филологическихъ недомолвокъ, невозбранно истолкованныхъ въ свою пользу систематическими, упорными партикуляристами...

Сколько поглотила средствъ, сколько тысячъ русскихъ людей сложило свою голову въ долгой борьбѣ за закавказскихъ христіанъ, за дарованіе имъ возможности существовать и не быть стертыми съ лица земли магометанскими государствами! Покушались ли мы на ихъ нравы, религію и языкъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ; мы сами подлаживались къ нимъ, мы сами кавказились, и всѣ сколько-нибудь замѣтные дѣятели туземцы-христіане имѣли всегда значительное предпочтеніе

передъ русскими. До самаго послѣдняго времени администрація христіанскихъ и магометанскихъ закавказскихъ областей была въ рукахъ армянъ и грузинъ.

Въ Остзейскомъ краѣ не только мы не наступали на нравы, на языкъ, на религію, но шага не могли сдѣлать безъ извиненія и книксовъ.

Что же? Любовная волна къ Россіи охватила эти окраины?..

Въ политической жизни многія прописныя, казалось, положенія приводятъ къ неожиданнымъ результатамъ. Ключъ къ разрѣшенію этихъ проклятыхъ вопросовъ затерялся, и видимо его не такъ легко найти. Россія, какъ ни одна изъ державъ, выказала свою терпимость къ религіямъ, нравамъ и языкамъ и всякій вѣрноподанный, безъ различія національности, доходитъ у насъ до самыхъ высокихъ ступеней іерархической лѣстницы. Грѣшно упрекать Россію въ насильничествѣ.

Говоря о языкѣ, я исключаяю школу. Нельзя же предположить, чтобы государство культивировало спеціально польскія, армянскія, кумыкскія, аварскія, адигейскія, калмыцкія, ногайскія, киргизскія, башкирскія и т. п., и т. п., школы. Вѣдь этакъ недалеко и до столпотворенія Вавилонскаго; а для государства, для блага всѣхъ подданныхъ, думается, необходимъ общій языкъ въ ад-

министраціи, судѣ и разнообразныхъ внутреннихъ сношеніяхъ.

Не за языкъ упрекнуть нужно наши школы, а за то, что, по выраженію г. Розанова, «изъ нашихъ школъ выходятъ на 99 «общечеловѣковъ» одинъ «съ русской душой». Самыя «возрожденія», воскрешенія политическихъ Лазарей — во многомъ продуктъ школъ. Вѣдь ни одно, рѣшительно ни одно изъ пяти-шести нашихъ «возрожденій» не идетъ изъ населенія, отъ селъ и деревень; это — городское явленіе, и даже частнѣе — школьное, литературно-ученое. Положимъ, г. Розановъ слишкомъ ужъ черно смотритъ на школьные результаты. Я увѣренъ, что съ «русской душой» выходятъ въ жизнь многіе.

Но все-таки надъ этими словами такого знатока школы, какимъ себя заявилъ въ литературѣ г. Розановъ, слѣдуетъ подумать и подумать...

Что же дѣлать? Что же дѣлать на нашихъ окраинахъ? Думается мнѣ, что копаться, отыскивая примѣры, въ исторической жизни чуждой намъ и притомъ погибшей Римской имперіи не слѣдуетъ; равно не слѣдуетъ и строить воздушные замки идеальнаго устроенія съ фундаментомъ изъ мечты.

Не лучше ли, не впадая въ слащавость и задабриванье, быть на-сторожѣ текущихъ повседневныхъ интересовъ, сглаживать шероховатости,

хмуриться или улыбаться не по капризу, конечно, а сообразно съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, тревожнымъ или радостнымъ. Посмотрите на всѣ другія государства! Посмотрите на культурнѣйшія страны! Взгляните на отношенія Англіи къ Ирландіи, Швеціи къ Норвегіи, Австріи къ Венгріи. Вглядитесь въ политику западно-европейцевъ въ Аѳрикѣ и Азіи. Сколько эгоизма и какого закорузлаго, страшнаго!.. Царство Божіе еще не наступило на землѣ, и плохо тому придется теперь, кто смиренно примется подставлять подъ удары насильниковъ свои ланиты, кто раздастъ свое состояніе и пойдетъ съ сумой... Грустно, милліонъ разъ грустно—для христіанина, но это такъ. И государственный организмъ, несомнѣнно, не долженъ идти наперекоръ человѣческой природѣ, и онъ долженъ приспособляться къ нему и не безъ эгоизма заботиться о самозащитѣ. Что дѣлать, надо съ этимъ мириться! Донъ-кихотствовать нельзя, такъ какъ иначе, при упорствѣ идти противъ историческаго теченія, признаковъ русскаго государства не останется къ тому времени, когда черезъ много, много лѣтъ истинное христіанское ученіе восторжествуетъ.

Р. С. Напрасно г. Розановъ къ государственному ядру причисляетъ лишь только великороссовъ. И собирательница разсыпавшагося государства, Москва, и мать русскихъ городовъ, Кіевъ,

равно дороги русскому сердцу, также равно близки ему сопредѣльные съ ними народы, и для русской политики нѣтъ ни великоросса, ни малоросса, ни бѣлоросса, а есть — *русскій, русскій и русскій.*

20-го іюля.

Пасынки номенклатуры.

Опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе списокъ среднихъ учебныхъ заведеній, курсъ которыхъ признается достаточнымъ для допущенія къ конкурснымъ пріемнымъ испытаніямъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ концѣ перечня, въ хвостѣ его, послѣ частныхъ школъ, отведено мѣсто для военныхъ училищъ и духовныхъ семинарій. Поступленіе въ одно изъ военныхъ училищъ обусловлено окончаніемъ кадетскаго корпуса или другого средняго учебнаго заведенія, вслѣдствіе чего, казалось бы, упоминаніе объ этихъ заведеніяхъ является лишнимъ.

Меня останавливаетъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ, подведеніе подъ рангъ «среднихъ учебныхъ заведеній» военныхъ училищъ и духовныхъ семинарій. Двухлѣтній, а въ нѣкоторыхъ и трехлѣтній курсъ военныхъ школъ, въ которыхъ, по окончаніи общаго обра-

зованія, молодые люди серьезно занимаются, подготавливаясь къ офицерскому званію,— не придаетъ имъ офиціально никакого плюса, и если офицеръ не прошелъ курса академіи, онъ всю жизнь будетъ подводиться подъ категорію гимназистовъ. Эта классификація имѣетъ не только нравственный, платоническій характеръ, но, какъ извѣстно, скромный титулъ «окончившаго курсъ лишь средняго учебнаго заведенія» является недостаточнымъ паспортомъ для занятія чисто административныхъ должностей въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. Отношенія гимназій и равныхъ имъ по курсу заведеній къ университетамъ и техническимъ высшимъ школамъ совершенно не схожи съ положеніемъ военныхъ училищъ къ военнымъ академіямъ. Военно-училищный курсъ является во многомъ конспектомъ тѣхъ свѣдѣній, которыя съ значительно большей полнотой преподаются въ академіяхъ. На базѣ хорошо воспринятой военно-училищной программы трудолюбивый офицеръ самостоятельно можетъ дополнить свое спеціальное образованіе, не рискуя заблудиться въ неизвѣстныхъ ему дебряхъ, не рискуя надергать случайныя свѣдѣнія, не связанныя общей системой, общимъ взглядомъ.

Примѣры этому встрѣчаются нерѣдко. Мы знаемъ многихъ лицъ, окончившихъ курсъ бывшихъ спеціальныхъ классовъ кадетскихъ кор-

пусовъ или современныхъ военныхъ училищъ и которыя на дѣлѣ показали себя высокообразованными военными людьми.

То же можно, казалось бы, сказать и объ окончившихъ полный курсъ духовныхъ семинарій по отношенію къ духовнымъ академіямъ.

Эти соображенія даютъ право выдѣлить лицъ, окончившихъ успѣшно курсы военныхъ училищъ и духовныхъ семинарій, въ особую спеціальную категорію, поставленную выше гимназистовъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній и для болѣе точнаго опредѣленія учебнаго, такъ сказать, ранга военныхъ училищъ, желательно было бы въ положеніи о нихъ упомянуть, что они *высшія военныя школы*.

Что касается Морского корпуса, то, въ положеніи объ этомъ заведеніи, не взирая на существованіе академіи, сказано, что это есть *высшее морское учебное заведеніе*.

26-го іюля.

Офицерское обмундированіе.

Изъ всѣхъ положеній, выработанныхъ по этому вопросу военной комиссіей, мнѣ кажется самымъ существеннымъ и принципиальнымъ послѣдній, заключительный, параграфъ, въ которомъ выражается желаніе вернуть бывшимъ армейскимъ, гусарскимъ и уланскимъ полкамъ ихъ прежнюю форму обмундированія, какъ «залогъ лихости и храбрости въ будущихъ войнахъ» и какъ приманку «на кавалерійскую службу состоятельной молодежи».

Несомнѣнно, при перемѣнѣ формы полковыя традиціи были нарушены; но вѣдь это было 15 лѣтъ тому назадъ, и за это время народилось молодое кавалерійское поколѣніе, которое не знало ни доломановъ, ни уланскихъ лацкановъ и киверовъ. Что же касается военного существа, «лихости и храбрости», то не хочется вѣрить, чтобы залогъ этихъ высокихъ чувствъ связанъ былъ

съ этишкетами и шнурами. Я увѣренъ, что бывые гусарскіе и уланскіе полки въ кителяхъ и фуражкахъ не менѣе страшны были врагу, чѣмъ въ своихъ пестрыхъ расшитыхъ парадныхъ мундирахъ. Посѣдѣвшій въ бояхъ, наиболѣе заслуженный изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ знаменитый Нижегородскій не черпалъ свою храбрость въ блестящей формѣ. Довольствуясь скромнымъ драгунскимъ мундиромъ, доблестные нижегородцы во время Кавказской войны являли чудеса храбрости и еще въ прошлую турецкую кампанію, вмѣстѣ съ другими кавказскими драгунами, показали, какихъ удивительныхъ результатовъ можетъ достигнуть безстрашная кавалерійская атака въ нашъ огнестрѣльный вѣкъ. Кромѣ кавказскихъ, и другіе старые драгунскіе полки въ скрижали исторіи вписали не мало подвиговъ истинной лихости и беззавѣтной храбрости.

Что касается приманки для состоятельной молодежи, то это мнѣ совсѣмъ непонятно. Желательно ли завлекать побрякушками въ дѣло серьезное, дѣло боевое? Въ былое время, да и теперь, богатая и аристократическая молодежь съ удовольствіемъ шла въ тотъ же Нижегородскій и другіе кавказскіе драгунскіе полки. Прельщала ихъ не форма, а нѣчто болѣе возвышенное: прельщалъ ихъ тотъ истинно-военный рыцарскій духъ, которымъ проникнуты эти полки.

Форму армейскихъ гусаръ и уланъ измѣнили, несомнѣнно, не по капризу, а по серьезнымъ причинамъ. Не входило ли въ число этихъ мотивовъ упрощенія соображеніе о желаніи комплектовать кавалерійскихъ офицеровъ не обязательно изъ среды состоятельной молодежи, а изъ числа хотя и не богатыхъ, но серьезно преданныхъ своему дѣлу молодыхъ людей? Въ настоящее время, благодаря развитію развѣдочной службы, отъ кавалерійскаго офицера требуется многое. Задача его не гарцовать передъ взводомъ или «въ замкѣ» на красивомъ парадерѣ — онъ долженъ сознательно отнестись къ освѣщенію мѣстности, нанести кроки, оцѣнить мѣстность и всѣ привходящія обстоятельства. Для такого кавалериста, кромѣ лихости, требуется серьезная подготовка, и «состоятельная молодежь» врядъ ли можетъ дать достаточное количество подходящихъ подъ новыя требованія офицеровъ. Мы знали много дѣльныхъ кадетъ, которые любовно относились къ кавалерійскому дѣлу, но, по неимѣнію средствъ, должны были отказаться отъ этой карьеры. Поэтому нельзя было не привѣтствовать упрощеніе формы, совершенное Императоромъ Александромъ ІІІ, врагомъ всякаго мишурнаго блеска. Операция была сдѣлана сильною рукою. Рана зажила. Зачѣмъ вновь вередить ее?..

Что касается другихъ вопросовъ обмундиро-

ванія, то нельзя не привѣтствовать орлы на армейскихъ пуговицахъ. Эта дорогая для каждого русскаго эмблема украшаетъ форму не только гвардіи, но почти всѣхъ чиновниковъ гражданскихъ вѣдомствъ, армія же была лишена Императорскаго знака. Прежде на пуговицахъ были номера частей и пушки у артилеристовъ, а съ тѣхъ поръ, какъ стерли эти значки, гладкія пуговицы выглядывали досадно некрасивыми.

Если идетъ вопросъ объ упрощеніи *во что бы ни стало*, о сокращеніи разнообразія формъ, то, кромѣ тужурокъ, можно оставить лишь современный сюртукъ и—только. Для парадовъ къ воротнику можно было бы пристегивать шитье, что и превращало бы временно армейскій офицерскій сюртукъ въ мундиръ. Крайне не художественны оставшіяся издавна разноцвѣтныя петлицы, которыя безобразятъ воротникъ, выглядывающій сшитымъ изъ лоскутковъ. Слѣдовало бы воротники дѣлать одноцвѣтные, а для болѣе точнаго обозначенія полковъ на погонахъ ставить номера полковъ, а не дивизій.

Современная шапка крымскаго образца очень уродуетъ наши войска и безъ нужды понижаетъ ростъ въ строю. Конечно, слѣдуетъ измѣнить форму головного убора, но желательно остеречься отъ изобрѣтенія «новаго образца». Можно было бы просто скопировать прежнія папахи кавказской

арміи. Теперешнія модныя палахи, которыя мнѣ приходилось видѣть у казаковъ, такъ же похожи на истинныя, какъ лимонъ на апельсинъ... Боятся моли, о чемъ говорится въ положеніяхъ комиссіи, казалось бы, не слѣдовало; тогда изъ страха передъ этими насѣкомыми и мундиры солдатамъ пришлось бы шить не изъ сукна, а изъ бумажной матеріи.

Кожаная портупья своею непрактичностью и своимъ уродствомъ, дѣйствительно, давно вопіетъ о замѣнѣ болѣе красивой тесьмой. Желаютъ ее замѣнить галунной портупеей. Конечно, это красивѣе, но врядъ ли практично для дальнихъ походовъ. Кавказцы столѣтней боевою жизнью выработали прекрасное воинское снаряженіе: выработали они тонкую, прочную ремennую портупею съ серебрянымъ украшеніемъ. Эта оригинальная элегантная портупья мнѣ больше нравится, ее бы я и рекомендовалъ армейскимъ офицерамъ.

Рекомендовалъ бы я также позаимствовать для офицеровъ и шашки кавказскаго образца, бурки и башлыки.

Кто не знаетъ, что большинство офицеровъ относится къ повседневному ношенію оружія далеко не сочувственно, а современная форменная шашка мало къ тому же къ себѣ располагаетъ. Другое дѣло кавказская шашка! Недаромъ ее носятъ нижегородскіе драгуны.

Установленіе большихъ сапоговъ только лишь «для строя и похода» поведетъ не къ упрощенію формы, а къ усложненію, такъ какъ потребуетъ обязательно шароваръ двухъ образцовъ.

27-го іюля.

Г-нъ В. Р. Г. въ № 209 «Спб. Вѣд.» говоритъ, что я выступилъ «въ защиту нынѣшняго драгунскаго мундира». Смѣю увѣрить, что я отнюдь не пылаю особой страстью къ современной кавалерійской формѣ, да въ моей защитѣ она и не нуждается. Я затронулъ вопросъ принципиальный. Мнѣ казалось, что комиссія, призванная къ упрощенію обмундированія, занялась ея усложненіемъ. Я не могъ помириться съ положеніемъ, выставленнымъ комиссіей, которая видитъ въ обмундированіи стараго образца «залогъ лихости и храбрости». Вотъ это нельзя было оставить безъ возраженія... Вѣдь если бы это было такъ, то логическій выводъ отсюда такой: современные — скажемъ, — павлоградцы, ахтырцы, смоленцы и ямбургцы, лишенные этого «залога», будутъ драться съ меньшей храбростью и съ меньшей лихостью, чѣмъ ихъ полковые отцы и дѣды. А предполагать это невозможно, и я глубоко убѣжденъ, что какъ павлоградцы и ахтырцы, такъ и другіе бывшіе гусарскіе и уланскіе, а

нынѣ драгунскіе полки всегда готовы съ прежней беззавѣтной отвагой и мужествомъ идти на защиту Царя и Отечества. Въ этомъ же, по-моему, — все существо дѣла.

Военныя обстоятельства такъ складывались, что лучшіе боевые моменты нашей регулярной европейской кавалеріи связаны съ XVIII столѣтіемъ и первой половиной XIX. Крымская кампанія и послѣдняя Восточная война не давали возможности нашимъ армейскимъ гусарамъ и уланамъ развернуть свои блестящія достоинства во всей полнотѣ, и боевыя полковыя преданія связаны особенно съ Екатерининской эпохой и временами Сына и Внуковъ Великой Императрицы. Формы при Потемкинѣ, Румянцевѣ, Суворовѣ, Кутузовѣ и даже Паскевичѣ были не тѣ же, что въ царствованіе Александра II. Гусары Кульнева уже отличались отъ гусаръ Шевича, а гусары нашихъ 70-хъ годовъ и тѣмъ болѣе отошли отъ своего прототипа. Какую же форму возвращать? Послѣднюю? Почему же? Вѣдь она наименѣе напоминаетъ о боевомъ прошломъ?..

Что касается красоты формы, то, конечно, кому не извѣстно, какое значеніе имѣетъ для людей внѣшняя оболочка. Доказывать подобную аксіому значить ломиться въ открытую дверь. Несомнѣнно, что въ особенности молодые офицеры, а также и нижніе чины любятъ блестящую форму. Но вѣдь военныя положенія устанавливаются некорнетами.

Устанавливаются они людьми посѣдѣвшими, у которыхъ молодость уже прошла, а иначе,—дайте волю въ обмундированіи прапорщичьей фантазіи, и вы увидите, какіе блески рассыплются они по мундиру... Еще вопросъ, впрочемъ, насколько красивъ взятый отъ сохи русскій крестьянинъ въ гусарской или уланской формѣ, сшитой въ армейской полковой мастерской? Лейбъ-гусаръ нельзя брать въ примѣръ, такъ какъ ихъ комплектуютъ исключительно красавцами-рекрутами. Художникъ въ душѣ, Императоръ Александръ III, вѣроятно, не могъ равнодушно видѣть одиночныхъ солдатъ, армейскихъ уланъ и гусаръ. Не пристала эта пестрая форма къ громадному большинству мѣшковаатаго, неповоротливаго нашего простонародья...

За послѣднія пятнадцать лѣтъ вступали въ кавалерію, надѣюсь, образцовые молодые люди,—не останавливала же ихъ сумрачность формы; объ этихъ-то достойныхъ молодыхъ людяхъ я и сказалъ, что это — «новое драгунское поколѣніе». Не правится, можетъ быть, слово «поколѣніе»,—замѣните другимъ. Къ слову сказать, я и не думалъ враждовать съ богатствомъ. Хорошій кавалерійскій офицеръ и притомъ состоятельный человекъ — отлично! Но мнѣ сдается, что наша помѣщичья среда, снабжавшая прежде кавалерію офицерами, оскудѣла имущественно и не въ состояніи давать молодежи прежнихъ средствъ. Если

же г. В. Р. Г. имѣетъ данныя о богатствѣ нашего дворянства, то остается только радоваться.

По моему убѣжденію, пятнадцать лѣтъ назадъ, при реформѣ, «полковыя традиціи были нарушены», что я въ началѣ своей статьи 27 іюля и сказалъ; но обезпокоенныя преданія улеглись, и хорошія боевыя традиціи частей, — увѣренъ я, — витаютъ теперь надъ полками такъ же, какъ и прежде.

Можно пожалѣть, что при перемѣнѣ формы кавалеріи, армейскіе полки наименовали «драгунскими», а не просто «конными». Нечего грѣхъ таить, — въ старину, въ регулярной кавалеріи замѣчалась рознь между частями трехъ родовъ наименованій. Гусары считались въ арміи какъ бы аристократіей, за ними шли уланы и потомъ уже драгуны. Желательно ли воскрешать эти предразсудки?

Говорятъ о примѣрномъ храненіи мундирныхъ традицій на Западѣ. Не отрицаю. Западъ всегда придавалъ значеніе формѣ. Тамъ и судьи, и адвокаты до нашихъ дней засѣдаютъ въ средневѣковыхъ мантияхъ. А какія формы у лондонскаго муниципалитета! Попробуй, однако, нарядиться въ подобные костюмы наши судейскіе или наша городская управа... дѣти смѣяться будутъ... Что дѣлать, такой немундирный мы народъ! Зато нѣкоторымъ чисто государственнымъ традиціямъ

русскій человѣкъ крѣпокъ до смерти! И на томъ—слава Богу...

Что касается того, что судебные чины съ удовольствіемъ облеклись въ форму, то объясняется это—экономіей и гарантіей мундирной личности отъ разныхъ посягательствъ. Въ столицѣ, среди модниковъ, внѣ службы, гражданская форма не прививается.

Вѣдь и заграницей, гдѣ такъ сильна мундирная традиція, военные,— правда, не нѣмцы,—«въ свѣтъ» выѣзжаютъ въ цивильномъ платьѣ...

Императоръ Александръ III, великій русскій человѣкъ, зная русскій духъ войскъ, видимо желалъ дать нашей арміи и внѣшнюю національную окраску, такъ какъ до него, по головнымъ уборамъ, она выглядывала прусско-франко-австрійской, по мундирамъ—прусско-австрійской. Оказывается, русскій покрой платья намъ не по душѣ, мы имъ недовольны и просимъ перемѣнить на иностранную форму. Печально...

Если быть послѣдовательнымъ и возобновить старину, то пришлось бы вновь вызвать къ жизни: армейскіе кирасирскіе, мушкатерскіе, фузелерные полки и еще иныя давно позабытыя наименованія, оставившія своимъ современнымъ потомкамъ богатую исторію. Если въ арміи вновь появятся гусарскіе и уланскіе полки, то, конечно, отъ этого никакого ни труса, ни глада не приключится, и все обойдется спокойно; но нельзя же не обратить вни-

маніе, что, ломая недавно созданное, мы этимъ самымъ являемся врагами традицій, не давая имъ установиться и окрѣпнуть. Не лучше ли ограничиться небольшими измѣненіями шероховатостей и не трогать существа реформы?

Въ заключеніе приведу одну историческую справку.

Въ 1817 году въ Закавказье изъ «Россіи» долженъ былъ придти Ширванскій полкъ, Кабардинскій же перейти въ Сѣверный Кавказъ на смѣну Казанскаго, который предназначенъ былъ къ отправленію во внутреннія губерніи. «Кавказскій Цезарь», генералъ Ермоловъ, не желая отпускать изъ Закавказья свой знаменитый десятый легіонъ, Кабардинскій полкъ, и казанцевъ съ Кавказской линіи, обмѣнявъ только знамена, самовольно рѣшился переименовать Кабардинскій полкъ — въ Ширванскій, Казанскій — въ Кабардинскій, а старый составъ только-что прибывшаго Ширванскаго полка, подъ именемъ Казанскаго, отправилъ назадъ. Въ тотъ же годъ заговорили о блестящихъ подвигахъ Ширванскаго и Кабардинскаго полковъ. Ветераны выдержали печальную, жестокую операцію и покрыли себя славою. Боевые свои традиции они носили въ наиболѣе надежномъ помѣщеніи — въ самихъ себѣ...

2-го августа.

Офицерская брачная зрѣлость.

Государственный бюджетъ «не можетъ обезпечить офицеровъ такимъ содержаніемъ», которое давало бы возможность содержать «на тѣ же средства» и семьи. «Большія офицерскія семьи, въ случаѣ смерти отцовъ или выступленья ихъ въ походъ, остаются на попеченіи государствъ и увеличиваютъ число призрѣваемыхъ». Вотъ тѣ соображенія, которыя подвинули военную комиссію «къ пересмотру *законоположеній о бракахъ*». Собственно въ такомъ безотрадномъ матеріальномъ положеніи находятся и всѣ другіе агенты правительства, которое, несомнѣнно, не можетъ гарантировать ихъ семействамъ безбѣднаго существованія, а со смертью своего служащаго даетъ пенсію вдовѣ и дѣтямъ. Что касается походнаго времени, отъ котораго болѣе обезпечены гражданскіе чины, то, сколько мнѣ извѣстно, семьямъ офицеровъ оставляютъ лишь квартирный окладъ и болѣе ничего; если же и прибавляется что-ни-

будь, то это во время кампаніи составляет ничтожную крупицу въ безднѣ военныхъ расходовъ.

«Большая» или «малая» семья для пенсіонной кассы всѣхъ вѣдомствъ не играетъ роли. Въ этомъ случаѣ для закона рѣшающимъ моментомъ служитъ цифра 3. Сколько бы выше этого ни было дѣтей, все равно касса не выдастъ болѣе, чѣмъ на трехъ. А большая или малая это семья?—Какъ кто смотритъ!

Какіе же еще выставляются мотивы къ принятію противобрачныхъ мѣръ? «Желаніе удержать молодого офицера отъ вступленія въ бракъ въ періодъ первыхъ увлеченій». Такое пожеланіе также не имѣетъ специфически-военнаго характера, а одинаково касается всѣхъ гражданъ государства. Вопросъ, однако, въ томъ, что именовать «первыми увлеченіями»? Вѣдь дѣло идетъ не о гимназическихъ Зибеляхъ, а о совершеннолѣтнихъ молодыхъ людяхъ, находящихся именно въ томъ возрастѣ, когда вполне естественно наступаетъ пора истинной любви. Не ждать же лысины, катарра и ревматизмовъ, хотя бы и скрашенныхъ чинами штабъ-офицера или совѣтника?! Вѣдь не только волосы, зубы и мускулы, но и сердечные любовные порывы съ годами быстро измѣняются, тускнѣютъ, утрачиваютъ свой аромат! И никто не знаетъ заранѣе, когда приспѣетъ часъ любви: будетъ ли въ 21 годъ, въ 25 или въ 60? Казалось, что для всѣхъ служащихъ, военныхъ и

гражданскихъ, общимъ minimum'омъ брачной зрѣлости можетъ служить возрастъ общечеловѣческаго совершеннолѣтія — 21 годъ. Отсюда надо исходить; но для каждаго даннаго случая нельзя принять одну и ту же мѣрку. Иной доживетъ до сѣдыхъ волосъ и увлекается сотни разъ, «двѣ недѣли былъ ей вѣренъ, а на третью измѣнилъ», а другой въ 21 годъ такъ нравственно сформировался, что ему можно довѣрить семейное гнѣздо. Значительная серьезность субъекта, достаточное умственное развитіе не служатъ задерживающими тормазами къ любви. Зачастую такіе именно люди, «однолюбы», въ ранней молодости избираютъ себѣ подругу, и если на дорогѣ встрѣчаются имъ запрещенія, то они пускаютъ себѣ пулю въ лобъ или гибнутъ другимъ способомъ...

Ограниченіе на вступленіе въ бракъ пришло къ намъ изъ заграницы. Нѣмцы, — Карлъ и Августа, — по своей особенной, ниспосланной имъ теутонскими предками природѣ, спокойно ждутъ нѣсколько трехлѣтій и даже пятилѣтій того момента, когда, «умудренные житейскимъ опытомъ», могутъ, на законномъ основаніи, заключить другъ друга въ супружескія объятія. Для большинства французовъ бракъ является коммерческимъ дѣломъ и и они женятся не только въ зависимости отъ точно опредѣленныхъ средствъ, но и, женившись, производятъ на свѣтъ потомство, также соображаясь со своими доходами.

Западъ, наконецъ, сочинилъ полное безбрачіе духовенства и то, что у насъ считается однимъ изъ главныхъ элементовъ монашескаго подвижничества, у католиковъ обязательно для каждаго священника съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

У насъ составилось твердое убѣжденіе, что принужденіе къ холостой жизни, къ celibату, прямо ведетъ къ конкубинату, культивируетъ свободную любовь, отъ которой многіе безглаголиво отворачиваются. Выгода, получаемая при освобожденіи офицеровъ или другихъ молодыхъ людей отъ супружескихъ цѣпей, врядъ ли можетъ нейтрализовать тотъ нравственный уронъ, который слѣдуетъ за неминуемой, извѣстнаго рода, распущенностью.

Есть однако и чисто военное соображеніе, заставляющее комиссію сдерживать матримоніальные порывы офицеровъ. «Въ военное время отъ него (офицера) требуется безусловное спокойствіе, мужество и храбрость, граничащая съ самопожертвованіемъ, а эти качества легче достаются въ удѣлъ холостому, нежели семейному офицеру». Несомнѣнно что человѣкъ, оставляющій дома семью, съ меньшею охотой выступаетъ въ походъ, чѣмъ холостой. Но разъ не отъ него, не отъ подпоручика или поручика, зависитъ рѣшеніе войны и отправленіе въ кампанію, то, онъ хочетъ не хочетъ, поидетъ; а затѣмъ никто не смѣлъ еще упрекнуть семейныхъ офицеровъ или солдатъ, чтобы

они на войнѣ показывали тылъ непріятелю и не проливали такъ же доблестно кровь, какъ и холостые. Если же, — чего Боже упаси! — дѣйстви-тельно надо придавать серьезное значеніе этой слабой сторонѣ женатыхъ, то, логически рассуждая, слѣдовало бы принципъ безбрачія и монашества, прежде всего, провести среди тѣхъ, отъ энергіи, предпріимчивости и храбрости которыхъ зависитъ исходъ кампаніи или хотя бы сраженія, т.-е. среди начальства, а не обращать вниманіе на молодыхъ субалтернъ - офицеровъ, руководителей всего только взводовъ. Но, благодаря Бога, такихъ требованій никто еще не ставилъ, и существующая семейственность военныхъ, связывая ихъ общественными интересами, не позволяетъ имъ замкнуться въ особую жестокую касту, избавляетъ міръ отъ подвиговъ кондотьери, отъ напраснаго пролитія крови. Природа не терпитъ попраіія своихъ естественныхъ правъ и казнить за такія правонарушенія.

Нельзя также упускать изъ виду, что молодые офицеры, оставившіе службу по случаю женитьбы, зачисляются въ запасъ и, слѣдовательно, въ военное время опять явятся подъ знамена. А многочисленный корпусъ «прапорщиковъ запаса»! На нихъ вѣдь не наложенъ законъ безбрачія и, несомнѣнно, у многихъ изъ нихъ осуществилось уже около полудюжины дѣтей? Вѣдь прапорщики не будутъ освобождены отъ войны: спеціально

для нея они и подготовляются? Жены ихъ,—хотя, по пословицѣ, «и не барыни», но у мужей сердце о нихъ будетъ щемить на войнѣ. А запасные нижніе чины!.. Что же, всѣ они обречены на трусость?!. Если быть послѣдовательнымъ, то нужно все здоровое мужское поколѣніе государства обязать не вступать въ бракъ до времени окончательнаго освобожденія отъ воинской повинности и достиженія матеріальнаго обезпеченія.

Для гражданскаго чиновника: для судьи, полицеймейстера, казначея, инженера, врача и многихъ другихъ также необходимо для точнаго исполненія своихъ обязанностей безусловное спокойствіе, мужество и храбрость. Очень важно, чтобы правительственные агенты не развлекались не казенными интересами и не кривили душой выгоды семьи ради. Но мыслимо ли завербовать ихъ въ монашескій орденъ? И какія бы изъ кажущагося вѣрнаго соображенія получились для общества и государства гибельныя послѣдствія?!

При рѣшеніи вопроса о запретительныхъ мѣрахъ нельзя не задуматься очень и очень надъ государственнымъ значеніемъ одного изъ главныхъ институтовъ общественности—о бракѣ.

Вспомнимъ прежде всего слѣдующее: права семейственныя являются такого рода присущими человѣку, естественными, такъ сказать, его правами, что лишеніе ихъ по суду сопряжено съ каторжными работами или ссылкой на поселеніе въ Сибирь.

Офицеръ вступаетъ въ ряды своего рыцарскаго корпуса изъ военнаго училища въ возрастѣ 19—22 лѣтъ и обязанъ прослужить полтора года за каждый годъ, проведенный въ военной школѣ, что выражается въ итогѣ тремя и даже $4\frac{1}{2}$ годами. Такимъ образомъ, офицеръ освобождается отъ обязательной службы иногда уже послѣ 25 лѣтъ. За это время онъ не поставленъ въ такія условія, которыя давали бы ему возможность слѣдовать свободному выбору; онъ не можетъ сказать себѣ: «хочу жениться, не хочу подчиняться военнымъ ограниченіямъ, и потому ухожу въ отставку». Если посмотрѣть съ этой стороны, то всѣ запретительныя мѣры противъ брака являются очень тяжелыми. Пишущему эти строки, женившемуся 22 лѣтъ, лично пришлось испытывать суровость запретительныхъ брачныхъ правилъ. Надо было выходить въ отставку (тогда еще разрѣшалось) и потомъ, потерявъ и старшинство, и другія временныя служебныя привилегіи, лишь черезъ годъ вновь вступить въ ряды войскъ.

Отъ кого должно зависѣть разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ? Конечно, необходимо разрѣшеніе командира части, котораго слѣдовало бы обязать по этому вопросу собирать совѣщанія изъ старшихъ офицеровъ. Не только корпусный командиръ, о которомъ говорится въ предположеніяхъ комиссіи, но и командиръ полка не можетъ знать въ деталяхъ офицера, а тѣмъ болѣе бу-

дущей его семейной обстановки: вотъ почему и важно мнѣніе старшихъ товарищей, живущихъ одной жизнью съ влюбленнымъ подпоручикомъ или поручикомъ.

Современныя цензовыя имущественныя правила обходятся на каждомъ шагу, и не думаю, чтобы они задержали стремленіе вступать въ браки. Стремленіе это стихійное, правилами и инструкціями остановить его нельзя: можно вызвать новыя ухищренія и обходы, а для неумѣлыхъ — ослушаніе или, еще того хуже, гибель. Мнѣ лично извѣстенъ полкъ, который въ 1853 году, — *когда не было еще ограничительныхъ правилъ*, — при выступленіи въ походъ не имѣлъ въ строю *ни одного женатаго*, исключая командира полка; въ 1877 году въ этомъ же полку было женатыхъ 15 проц., а въ 1898 — тридцать проц., если не больше. Надъ этимъ явленіемъ, вѣроятно не единичнымъ, слѣдуетъ призадуматься, такъ какъ оно даетъ указаніе на движеніе молодежи къ супружеству, — къ болѣе упорядоченной, къ болѣе нравственной жизни.

27-го іюля.

По поводу открытія памятника въ Москвѣ.

Сильной, могучей волной пронеслась по Руси хвала Царю-Освободителю за его великое служеніе Отечеству. Нахлынувшія воспоминанія вызываютъ на глазахъ слезы и невольно рвется слово въ привѣтствіе Царю-Мученику.

Ребенкомъ я росъ въ военной семьѣ среди кавказскихъ офицеровъ, воспитывался въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, служилъ въ полку, былъ въ академіи и наконецъ, именно въ 1881 году, оставилъ военную службу. Вся эта военная жизнь, все мое дѣтство и вся молодость по времени совпадаютъ съ эпохой Царя-Реформатора.

Своею замѣткой я желалъ бы напомнить читателямъ о специально-военной дѣятельности Монарха, результаты которой лично мнѣ пришлось переживать, а не только наблюдать.

Проникнутый взглядами и убѣжденіями окружавшей меня въ то время среды, я глубоко увѣ-

рентъ, что всѣ военные Александровскаго времени благоговѣйно относятся къ памяти своего бывшаго верховнаго Вождя и чтутъ его доблестное имя, связанное не только съ великими гражданскими реформами, но и съ обновленіемъ военной атмосферы. И кавказскіе ветераны, и кадеты, и военные гимназисты, и юнкера, и солдаты, и офицеры, всѣ,—всѣ, кого я видѣлъ вокругъ себя, горѣли любовью къ Государю. Изъ этой глубокой, общенаціональной привязанности никто не дѣлалъ себѣ монополіи. Не равна была близость къ Царю, но преданность, несомнѣнно, у всѣхъ была одинакова: каждый по мановенію руки Монарха готовъ былъ броситься навстрѣчу опасности и умереть за Него и отчизну.

Однако, и среди этихъ истинно-преданныхъ людей, въ рядахъ старослуживыхъ и отставныхъ, слышались иногда порицанія новому курсу. Раздавались голоса въ пользу возвращенія къ старымъ нормамъ. Старики увѣряли: дисциплины нѣтъ, солдаты, будто бы, не успѣваютъ въ короткіе сроки службы основательно обучиться военному дѣлу, распущенность и халатность—де полныя... Суровый «Николаевскій» режимъ ими восхвалялся.

Мы,—тогдашняя молодежь, да и большинство старослуживыхъ,—смотрѣли иначе. Мы понимали, что, къ счастью, поворота назадъ ждать нельзя и что армія въ общемъ своемъ развитіи

ушла далеко впередъ. Мы гордились побѣдами старыхъ русскихъ войскъ, съ любовью вглядывались въ блестящія историческія страницы, но въ то же время видѣли, что далеко не все прежде было благополучно...

Дѣйствительно, въ былое дореформенное время армія оффиціально представляла мѣсто наказанія, сюда «забривали» и «ссылали» не только «за шалости», но и за проступки и преступленія. Понятіе о дисциплинѣ зачастую поддерживалось грудами розогъ и системою шпицрутеневъ, что, однако, не устраняло возможности солдатскихъ бунтовъ цѣлыми ротами и даже полками...

И какъ же обращались съ солдатомъ, съ этой «Божьей сѣрой скотинкой», какъ называлъ его одинъ извѣстный генералъ...

Тысячи солдатъ работали даромъ на поляхъ начальствующихъ лицъ. Казнокрадство было возведено чуть не въ правило. Вѣдь не секретъ же, что разорившіеся офицеры нерѣдко получали въ командованіе полки «на кормленіе», «для поправки» своей конечно... Мало развѣ въ самомъ Петербургѣ многоэтажныхъ домовъ, выстроенныхъ изъ сбереженій, — «благоразумной экономіи» отъ солдатскаго пайка, фуража и обмундированія?..

Попадались подъ начальническій гнѣвъ только легендарные лихачи, въ родѣ того командира, который вывелъ полкъ на торжественный смотръ

въ доломаныхъ съ нарисованными мѣломъ шнурами...

Въ былое время солдатъ былъ отрѣзанный лотомъ отъ народа. Какъ безнадежно долженъ былъ онъ смотрѣть въ будущее! Послѣ многолѣтняго однообразія, послѣ утомительной и суровой муштры, послѣ десятковъ «сломанныхъ походовъ», онъ являлся домой никому ненужнымъ старикомъ, инвалидомъ-бобылемъ...

Да, благополучіе въ старое время было внѣшнее!

И вотъ воспрянули новыя силы, пригрѣтыя теплымъ отношеніемъ Императора Александра II къ добрымъ начинаніямъ болѣе совершеннаго уклада жизни, нашлись чуткіе люди стараго же «Николаевскаго» корпуса офицеровъ, которые отозвались на безпумный Царскій призывъ и горячо принялись за переустройство арміи и за передѣлку ея устарѣваго механизма.

Никакое дѣло сразу не налаживается. Конечно, и здѣсь были недодѣлки, но если Александръ II и оставилъ Своему могучему Наслѣднику военное зданіе не совсѣмъ законченное, то во всякомъ случаѣ на крѣпкомъ фундаментѣ и со стѣнами безъ трещинъ. Завершеніе Кавказской войны, покореніе Средней Азіи и послѣдняя Восточная война показали свѣту, что ни храбрость, ни выносливость нашихъ войскъ нисколько не упались.

Истинныя боевыя достоинства русскаго сол-

дата остались старыя—но жизнь его просвѣтлѣла, а значеніе русской военной силы увеличилось, не смотря на чрезвычайное, безпримѣрное въ исторіи боевое напряженіе богатыхъ и культурныхъ западныхъ государствъ.

Застоявшаяся въ теченіе долгихъ лѣтъ реформаторская энергія Россіи, почувствовавъ въ концѣ 50-хъ годовъ свободу, сразу слишкомъ порывисто бросилась впередъ. Снисходительно относясь къ этому слишкомъ быстрому преобразовательному движенію, Императоръ Александръ II какъ бы провидѣлъ исполинскую личность Своего Наслѣдника, Прирожденного Самодержца, который легко могъ сдержать излишнія увлеченія, излишнюю поспѣшность.

Съ надеждой на лучшее будущее Россіи смотрѣлъ Александръ II впередъ, и хотя, потрудившись надъ очищеніемъ политической русской атмосферы отъ спертаго воздуха, погибъ мученически отъ послѣднихъ отчаянныхъ взрывовъ вреднаго газа,—но оставилъ Своимъ преемникамъ родную страну пробудившеюся отъ вѣкового сна и принявшеюся, по мѣрѣ силъ, за созидательную работу государственнаго благополучія.

Въ любимой Имъ арміи, въ этой важной и хорошо Ему извѣстной составной части государственнаго организма, въ Божѣ почивающій Императоръ находилъ отраду, находилъ успокоеніе

отъ стремительнаго политическаго вихря. Здѣсь онъ воочію видѣлъ плоды Своихъ преобразовательныхъ трудовъ. Здѣсь не было мѣста ни увлеченіямъ, ни излишней торопливости... И въ эти дни общаго торжества многія тысячи благодарныхъ воспитанниковъ Его военной школы громко привѣтствуютъ открытіе московскаго памятника ихъ Державному Опекуну и Попечителю словами: «Слава Царю Александру II! Слава!»

12-го августа.

Чай и сахаръ.

Читали ли вы о сужденіи нижегородскаго собранія чаоторговцевъ? Какъ слышно, на заключеніе этихъ авторитетныхъ экспертовъ было официально передано предположеніе о повышеніи пошлины на чай, вывозимый къ намъ изъ Китая по сухопутной границѣ. Сибирская дорога приблизила и чайныя плантаціи, и китайскую границу къ русскому рынку настолько, что у потребителей зароились вожделѣнія о скоромъ удешевленіи продукта, являющагося предметомъ первой необходимости; однако эти ожиданія, видимо, должны разлетѣться въ прахъ. Добровольный флотъ заинтересованъ въ перевозкѣ чайныхъ грузовъ и для него Сибирская желѣзная дорога съ своимъ болѣе дешевымъ провозомъ встаетъ въ видѣ грознаго призрака.

Неизвѣстно, сдѣлало ли управленіе Добровольнаго флота попытки къ борьбѣ на вездѣ усвоенныхъ принципахъ свободной конкуренціи, т.-е.

приняло ли мѣры къ тому, чтобы путемъ различныхъ улучшеній и уменьшеній фрахта не оттолкнуть отъ себя прежнихъ кліентовъ? Пока, какъ увѣряютъ, въ защиту интересовъ Добровольнаго флота, предположено на чай, идущій черезъ сухопутную границу, повысить пошлину въ размѣрѣ разницы провоза. Собраніе часторговцевъ нашло такое предположеніе вполне цѣлесообразнымъ.

— Позвольте,—кричитъ обыватель,—а наши интересы, интересы потребителей, вы забыли? А интересы казенной желѣзной дороги?..

Въ самомъ дѣлѣ, что-то да не такъ... Въ интересахъ развитія отечественнаго, скажемъ, на примѣръ, желѣзнаго производства или машиностроенія, можно мириться съ высокой пошлиной на соотвѣтствующіе предметы; въ этомъ случаѣ впереди брезжить надежда распространенія покровительствуемаго производства въ самой Россіи и отсюда цѣлый букетъ всякихъ благъ. Но въ чайномъ вопросѣ дѣло идетъ о продуктѣ, который воздѣлывается у насъ въ такомъ ничтожномъ, оранжерейномъ количествѣ, что о таможенной его защитѣ никто и голоса не поднимаетъ; да и не о покровительствѣ русскимъ чайнымъ плантаціямъ нижегородскіе купцы заботятся.

Увеличеніе потребленія чая является, въ видахъ физическаго поддержанія націи, огражденія ея отъ пьянства, чрезвычайно желательнымъ; а

поэтому, казалось, слѣдовало бы привѣтствовать всякое его удешевленіе. Казалось бы также, что въ интересахъ казны крайне желательно привлеченіе большого количества грузовъ на свою дорогу, а не отпугиванье ихъ таможеннымъ штрафомъ за желаніе воспользоваться казенной рельсовой линіей.

Тяжелый чайный тарифъ для дороги и чайная премія для пароходовъ не могутъ въ существѣ измѣнить дѣла и сибирская желѣзнодорожная колея всегда будетъ выгоднѣе для перевоза грузовъ, чѣмъ кружный морской путь. Слѣдовательно, Добровольный флотъ будетъ только биться въ чайной агоніи до полного торжества общегосударственныхъ интересовъ. Если допустить цѣлесообразность повышенія пошлины на чай въ интересахъ спасенія Добровольнаго флота, то отчего не распространить предложенную систему борьбы и на другіе предметы перевозки? Отчего не увеличить стоимость пассажирскихъ билетовъ и вообще соотвѣтственно повысить тарифъ на все перевозимое? Какъ только все это отразится на дорогѣ, какъ отразится на потребителяхъ?..

Не проще ли, если нужно, прямо помочь Добровольному флоту новой субсидіей, не останавливая естественнаго развитія обоюднo-выгоднаго азіатско-европейскаго товарообмѣна, вызваннаго новой грандіозной дорогой. За что же обрѣзать

ей крылья и завѣдомо съуживать ея дѣятельность? Добровольный флотъ, несомнѣнно, найдетъ для себя, если того пожелаетъ, многіе милліоны пудовъ груза, которые теперь перевозятся на богатѣющихъ за нашъ счетъ иностранныхъ «купцахъ».

Съ сахаромъ и чаемъ у насъ неладно. Дешевый сахаръ и чай лучшіе пособники казны въ ея борьбѣ съ пьянствомъ. Первый, въ погонѣ за поддержкой цѣны, мы скармливаемъ за грошъ англійскимъ свиньямъ, а на второй собираемся наложить штрафъ въ пользу Добровольнаго флота. Нѣтъ, что-то не такъ...

5-го октября.

Противъ прогресса.

Вчера потухло въ квартирѣ электричество, а сегодня лампочки опять начинаютъ тревожно мигать... Непріятно, зло беретъ. Какъ нарочно, по почтѣ получилъ рекламу нѣкаго анонимнаго общества о «керосиновой горѣлкѣ накаливанія»,— получилъ и случайно не бросилъ въ корзину, а прочелъ и заинтересовался. Положимъ, кто себя будетъ бранить?! Если повѣрить объявленіямъ, то достаточно помыться мыломъ «Тарарамбумбія» и попудриться пудрой «Фуроръ», чтобы изъ урода обратиться въ красавца, въ особенности, если предварительно натереть себѣ усердно лысину шведскимъ «патомъ»... Но результаты примѣненія косметики дѣло спорное. Иной въ самомъ дѣлѣ вообразить, что похорошѣлъ; опровергать не такъ-то легко, да и кому интересно этимъ заниматься!.. Въ данномъ же случаѣ, въ дѣлѣ съ горѣлкой накаливанія, реклама сводится къ цифровымъ даннымъ, которыя провѣрить возможно.

А вдругъ, думаю я, и въ самомъ дѣлѣ «этотъ родъ освѣщенія самый лучшій и дешевле всякаго иного?» Что если въ дѣйствительности керосиновая горѣлка безопасна и при превосходствѣ на 68⁰/о силы свѣта электрической лампочки даетъ экономію въ 90⁰/о? Вѣдь это для обывателя дѣло высокой важности. Желательно было бы разработать этотъ вопросъ подробно въ печати.

Глядя на красноватый и тускловатый свѣтъ современныхъ электрическихъ лампочекъ, право, вспомнишь и о керосинѣ. А между тѣмъ электрическое освѣщеніе свершаетъ побѣдное шествіе по Петербургу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ устройство его носило характеръ кустарнаго производства и многіе домохозяева завели себѣ маленькія станціи, которыя выставили надъ крышами свои безобразныя трубы и начали попыхивать и постукивать на страхъ и озлобленіе жильцовъ и сосѣдей.

Теперь, видимо, кустарный періодъ отходитъ въ сторону и, подъ напоромъ капитала, развивается фабричное производство электрической энергіи. Появились большія, солидныя общества и спѣшно стали бороздить столичную территорию своими кабелями. Централизація производства удешевляетъ продуктъ, но ставитъ потребителей въ зависимость отъ трудно предвидимыхъ случайностей. Блистательно освѣщенный, оживленный культурный городъ въ одно мгновеніе мо-

жетъ быть погруженъ въ полный мракъ и очутиться въ положеніи горшечъ, чѣмъ уѣздное захолустье, освѣщаемое кой-гдѣ мелькающими огоньками старыхъ коптилокъ-фонарей.

Недавно я видѣлъ источникъ, изъ котораго полетитъ энергія по проводамъ одного изъ электрическихъ обществъ. На углу набережныхъ Фонтанки и Введенскаго канала за это лѣто возведенъ странной формы домъ; точно гигантскій жирафъ опрокинулся на спину и выставилъ къ небу свои длинныя тонкія ноги, — такъ и здѣсь надъ низкимъ фабричнымъ туловищемъ вздымаются чрезвычайно высокія четыре трубы. Зрѣлище не изъ красивыхъ... Помимо архитектурнаго уродства, не думаю, чтобы эти четыре огнедышащія жерла были уместны въ центральной части города, рядомъ съ Семеновско-Александровскимъ госпиталемъ и Обуховской больницей. И безъ того у насъ вмѣсто воздуха какая-то мокрая, грязная вата, а тутъ прибавится дымъ и шумъ отъ новой «фабрики энергіи». Бѣдные больные! Правда, къ шуму они немного попривыкли, сосѣдній желѣзнодорожный вокзалъ также не изъ спокойныхъ сосѣдей и посвисты локомотива мало убаюкиваютъ разстроенные нервы. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ въ городскомъ районѣ позволяютъ манинистамъ прибѣгать къ этимъ сигналамъ, разрывающимъ барабанныя перепонки? Въ особенности убійственно дѣйствуетъ на слухъ ревъ остервенѣлаго паровоза

подъ крышей дебаркадера. Кому это нужно? Неужели нельзя въ этихъ случаяхъ довольствоваться болѣе гуманными и не поражающими болѣзненно ухо звуками?

Заговоривъ о строящейся станціи электрическаго общества, я безъ восторга отозвался объ ея архитектурной сторонѣ. Дѣйствительно, восторгаться нѣтъ основанія. Характернѣйшая особенность современныхъ большихъ построекъ — трубный» придатокъ — превосходитъ здѣсь всякую мѣру. Взгляните на новѣйшія монументальныя зданія — и непременно надъ крышей торчитъ какая-нибудь то вышка для лифта, то вентиляціонная, то станціонная безобразная труба.

Вообще чисто утилитарное строительство все болѣе и болѣе оттѣсняетъ запросы эстетики на красоту и гармонію линій. Художественное, истинно архитектурное творчество въ вопросахъ санитарныхъ, въ вопросахъ гигиены прибѣгало прежде, въ доброе старое время, къ спасительному содѣйствію природы; оно старалось поставить дома просторнѣе, дать большій доступъ солнечному свѣту и воздуху, окружить зданія садами и площадками; а теперь строители стремятся вытяжными трубами освѣжить спертый воздухъ громаднхъ людскихъ коробокъ и электрическими лампочками замѣнить солнечные лучи, замѣнить дневной свѣтъ. А его въ Петербургѣ становится все меньше и меньше.

Грустно смотрѣли въ центрѣ города еще недавно нѣкоторые петербургскіе пустыри и манили разбить на нихъ скверы, устроить живительные резервуары воздуха для обывательскихъ легкихъ. Теперь ужъ ихъ не видно, исчезли пустыри, исчезли сиротливыя деревья и на мѣстѣ ихъ спѣшно выросли многоэтажныя оброчныя статьи. На улицѣ и во дворахъ стало еще темнѣе, еще грустнѣе...

Конечно, электричество—благодѣтельная сила, но, пока эксплуатація его въ періодѣ усовершенствованій, нѣтъ основанія пренебрегать другими источниками свѣта, болѣе дешевыми, болѣе подвижными и стоящими внѣ зависимости отъ всегда возможныхъ капризовъ фабричнаго производства электрической энергіи. Отъ добра добра не ищутъ, и я увѣренъ, что при условіи существованія чудодѣйственныхъ горѣлокъ, гарантирующихъ потребителей отъ ламповаго жара и копоти, керосинъ долго еще будетъ успѣшно конкурировать съ электричествомъ.

Если въ абсолютномъ, безропотномъ поклоненіи электричеству и безусловномъ предпочтеніи его другимъ родамъ освѣщенія видѣть прогрессъ, то я, ворчливый потребитель,—противъ прогресса.

12-го октября.

Jardin d'Acclimatation.

Толки объ устройствѣ въ столицѣ научнаго зоологическаго сада, чуждаго кафепантаннымъ приманкамъ, давно уже циркулируютъ въ печати, но до сихъ поръ безплодно. Сегодня К. Сентъ-Илеръ въ «Новомъ Времени» вновь поднимаетъ этотъ вопросъ и основательно указываетъ на педагогическое значеніе такого учрежденія для подрастающаго поколѣнія, которое могло бы почерпать въ саду матеріалы для пополненія скудныхъ своихъ наблюденій не только въ области зоологіи, но и ботаники. Послѣднее сближеніе наводитъ меня на мысль указать на великолѣпный петербургскій Императорскій Ботаническій садъ, какъ на мѣсто вполне подходящее для намѣченной цѣли. Этотъ роскошный и поучительный садъ въ сущности мало, до обиды мало посѣщается. Несомнѣнно, въ Петербургѣ найдутся сотни тысячъ жителей, никогда сюда не заглядывавшихъ. Оживленіе сада животнымъ цар-

ствомъ, иллюстрація древесныхъ аллей птицами и звѣрями придали бы ему чрезвычайный интересъ. Постепенно переродившись въ Jardin d'Acclimation, Ботаническій садъ, какъ одно изъ учрежденій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, нисколько бы не вышелъ изъ предѣловъ задачъ своего вѣдомства; у города же есть столько насущныхъ потребностей, что устройство теперь же зоологическаго сада было бы роскошью для него.

Конечно, государство могло бы и при расширеніи дѣятельности Ботаническаго сада оставить попрежнему входъ бесплатнымъ, чѣмъ парировалось бы совершенно вѣрное замѣчаніе редакціи о нежелательности установленіемъ входной платы препятствовать населенію пользоваться и безъ того бѣдными количественно петербургскими садами.

3-го ноября.

Критическія статьи въ «Русской Мысли».

Говорятъ, что критическія статьи теперь не въ модѣ. Ничуть не бывало. Взгляните въ сентябрьскую и октябрьскую, напримѣръ, книжки почтенной «Русской Мысли», и тамъ усмотрите три солидныхъ очерка, посвященные обзору печатныхъ трудовъ гг. Южакова, Потапенко, Мельшина, С. Максимова, Ант. Чехова и даже покойнаго О. М. Достоевскаго.

На перваго ополчился учитель русскаго языка И. К., второго и бранить, и хвалить М. Протопоповъ, а произведенія послѣднихъ четырехъ служатъ матеріаломъ А. Скабичевскому для подведенія итоговъ «каторги пятьдесятъ лѣтъ назадъ и нынѣ». Вотъ послѣ этого и говорите о недостаткѣ критиковъ - руководителей!

Изъ всѣхъ поименованныхъ работъ меня больше другихъ занимаетъ «Г. Южаковъ и русскій языкъ въ средней школѣ»; но раньше чѣмъ перейти къ этой статьѣ съ загадочнымъ заглавіемъ,

поговоримъ о «художественной критикѣ» А. Скабичевского.

По неожиданному для меня откровенію уважаемаго критика, «ни одна сторона русской жизни не изслѣдована такъ подробно и тщательно, какъ именно эта» (т.-е. каторга). Казалось бы, что, установивъ такой, — правда, нѣсколько рискованный, — взглядъ на дѣло, А. Скабичевскому нужно было обратить свое прозорливое око къ менѣе изслѣдованнымъ и болѣе темнымъ вопросамъ; но его неудержимо тянетъ въ каторгу... При этомъ онъ далекъ отъ мысли доставить читателямъ «полное всестороннее свѣдѣніе о жизни каторжныхъ и поселенцевъ»; нѣтъ, «цѣль моей статьи совсѣмъ иная, — говоритъ онъ, — болѣе скромная, подходящая не къ историческому изслѣдованію, а къ художественной критикѣ». Вотъ какъ! Неужели историко-этнографическій очеркъ такъ высоко паритъ надъ художественной критикой?!

Прочелъ статью съ интересомъ. — Однако, пробудившееся по первоначально удивленіе не только не улеглось, но росло все болѣе и болѣе. Г. Скабичевскій удостовѣряетъ, что не только съ фактической стороны, но и въ «чисто художественномъ отношеніи» книга г. Мельшина смѣло можетъ стать рядомъ съ «Записками изъ Мертваго Дома» Достоевскаго». Такое уравниеніе достоинствъ г. критикъ, видимо, дѣлаетъ ужъ такъ,

изъ любезности къ предразсудку о геніальности Достоевскаго.

«Внѣшняя изобразительность, пластика хромаетъ во всѣхъ его самыхъ лучшихъ романахъ, даже и такомъ дѣйствительно шедеврѣ его, какъ «Преступленіе и Наказаніе».—Не удивителенъ-ли видъ хромающаго шедевра?!. Авторъ «далекъ отъ того колѣнопреклоненія передъ геніемъ Достоевскаго, какое обнаруживаетъ г. Мельшинъ». Да и почему онъ будетъ восторгаться?!. «Внѣшніе облики героевъ расплываются передъ вами въ видѣ какихъ-то смутныхъ, блѣдныхъ, колеблющихся тѣней»... Что касается «Записокъ изъ Мертваго Дома» и спеціально нравоописанія, то «талантливое перо, конечно, и здѣсь проявило себя талантливымъ, особенно въ тѣхъ страницахъ, гдѣ *Θ. Достоевскому пришлось гарцовать на своемъ конькѣ* *), т.-е. при изображеніи и анализѣ разныхъ психическихъ движеній обитателей «Мертваго Дома». Какая малость, подумаешь! Всего только... «Внѣшняя же бытовая сторона каторжной жизни, равно какъ и фигуры каторжниковъ рисуются передъ вами столь же неопредѣленными смутными чертами, какъ и во всѣхъ прочихъ произведеніяхъ *Θ. Достоевскаго*. И если къ этому прибавить еще техническую неуклюжесть Записокъ, отсутствіе въ нихъ строгой систематично-

*) Курсивъ нашъ.

сти; мѣстами повторяемость, мѣстами отрывочность или многословіе, лабиринтъ отступленій и возвращеній, вслѣдствіе чего, *порою, читатель словно бродитъ въ дремучемъ лѣсу безъ всякихъ дорогъ*, перелѣзая черезъ пни и поваленныя деревья,—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ произведеніе Достоевскаго весьма далекимъ отъ того *всмичія и очарованія гения*, передъ которымъ преклоняется г. Мельшинъ». Читаешь эту грозную тираду и невольно сокрушаешься. Эхъ, думаешь, если бы Достоевскій въ оны времена догадался отдать свое произведеніе А. Скабичевскому для уничтоженія лабиринтовъ и расчистки лѣсныхъ дебрей! Художественный критикъ привелъ бы все въ строгую систему и живо осадилъ бы «гарцовавшаго» писателя съ его конька. Этакая, право, досада!..

Странно только, что послѣ приведеннаго неслестнаго отзыва о расплывчивости и отсутствіи рельефа, А. Скабичевскій на стр. 83 говоритъ такъ: «я убѣжденъ, что въ вашемъ воображеніи *вполнѣ рѣзко и отчетливо* сохраняются тѣ мрачныя краски, какими Достоевскій изобразилъ свой «Мертвый Домъ». Вотъ тутъ и разберитесь въ этомъ лабиринтѣ такъ-называемой «художественной критики»...

Знакома читателя съ талантливо-нарисованными г. Мельшинымъ типами «изъ міра отверженныхъ», г. Скабичевскій указываетъ на холод-

ность и равнодушіе, съ какимъ отнеслись арестанты къ «Запискамъ изъ Мертваго Дома», а одинъ изъ нихъ вдругъ крикнулъ: «Задавить бы его надо, а не читать!» И когда герой г. Мельшина началъ доказывать, что Достоевскій, описавъ несовершенства каторги, оказалъ заключеннымъ великую услугу, то его и слушать не захотѣли. Конечно, г. Скабичевскій не пытается, подобно арестантамъ, кровопійствовать и душиť великаго писателя-покойника, но въ заключительныхъ строкахъ своего очерка онъ все-таки даетъ пинка Достоевскому. Герой г. Мельшина, по ожиданіямъ почтеннаго критика, могъ сильно воздѣйствовать въ благотворномъ смыслѣ на внутренній бытъ арестантовъ, но онъ потерялъ къ тому удобный случай, отказавшись отъ должности старосты... «Да проститъ меня читатель, — горько вздыхаетъ г. Скабичевскій, — если главнымъ виновникомъ въ этомъ, судя по многимъ мѣстамъ книги г. Мельшина, я считаю не кого иного, какъ *Θ. М. Достоевскаго*, подѣ влияніемъ чтенія котораго герой г. Мельшина вошелъ въ острогъ съ предубѣжденіемъ встрѣтить въ шпонкѣ общую противъ себя вражду».

Не знаю, какъ другіе читатели, но что касается меня, то я не прощу этого г. Скабичевскому. Не прощу равно ему и того, что, сравнивая съ современнымъ положеніемъ дореформенное отношеніе сѣраго люда къ интеллигенціи, онъ

сильно сгущаетъ краски и незамѣтно отходить отъ дѣйствительности. «Въ то время», по его словамъ, «чѣмъ-то зловѣщимъ въ будущемъ вѣяло отъ этого настроенія массъ. Становилось жутко отъ косыхъ, полныхъ вражды и ненависти, взоровъ, встрѣчавшихся на каждомъ шагѣ, отрывочныхъ, грубыхъ словъ и готовности при всякомъ удобномъ случаѣ поставить васъ въ скверное положеніе и при этомъ посмѣяться надъ вами».

Люди добрые! Да кто видѣлъ такую картину?!. Это дядя-то Митяй съ дядей Миняемъ такъ злобно смотрѣли?!

По дорогѣ, заодно, г. Скабичевскій, не смущаясь великимъ значеніемъ крестьянской реформы, пришедшей сверху, говоритъ такія недобрыя слова: «Я убѣжденъ въ томъ, что въ сознаніи неотложности крестьянской реформы и быстротѣ ея совершенія большую роль игралъ *страхъ* *) въ виду того общаго озлобленія, которое чувствовалось въ ежедневныхъ мелочахъ жизни».

Современное соотношеніе простонародья къ интеллигенціи болѣе радуетъ г. Скабичевского. Благодаря дѣятельности «различныхъ земскихъ дѣятелей, сельскихъ учителей, *адвокатовъ*, онъ (освобожденный народъ) мало-по-малу привыкаетъ къ мысли, что среди образованныхъ классовъ на-

*) Курсивъ нашъ.

рода можно встрѣтить друзей, благопожелателей и заступниковъ».

Несомнѣнно, человѣчество годъ отъ году совершенствуется, но можно смѣло сказать, что и безъ участія «адвокатовъ» крестьянство знавало и знаетъ не только своихъ «благопожелателей» (титულъ не особенно желанный, пустой...), но истинныхъ радѣтелей и благодѣтелей. Самъ же г. Скабичевскій въ другомъ мѣстѣ говоритъ объ исключительной просвѣтительной дѣятельности въ Сибири декабристовъ. На Руси всегда немало встрѣчалось людей, которые давали простому народу больше, чѣмъ праздныя «благопожеланія».

Немало дивился я, читая интересныя статьи почтеннаго критика, но особенно поразился тѣмъ, что для вывода о близости осуществленія «свободныхъ *умственно-нравственныхъ союзовъ* *) между интеллигенціей и людьми физическаго труда»,—ему необходимо было окунуться въ каторжную сферу и громко провозгласить: «Книга г. Мельшина служить, по моему мнѣнію, прекраснымъ тому доказательствомъ». Существуетъ извѣстное изреченіе: я беру тамъ добро, гдѣ его нахожу. Г. Скабичевскій тоже черпаетъ его попутно и, конечно, особаго грѣха въ томъ нѣтъ, но для сколько-нибудь точнаго діагноза такого деликатнаго психологическаго состоянія, какимъ

*) Курсивъ нашъ.

долженъ явиться желанный «умственно - нравственный союзъ», казалось бы, слѣдовало поискать другую среду, болѣе здоровую, болѣе нормальную, чѣмъ глубоко несчастный «міръ отверженныхъ».

Изъ области эстетики перенесемъ въ дебри учебниковъ русской грамматики. Оказывается, г. Южаковъ, какъ пишутъ въ «Русской Мысли», раскритиковалъ ихъ въ пухъ и прахъ. По его мнѣнію, школа положительно разучиваетъ писать и, по милости безграмотныхъ учебниковъ, «многія поколѣнія лишены возможности научиться правильному литературному употребленію родной рѣчи». Главный выводъ — «оцѣнивать учебники должны не чиновники, справляющіеся съ законоположеніями и циркулярами, а ученые и писатели, освѣдомленные о движеніи науки и слѣдящіе за литературою».

Погромъ учебниковъ, произведенный г. Южаковымъ въ «Русскомъ Богатствѣ», произвелъ тягостное впечатлѣніе на г. И. К., и онъ рѣшилъ взяться за перо. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается».

Выступить учителю съ замѣткой въ 15 страницъ представляется трудомъ чрезвычайнымъ. «*Прошлымъ* лѣтомъ, — потому что до лѣта было некогда, — я прочелъ статью г. Южакова о русскихъ грамматикахъ и тутъ же подумалъ, что статья не останется безъ отвѣта; *потомъ* погово-

рилъ съ товарищами, — оказалось, что и они — моего мнѣнія; *потомъ* совѣтовалъ кой-кому написать отвѣтъ; *потомъ* дожидался этого отвѣта, такъ какъ знаю людей достаточно компетентныхъ и умѣлыхъ; *потомъ*, наконецъ, собрался самъ отвѣчать и такъ прособирался вплоть до послѣднихъ дней»... Неправда-ли, характерное «собираніе во походъ?» А что, если бы пришлось ему дать отповѣдь по поводу двухтомнаго сочиненія? Дождались бы, пожалуй, къ юбилею произведенія...

Г. учитель не берется поддерживать непогрѣшимость учебниковъ. «Защищать учебники русской грамматики я никоимъ образомъ не думаю: ужъ гдѣ защищать учебники эти учителю русскаго языка! Ему хорошо, конечно, извѣстно, насколько они плохи, и роль адвоката въ данномъ случаѣ совсѣмъ мнѣ не къ лицу». Въ чемъ же тогда дѣло? А въ томъ, что, по мнѣнію г. учителя, г. Южаковъ самъ-де выказалъ полную свою «невинность» въ знаніи русской грамматики и, указывая на авторитеты, дѣлаетъ-де это безъ системы и безъ должнаго изученія предмета.

Видимо, г. учителю желательно, чтобы авторъ, ссылаясь на какое-нибудь сочиненіе, доложилъ читателямъ своими словами все имъ усвоенное для оцѣнки его познаній тѣмъ или другимъ балломъ. Трудно съ гг. учителями сговориться! По-

мимо общих замечаний, достается автору, потревожившему педагогический покой, и при разборѣ деталей его статьи. На резонный вопросъ г. Южакова: «*люблнвмт*» (изъ учебника г. Преображенскаго)—что сіе означать можетъ?»—г. И. К. спѣшитъ отвѣтить тѣмъ же тономъ «*ставмт*?» (приведено у Южакова)—что сіе означать можетъ?» Г-нъ И. К. посмѣивается надъ производствомъ отъ глагола *нхмт*—формы *ндм* и нисколько не раздѣляетъ тяжелаго чувства г. Южакова по отношенію къ составителямъ учебниковъ гг. Преображенскому и Богданову, которые выказали «дерзкую небрежность или круглое невѣжество», не приведя одной изъ самыхъ, будто бы, употребительныхъ формъ—«*я хваленз*»...

Не взирая на то, что г. Южаковъ, по учительской оцѣнкѣ, «по своимъ познаніямъ не лучше составителей учебниковъ», И. К., однако, говоритъ слѣдующее: «разумѣется, нѣкоторыя изъ ошибокъ въ нашихъ учебникахъ обнаружены г. Южаковымъ совершенно правильно, но этихъ ошибокъ такъ много и настолько онѣ замѣтны, что увидать ихъ чрезвычайно легко». А! Каково же учиться по такимъ учебникамъ?!

Казалось бы, основная мысль г. Южакова о компетентности въ этой области ученыхъ и литераторовъ совершенно вѣрна. Но г. И. К. трудно сбить съ позиціи отрицанія, и онъ находитъ нужнымъ боднуть дерзновеннаго, покусившагося за-

браться въ школьный вертоградъ. «Что же касается, — говоритъ онъ, — до ученыхъ и писателей, которыхъ г. Южакъ рекомендуетъ какъ цѣнителей, то имъ необходимо знать, кромѣ науки и литературы, школу, школьную жизнь и школьную обстановку». У почтеннаго учителя слишкомъ своеобразный взглядъ на современныхъ ученыхъ, которые, видимо, по его мнѣнію, всѣ сидятъ подъ стеклянными колпаками и пишутъ какую-то науку... Что такое обозначаетъ предположеніе о незнакомствѣ литераторовъ ни съ чѣмъ, «кромѣ литературы?» Даже и понять трудно...

Каковъ же рецептъ г. И. К. къ уврачеванію школьныхъ грамматическихъ язвъ? По убѣжденію его, почерпнутому отчасти изъ «трудно, какъ удостовѣряетъ г. учитель, написанной книги» проф. Потебни, а отчасти по собственному опыту, — всякая грамматика вообще и русская въ частности во всемъ своемъ объемѣ не можетъ быть предметомъ изученія младшихъ классовъ средней школы, такъ какъ она слишкомъ трудна, слишкомъ изобилуетъ отвлеченностями, слишкомъ сложна и слишкомъ мало разработана. Въ виду програмныхъ требованій въ погонѣ за усвоеніемъ учениками грамматическихъ отвлеченій, преподаватель не имѣетъ времени заняться съ ними чтеніемъ литературныхъ образцовъ, нѣтъ времени побесѣдовать съ дѣтьми и слѣдить за обработкой ихъ рѣчи,

«Дайте намъ возможность почитать съ учениками, да потолковать, мы научимъ чему-нибудь ихъ; они не будутъ *блистать неумѣніемъ* *) обращаться со словомъ и незнаніемъ русской литературной рѣчи».

Да, безспорно, современная постановка преподаванія «языковъ» изъ рукъ вонъ плоха, и грамматика является однимъ изъ главныхъ ученическихъ враговъ.

Несомнѣнно желательно изгнать преподаваніе грамматики изъ младшихъ классовъ, но гдѣ-то, въ какомъ-то классѣ необходимо изученіе нѣкоторыхъ грамматическихъ обобщеній; слѣдовательно, все-таки нужны будутъ и учебники, а за ними, какъ справедливо указываетъ г. Южакъ, слѣдуетъ учредить бдительный *научно-литературный* надзоръ.

10-го ноябрю.

*) Курсивъ въ приведенныхъ выпискахъ изъ статьи И. К.—нашъ,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Путевые очерки.

	СТРАН.
Франко-русская недѣля	1
Въ Нижнемъ	84
Въ центрѣ Россіи	105
Въ Малороссіи	121
Въ Старой Финляндіи	152
Въ Прикаспійскую Ниццу	173

Замѣтки въ 1898 году по различнымъ вопросамъ.

Два назначенія	3
Дагестанскія желѣзнодорожныя жертвы	5
Борьба съ плутократіею	7
Петербургъ—дачное мѣсто	12
Праздникъ мира	19
Россійское благодушіе	22
По морскимъ дѣламъ	26
Тридцать пять лѣтъ	30
Двѣ статуи	34
Соперники	38

	СТРАН.
На рѣкѣ	46
Уподобленія	49
Pro domo	54
Поренменованія	56
Независть	61
На досугѣ	65
Воспѣвающіе природѣ	72
Вѣкъ жизни—вѣкъ ученья	77
Здоровье	83
Гладстонъ въ андромѣ	85
Война и народное хозяйство	89
Нашадеііе и отпоръ	96
Комплектованіе войскъ инструкторами	101
На храмъ Божій	112
Размышленія сухонутнаго человѣка	116
Взаимопомощь	120
Дѣтскій отдыхъ	124
Русская кормилица и воскресающій Лазарь	128
Пасынки номенклатуры	135
Офицерское обмундированіе	138
Офицерская брачная зрѣлость	149
По поводу открытія памятника въ Москвѣ	157
Чай и сахаръ	163
Противъ прогресса	167
Jardin d'Acclimatation	172
Критическія статьи въ «Русской Мысли»	174